

Симон Львович Соловейчик

Непрописные истины воспитания. Избранные статьи

Как воспитывать ребенка –

Аннотация

Симон Соловейчик – педагог, писатель, журналист, автор книг-бестселлеров для детей и родителей. Целое поколение мам и пап воспитывали детей по его знаменитой книге «Педагогика для всех». А многие взрослые вспоминают, как сами они выросли по книге-самоучителю «Учение с увлечением», которую и сегодня считают главной книгой своего школьного детства.

«Непрописные истины воспитания» – это собрание уникальных статей о семейном воспитании, каждая из которых – педагогическое открытие в отношении детей и взрослых. Эти открытия позволяют избежать драматических и порой непоправимых ошибок в воспитании наших детей.

Предисловие

В семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века Соловейчик стал едва ли не самым знаменитым «писателем для родителей». Даже возникла особая категория людей – тех, кто считал, что воспитывает детей «по Соловейчику», так же как другие воспитывали «по доктору Споку».

Но воспитание «по Соловейчику» вряд ли укладывалось в методическую систему. Дело все-таки было не в том, чтобы мы становились очень озабочены тем, как детей баловать, или решали не учить их вежливости. Нам лишь показывали, что вопреки всем привычным представлениям можно поступать и так – и беды не будет. А можно вести себя и более привычно, и это тоже не обязательно окажется ошибкой.

Каждое печатное выступление Соловейчика приоткрывало дорогу к какому-то более глубокому, целостному взгляду на вещи, на отношения людей, на мир детей, на себя самого.

И сегодня «родительская» публицистика Соловейчика словно демонстративно противостоит всему массиву советов для родителей и инструкций по правильному воспитанию детей: «К разочарованию многих, педагогика общения утверждает, что никакого «правильного» голоса, тона, способа, приема нет... Что все зависит от того, что за человек отец, насколько доверяет ему мальчик, как сложились их отношения...»

Эту педагогику спрашивают: «Как сделать?», а она отвечает вопросом: «А что вы за человек?»

Любую проблему с детьми обычно хочется перевести в управленческую задачу: «что с ними надо сделать, чтобы они...». А Соловейчик доказывает, что в отношениях с детьми управленческая логика до добра не доводит; что нам суждено решать не арифметические примеры, а системы уравнений со многими неизвестными: «Каждый раз, когда возникает затруднение с детьми, мы должны искать выход – ну точно так же, как если бы мы решали математическую задачу. Мы не можем списать ответ, не можем, рассердившись, разорвать негодный учебник на части, не можем выбрать себе другую задачу, полегче. Нам задана именно эта, и мы должны над ней мучиться, пока не решим!»

У подобной «алгебры» свои вполне строгие законы – но их, увы, не свести к рецептам и алгоритмам.

Статьи в газете «Неделя» у Симона Соловейчика выходили шестнадцать лет – первая в 1970-м, последняя – в 1986-м, со средним интервалом года в полтора.

Однако большая часть этих статей выстраивается так, словно их писали друг за другом. Они движутся единым смысловым сюжетом и общей интонацией, выглядят регулярной газетной рубрикой. Регулярная рубрика, выходившая раз в полтора года!

Но о причинах именно такой регулярности можно догадаться. Ведь большинство из этих статей становилось едва ли не поводом для маленьких революций в правилах семейной жизни.

«Нередко мы воспитываем детей по принципу “так принято”. Однако не все “принятое” разумно. Вдруг оказалось, например, что малыша можно сначала учить плавать, а потом уже ходить... Кто мог ожидать такого поворота?»

Подобным скромным образом начинал разговор Соловейчик, а потом «брал на себя смелость» ставить под сомнение, казалось бы, бесспорные истины: а надо ли учить детей вежливости? а действительно ли детей вредно баловать? а на самом ли деле «если просто любить, сердце не обманет?»

И приходил к выводам, выглядевшим тогда невероятными: детей баловать необходимо!

А вежливости учить – не обязательно.

А сердце еще как может подвести... А значит...

Для многих читателей-родителей размышления над той или иной из этих статей стали переворотом в «домашнем» мировоззрении.

А для статей-переворотов полтора года разве большой интервал?

Статьи Соловейчика были обращены к вполне конкретным «трудным» темам в отношениях между взрослыми и детьми. Но из разрозненного рассмотрения отдельных «смысловых узлов» выветривается узнаваемый каркас великой книги «Педагогика для всех».

Саму же «Педагогику для всех» – в год ее выхода в свет – Соловейчик представил в журнале «Семья и школа» под рубрикой «Непрописные истины воспитания» (эти избранные им фрагменты завершают большинство разделов нашего сборника).

Книга, создававшаяся в неторопливые семидесятые, вышла в свет в 1987 году, когда время стремительно убистрялось.

И если статьи в «Неделе» были семейным прологом «Педагогики для всех» в неторопливые семидесятые годы, то десятилетие спустя серия коротких статей в журнале «Новое время» обернула ее жесткими, афористичными общественно-публицистическими резюме эпохи непредсказуемых перемен.

Младший мир. Таковую рубрику вел Соловейчик в «Новом времени» с 1988 по 1992 год – до тех пор, пока не создал «Первое сентября».

В последние годы перестройки бурлящему советскому обществу было совсем не до детских забот. Странички Соловейчика в «Новом времени» выглядели отчаянной попыткой не просто напомнить о пространстве взросло-детских отношений, но прочно увязать его, соотнести с теми противоречивыми сдвигами миропонимания, которые затрагивали каждого человека той эпохи. Закрепить память о детстве в будущей системе общественных ценностей...

Интуитивное знание этого, способность ощущать или сознавать многомерность проблем «младшего мира» (и узнаваемо вечных, и вроде бы новых, внезапных) оказываются важнейшей стороной культурного слоя «взрослого мира». Слоя, который трудно накапливается и довольно легко размывается.

И пока читаешь Соловейчика, постепенно понимаешь, что в том или ином характере перемен в отношениях «взрослого» мира с «младшим» и скрыт ключ к перспективам самого мира взрослых: «Ведь воспитывается не тот, кто любим, а тот, кто любит...»

Андрей Русаков

...А может, когда-нибудь создадут мир без бюро ремонта? Мир, не нуждающийся в исправлениях и в переделках! Сделали вещь – она и служит. Вырастили человека – он и живет. Чтобы даже идеи такой не было – идеи ремонта, исправления ошибок. Идеи перевоспитания.

Тысячу раз приходилось отвечать на вопросы о воспитании, и все вопросы до одного – все! – ремонтного свойства: как исправить?

За всю жизнь меня ни разу не спросили: как сделать?

«Как исправить?» – спрашивают родители. Но на все эти вопросы я могу дать один ответ: «Никак. Лучше поговорим о том, как сделать, чтобы ничего в ребенке не пришлось исправлять».

Выражение «никогда не поздно», редко приложимое к вещам, является абсолютной истиной в отношении к детям: никогда не поздно.

Симон Соловейчик

I. Воспитывать. Просто любить? Ловушки, в которые мы попадаем

Тайны детской любви

Весь диапазон родительских высказываний о воспитании детей укладывается в пространство между двумя примерно такими фразами: «Что мудрить? Ребенка надо просто любить» и «Что мудрить? Дать ему как следует, чтобы знал!»

В нашем сознании битье детей и учение детей прочно связаны. Если отец бьет маленького сына, а тот плачет, то на вопрос: «Что там происходит?» – могут ответить: «Ничего, отец сына учит». Просторечное выражение «вложить ума» означает «избить».

Народная педагогика так же проста, как и груба. Но она в нашем общем сознании и подсознании, и потому так медленно прививается гуманное отношение к детям. Перемена педагогических взглядов дается едва ли не труднее, чем перемена мировоззрения или даже характера. Ведь представление о воспитании – самое первое представление человека о человеке. Образ воспитания, дурного или хорошего, создается так рано, что наши собственные педагогические идеи кажутся нам чуть ли не врожденными.

О том, как опасно бить детей, пишут много и часто. Проблема домашнего жестокого обращения с детьми занимает сегодня весь мир. Рассказывают леденящие душу истории. Однако многим кажется, будто не жестокое, а «с умом» избиение не принесет ребенку вреда, но сделает его послушнее. При этом говорят, что детей пороли с незапамятных времен и ничего с ними не случилось.

Но в незапамятные времена битье детей было общим обычаем, в маленьких народных школах по субботам секли всех подряд ни за что, без провинностей – так было принято. Теперь же отец, ударивший ребенка, воспринимается им, ребенком, как дурной человек. Нам кажется: ничего, вырастут – поймут, забудут. Но они не забывают, они помнят, как помнит все побои и унижения каждый взрослый человек. Вот одно из самых опасных педагогических рассуждений: «Меня били, и я буду бить». В результате получается, что иные родители оставляют своим детям лишь одно наследство – привычку бить детей. Кто бьет сына, тот бьет и не родившихся еще внука и правнука. Как прервать эту эстафету насилия, уходящую в будущее? Лишь одним способом – самому отказаться от воспитания битьем.

Но и тех, кто придерживается взгляда «только любовью», поджидают свои опасности.

Принято говорить, что любовь должна быть мудрой: мол, люби, но в меру. Однако истинная любовь трудно соединяется с расчетом и даже с разумом, со словами «надо» и «должно».

Действительная сложность отношений между родителями и детьми в том, что результат этих отношений, результат воспитания зависит не от того, насколько родители любят своих детей (как почти все думают), а от того, насколько дети любят своих родителей.

Чужая любовь не воспитывает, даже родительская. Для воспитания человека важно не столько отношение людей к нему, сколько его собственное отношение к людям. Этим объясняется, отчего в самом дурном обществе, где все поедом едят друг друга, тем не менее всякой логике вопреки вырастают иногда прекрасные люди.

Воспитывается не тот, кого любят, а тот, кто любит. Когда молодая мама отдает все силы только что родившемуся ребеночку и смотрит на него с нежностью – вот она-то и воспитывается. Он ее воспитывает, этот шестинедельный педагог! Недавно очень молодая мама сказала мне с восторгом: «Сыну уже шесть недель! Я и не заметила, как они пролетели!» Сын совершил педагогическое чудо: за шесть недель существования почти полностью переменяет характер своей мамы, добился от нее того, чего ее родители двадцать лет не могли добиться...

Для жизни, для поддержания духа нам нужна наша собственная любовь к детям, без нее детей не поднять. Нелюбимые дети становятся невыносимо надоедливыми – как, впрочем, и нелюбимые женщины, и, наверное, мужчины. Но для воспитания нам надо, чтобы дети любили нас.

А точнее – чтобы они любили хоть кого-нибудь, чтобы они вообще были способными любить.

Способность любить – человеческое свойство, быть может, первой важности. Подростков-преступников обычно спрашивают, читают ли они книги и занимаются ли они спортом; получается – нет, не читают и не занимаются; из этого делают выводы о необходимости строить больше стадионов. Но в мире есть страны, где и стадионов много – и уровень преступности не ниже нашего. Мальчика стоило бы спросить: кого ты любишь? Боюсь, что ответ будет печальным: никого.

Но как вызвать в ребенке это драгоценное чувство, как развить важнейшую душевную способность – способность любить? Вот где нужен был бы рецепт или хотя бы дельный совет!

Размышляя о воспитании детей, постепенно добираться до этого ядра педагогики и останавливаешься в недоумении. Спорят о происхождении жизни на Земле, о том, самозарождается она или занесена из других миров... Но вторая, аналогичная по таинственности и по важности, тайна почти никого не интересует – тайна зарождения любви в человеческом сердце, в детском сердце. Объяснения вроде «Я люблю родителей за то, что они добрые» лишь прячут тайну, потому что на самом деле сначала – полюбила, потом нашлись причины, если они понадобились. Чем больше думаешь, тем сложнее все становится, и начинаешь понимать, отчего люди в древности объясняли зарождение любви стрелой Амура. Это и сейчас наиболее достоверное из всех объяснений...

Единственное, что я могу сказать, состоит в том, что любовь рождается от радости. Радуйте ребенка, радуйтесь вместе с ним – и он научится любить. Недаром ведь в сказке о царевне Несмеяне отец безрадостной девушки, которая никого не любила, готов был полцарства отдать тому, кто обрадует его дочь.

В конечном счете самое-самое в воспитании – это детская радость.

Выбирая между воспитанием-да и воспитанием-нет

В воспитании детей два вечных лагеря, две стойкие партии, два противоположных мировоззрения.

И это разделение больше значит для реального мира, чем, например, воинственная борьба материализма и идеализма. Что первично – материя или дух? Это, в общем-то, чисто философский вопрос; но как воспитывать своих детей, к какому лагерю воспитателей примкнуть – вопрос практический, он не для философов, а для миллионов. Вопрос, от решения которого зависят судьбы людей, поколений, народов и человечества, потому что в конечном счете это вопрос о насилии и ненасилии – что победит?

Старый, вечный спор: воспитание-да или воспитание-нет? Воспитание поддержкой, одобрением, принятием и терпением или воспитание строгостью, надзором, наказанием?

По давней традиции воспитание-да считается новым, а суровое, карательное воспитание-нет – старым, обычным, естественным. По одному исследованию, проведенному в США, старого воспитания придерживаются больше половины родителей, нового – меньше

половины, хотя вот что интересно: цели и у тех и у других примерно одинаковы.

Но результаты воспитания строго зависят не от целей, а от средств.

Каково положение у нас – неизвестно; кроме того, у разных народов, населяющих нашу страну, разные традиции. Но я знаю из собственного опыта, что если написать статью с призывом баловать детей, то половина читателей пришлет письма со словами: «Вот-вот! Я тоже так думаю! Спасибо!», а другая половина – обвинит в намерении погубить поколение, не иначе. Переход от старого воспитания к новому, от воспитания-нет к воспитанию-да совершается невероятно трудно, и порой начинаешь сомневаться: а возможен ли он для отдельного человека? Кажется, легче ему в другую веру перейти, чем хоть немного сдвинуться в педагогических своих взглядах.

Вот уже век или больше вся педагогическая литература, какая только есть, пропагандирует положительное воспитание; особенно настаивают на нем психологи и социологи, проводившие массовые исследования результатов воспитания; находятся новые и новые доводы в пользу воспитания-да – и все почти без толку.

Но если взглянуть на дело поглубже, то окажется, что речь идет не о том, что разрешать и что запрещать, не о дисциплине, не о послушании, не о попустительстве и безнаказанности – совсем о другом: о воспитании богатом, содержательном и пустом, бедном, безнравственном.

Об этом очень точно писал польский педагог Януш Корчак: «Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать... Для внешнего порядка, внешних хороших манер, дрессировки напоказ нужны лишь твердая рука и многочисленные запреты... Чем скуднее духовный уровень, чем бесцветнее нравственный облик, тем больше забота о собственном покое и удобствах, тем больше запретов и приказаний, продиктованных мнимой заботой о ребенке».

С этим встречаешься на каждом шагу. Для воспитателя-нет всегда все ясно, он точно знает, чего нельзя разрешать детям, да и кто этого не знает? Он никак не может понять, чего от него хотят, почему с ним спорят, разве он говорит не очевидное? Разве детям можно позволять делать все, что они хотят?

И никак не докажешь, что когда отношения с детьми поднимаются на более духовный уровень, когда дети чувствуют в родителях стремление к правде и добру, то проблемы дисциплины, наказаний и безнаказанности и в самом деле становятся второстепенными.

Переходите в новую педагогическую веру, на сторону нового воспитания – воспитания-да, и вы увидите, насколько лучше вам будет с детьми!

А что, если быть поостроже к себе?

По общепринятому мнению, в семье воспитывают родители, а дети воспитываются. Но воспитание – это прежде всего общение, а общение – процесс двусторонний. Внимательнее приглядимся к тому, что реально происходит в семье, и мы заметим: дети в какой-то степени воспитывают нас. Они меняют наши взгляды, заставляют делать ради них такое, что мы никогда не сделали бы ради себя, приучают смотреть на мир и их глазами.

Способны ли мы понять это? Способны ли «начать учиться, чтобы учить», заново и остро пережить свое детство, потом отрочество, потом юность? Ведь от этого зависит счастье наших детей.

Человека создает чувство ответственности. Это чувство полностью созревает с появлением ребенка. Чувство ответственности перед ребенком – двигатель воспитания, но в то же время оно в чем-то может быть и тормозом. Когда ответственность гнетет нас, она сковывает наши способности.

Первый урок, который преподают нам дети (если только мы способны воспринять его), заключается в том, что мы должны выступать перед ними не как воспитатели, а просто как обычные люди. Воспитание не терпит нарочитости.

С той минуты, когда человек ощущает себя вполне взрослым (а это бывает примерно на

пятом-шестом году жизни), он любит, чтобы его учили, но не терпит воспитания. Мать подмечает малейшую погрешность в поведении дочери и громогласно объявляет ей об этом. Но дочь в такие минуты чувствует точно то же самое, что чувствовала бы мать, если бы замечания ей делала дочка или соседка по квартире. Вы любите выслушивать замечания? Делайте замечания детям на каждом шагу. Не любите? Воздержитесь от придинок.

Можно заметить, что иные родители особенно старательно воспитывают у детей как раз те качества, которых им самим не хватает. Кто больше всех печется о бережливости, ругает и наказывает детей за небрежность в одежде? Тот, кто сам чувствует за собой подобный недостаток. Когда мы не в силах справиться с собственными проблемами, мы склонны перекладывать их на детей. Это очень облегчает нашу жизнь и нашу совесть, но ничуть не продвигает вперед дело воспитания.

Сколько бы ни призывал детей к бережливости человек, который сам не обладает этим качеством, его усилия не дадут результатов. Если же отец и мать действительно аккуратные, им вовсе не приходится прилагать специальных усилий – дети их непременно вырастут аккуратными. Наши дети хуже, чем нам хотелось бы, – значит, мы сами хуже, чем думаем о себе. У нас нет другого пути воспитания хороших детей, кроме одного: перевоспитываться самим. Каждый раз, когда мы замечаем какой-то недостаток в характере или в поведении сына, стоит задуматься: чей это недостаток? Сына или ваш? Задуматься, чтобы направить воспитательные усилия по адресу...

Я знаю двух прекрасных молодых людей. Один отличается завидным трудолюбием, другой – готовностью бескорыстно прийти на помощь. Я расспрашивал, как их воспитывали. Первый сказал:

– Никак меня не воспитывали. Но каждый раз, когда я ночью случайно просыпался, я видел свет из-под двери в комнату отца. Он всегда работал.

Второй сказал:

– Я тоже не помню, чтобы меня как-то воспитывали. Просто мама была врачом скорой помощи, и редко-редко проходила ночь, чтобы в нашу квартиру не позвонил какой-нибудь совершенно чужой человек и чтобы она не встала и не поехала на помощь...

Однако, чтобы не получилось, что автор слишком много взваливает на родителей, расскажу и третью историю, юмористическую.

Один известный ученый, академик, недоумевал, зачем детей в школе учить иностранному языку.

– А как же? – изумился я.

– Учить французскому должен отец за обедом, – сказал академик, сын академика.

На первый взгляд кажется, что воспитывать детей легче, чем воспитываться самим; но это самообман. Воспитывать детей, не воспитываясь самим, невозможно. В одной из самых ранних своих статей – «История французской эскадры» К. Ушинский дал описание воспитательных возможностей человека.

«Мы учимся тремя путями, – писал он. – Или путем опыта и собственного наблюдения – путем, ведущим к прочным, но скудным результатам... или нас учат другие: этим путем мы приобретаем менее, чем обыкновенно полагают; или, наконец, мы учимся, подчиняясь бессознательно влиянию сильнейших, уже образовавшихся характеров. Образование, передаваемое этим последним путем, едва ли не самым быстрым, ведет к изумительным результатам. Оно действует не на ум человека, медленно усваивающий новое, но на самый центр человеческой природы, на тот таинственный узел, которым связываются душа и тело...»

Когда нас учат (воспитывают) другие, мы приобретаем менее, чем обычно полагают; характер воспитывается только характером, воля – волей, убеждения – убеждениями. Этот жестокий закон не знает милосердия. Все, что нужно для характера ребенка, – это чтобы рядом с ним, перед ним был сильный характер взрослого.

Людям свойственно объяснять сложные явления слишком простыми причинами. Если в каком-то поселке много пьют, то говорят, что из-за отсутствия клуба, хотя в соседнем

поселке не клуб, а дворец, но пьют там так же. Если ребенок невоспитан, говорят, что виной тому отец, который «мало занимается детьми». Но во многих семьях специально на воспитание почти не тратят времени – и все же дети вырастают прекрасные.

Мы строги к детям и снисходительны к себе. Дети, кажется нам, специально для того и созданы, чтобы удовлетворить наши воспитательные способности, в том числе и мнимые. А что, если быть поостроже к себе?

Когда сердце обманывает

Кажется очевидным: надо любить детей, надо просто любить детей. Слушайся своего сердца, оно не подведет!

Подведет, еще как может подвести... Память чувств – самая древняя память. Мысли могут быть новыми хоть каждый день, а чувства складываются, воспитываются, созревают и сохраняются веками, иначе мы давно забыли бы Гомера и Шекспира. Наше чувство любви к детям развивалось во времена, когда отец и мать мало занимались бытом, уходом за ребенком. В прежние времена и в обеспеченных семьях, и в бедных, и в городских, и в крестьянских – всюду кто-нибудь помогал матери. Или у нее было много детей (и следовательно, были помощники), или, на худой конец, дети росли как трава. В селе же не семья воспитывала ребенка, но всем миром его поднимали – рос на виду у всех.

Сейчас и быт, и семейное воспитание легли на плечи родителей или даже одной мамы. Но уход за ребенком требует такого сосредоточения, напряжения, что выдерживают лишь самые талантливые из нас. За всеми этими тягучими завтраками, макаронами, сборами на прогулку любовь теряется, а укладывая спать двухлетнего мальчика, можно и возненавидеть его. Любовь, всесильная в стихах, песнях и операх, любовь, способная сдвинуть горы, подчас отступает перед детской привычкой ковырять в носу. На троллейбусной остановке мама говорит маленькой дочке: «Врезать тебе или сама догадаешься?» – девочка поднесла палец к носу. Вы подумайте – «врезать»!

Спросите маму – она уверена, что обожает девочку, ведь она столько сил тратит на нее! Но она не гладит дочь, не поет ей песни, а если и читает книжки – строгим голосом, «для развития», так что и милейший Винни-Пух девочке не в радость. Я сейчас не о том, чтобы облегчить домашний труд женщины, не о производстве стиральных машин и порошков. Я о том, чтобы понимать и коварство собственного сердца, знать о капканах, ожидающих нас на дорогах воспитания, чтобы не попадаться в них, не винить себя, не винить детей, но в тех условиях, какие есть, все-таки стараться помогать своему сердцу, все-таки любить ребенка – может быть, и в ущерб уходу за ним. Иначе он растет сытый желудком, но голодный душой и духом.

Воспитание одного-двух детей, да еще в городе с его опасностями, не может не породить слепого страха за ребенка. Что ж, любовь всегда связана со страхом за любимого, любовь и страх на одном стволе растут.

Но вот явление, не новое по сути, однако новое по распространенности: страх за детей не просто сопутствует любви к ним, но вытесняет ее – и тем не менее выдается и принимается за любовь! Маме кажется, что если она боится за дочку или сына (чуть ли не умирает, когда их полчаса нет дома), значит, она любит. Страх кажется ей доказательством любви. На самом деле страх вовсе не есть любовь, как не любовь – ревность. Любовь – это освобождающее, окрыляющее человека чувство, а не угнетение. Любовь – это «Иди!», а не «Стой!».

В прежние времена сердце матери училось любить, когда детей у нее росло много. Смерть младенца была великим горем, но оставались и другие дети. Сейчас младенец часто один, как свет в окне. В знаменитом «Эмиле» Жан- Жака Руссо воспитатель соглашался взять на себя заботы о мальчике при условии, что не будет отвечать за его жизнь. Современный читатель содрогается: то есть как это? Но если постоянно боишься, то вырастить мужчину трудно.

Все это надо знать! Иначе мама невольно становится деспотом, и ребенку ни вздохнуть ни охнуть. Уж лучше наказание – рано или поздно ребенок взбунтуется и освободится от него. А против мамино: «Ты же знаешь, как я за тебя беспокоюсь! Ты что, убить меня хочешь?» – как против этого взбунтуешься? Все чувства шиворот-навыворот, все извращено, перекорезено, и ссыхается душа ребенка. А мама между тем искренне любит!

«Люблю – значит желаю ему добра». Поначалу, наверное, так и было, но присмотримся: чаще всего мы видим перед собой не того ребенка, который есть, со всеми его недостатками и несовершенствами, а другого, совершенного! И не об этом мальчике заботимся, а о другом, которого и на свете-то нет и, скорее всего, не будет. Мама, завертывая ребеночка в первую пеленку, уже думает о том, как бы это его так завернуть, чтобы он в будущем... поступил в институт.

– И что из тебя вырастет? – под этот аккомпанемент живут почти все дети, хотя решительно никто не знает, в какой связи находятся сегодняшние недостатки ребенка с его будущими достоинствами, и наоборот. Предполагать, что если сегодня при гостях малыш ляжет позже спать, то у него разовьется дурная привычка не ложиться спать, а также привычка непослушания, и он вырастет тунеядцем – сочинять всю эту цепь будто бы возможных причин и следствий – чистая нелепица, чистая фантазия разбушевавшегося чувства ответственности, опять-таки принимаемого за любовь.

Месяца за два до родов сидит женщина и горько плачет. Что такое?

– Да-а, – всхлипывает, – а вдруг мальчик будет?

– Так что же? Что плохого?

– Да-а, – продолжает она рыдать, – ма-мальчик! А мальчики, знаете, какие? Будет кошек мучить! А я не хочу-у-у!..

Где тот еще не родившийся маленький злодей? Где кошка-жертва? А слезы – сегодняшние, а горе – настоящее. И давит человека чувство ответственности, непосильное, непривычное (никогда прежде не приходилось ей ни за кого отвечать всерьез!). Со всех сторон слышит будущая мама всякие ужасы, и когда родится ребеночек, то все будет казаться, будто она должна постоянно и немедленно «что-то делать», «принимать меры», а иначе будет поздно, иначе что из него вырастет! Призывы к родительской ответственности довольно часто приводят к результату, прямо противоположному тому, которого мы желаем. До безответственных родителей (их немало) призывы эти, как правило, не доходят, зато у людей с чувством ответственности оно, это чувство, под влиянием хмурой пропаганды разрастается настолько, что подавляет порой и здравый смысл, и все другие чувства, в том числе и любовь. Одна и та же мера может идти и на пользу ребенку, и во вред ему. Если я сижу рядом с второклассником и помогаю ему делать уроки – одно дело. А если сижу и тычу пальцем в тетрадь: «Учись, тупица! Что из тебя вырастет?» – совсем другое. Ребенка воспитывает не помощь, но то, что за помощью, с каким чувством беремся мы помогать – с любовью или из одного только сознания долга.

Стали писать: вот, женщина всю жизнь работает у себя на огороде, старая уже, больная, но продолжает надрываться – труженица! А дочка у нее – вся в золоте, и юбка-то у нее на пять ладоней над коленками (подсчитано), и уши-то у нее невымытые (заглянули в уши), и работать не хочет. Обвиняют, конечно, маму – но в чем? Слепая, неразумная любовь – от нее вроде все беды идут.

Однако возмись мама приучать дочку к труду, отказывай она ей во всем, держи ее в доме как в монастыре – результат был бы не лучше, если не хуже.

В поисках причин, отчего даже и любовь материнская нынче порой детям во вред идет, мы, по-моему, забываем о самых простых объяснениях. Для того чтобы выросли хорошие дети, трудолюбивые и уважающие все то, что нам ценно и дорого, не обязательно страстно любить их, будь то любовь слепая или разумная. И не имеет значения, отказывают ли детям в чем-то, во всем или ни в чем не отказывают. И даже, страшно сказать, вовсе не нужно, чтобы дети с малых лет надрывались на огороде, подражая родителям. Но нужно, обязательно нужно, чтобы хоть кто-нибудь из двух родителей или из четырех бабушек и

дедушек – хоть один! – любил людей.

Только эта любовь к людям и передается детям, делает добрыми и отзывчивыми, только она обладает педагогической силой – в отличие от любви к ребенку, которая сама по себе, вопреки тому, что пишут, говорят и думают, никакой воспитательной силой не обладает. Любовь матери к ребенку поднимает его, делает сильным, уверенным в себе лишь постольку, поскольку в ней выражена материнская любовь ко всем людям. Иначе и любовь матери угнетает ребенка.

Да, просто любовь, но не к своему ребенку и не к детям, а ко всем людям, в том числе и к детям, и к своим детям в частности, – здесь корень и здесь тайна. Семейная педагогика – наука строгая и трудная, и нельзя о воспитании детей в семье говорить на уровне «круглого стола» или диспута в клубе: «Что вы думаете о...? Я думаю, что...» Это интересно – знать, кто и что думает, но знать бы – как оно на самом деле?

А на самом деле возьмите любую семью, где выросли хорошие дети, и вы обнаружите, что был кто-то в этом доме, кто любил людей.

Высокие цели... и подручные средства

Многие родители, сталкиваясь с трудностями воспитания, находят такой на первый взгляд логичный и разумный выход: «Надо спросить специалиста, он посоветует, я так сделаю – и все будет хорошо». И действительно, специалисты – педагоги, психологи, врачи, – основываясь на достижениях науки и на опыте, дают (и будут давать) чрезвычайно полезные родителям советы. Но только одной «рецептурной» педагогикой полноценное воспитание жить не может. Кроме того, стремительно меняется жизнь, и часто вчерашняя прописная истина перестает «работать», теряет свою «рецептурную» силу, требует изучения, обсуждения, пересмотра.

Но есть целый ряд непрописных истин. О них-то и пойдет речь.

Поставим мысленный эксперимент. Предположим, некий мальчик дурно вел себя во дворе; побил маленького соседского мальчишку. Тот пожаловался своему отцу, отец отправился к соседу: «Приструни своего...» И наш отец берет за ремень. Он порет сына, приговаривая: «Не бей маленьких! Не бей маленьких! Я тебя научу, ты у меня на всю жизнь запомнишь, как маленьких бить!»

Вопрос: чему учит отец? Бить маленьких или не бить маленьких?

Неизвестно, научит ли он тому, чему хочет научить, но бить другого – научит наверняка.

Нравственной цели (не посягай) отец учит безнравственными средствами (посягая). И мы должны признать, что он не воспитывает ребенка, как он думает, а развращает его душу, учит безнравственности, учит посягать на человека.

Наши цели ребенку, как правило, недоступны. Он не может понять, отчего нельзя стукнуть пристававшего к нему соседского мальчишку, зачем надевать теплую куртку, когда еще тепло; зачем есть, когда не хочется; зачем спать, если не спится; зачем сидеть за уроками, если все равно ничего не понятно. Всех этих целей ребенок не понимает. Но средства, которыми мы своих целей пытаемся достичь, вполне ребенку доступны. Замечание, брань, крик, ремень – что тут непонятного? Школа обучения средствам открывается на первой минуте после рождения.

Воспитание – это обучение средствам для достижения своих целей.

Мама говорит неудачному (на ее взгляд) сыну: «Пожалей маму!», «Я больше не могу с тобой!», «Ну ради отца с матерью!»

Маме кажется, что она учит чуткости. На самом деле работает школа эгоизма: мама учит жаловаться, учит думать о себе, учит добиваться своего, вызывая жалость, учит беспомощности, унижению, навязчивости. И эти, а не другие уроки будут восприняты и обращены против матери же.

Грубовато обращаясь с младенцем, я учу его грубости и больше ничему. Какая бы у

меня ни была важная цель: здоровье ребенка, его будущее, его жизнь, – но учу я его одной лишь грубости. Ее он воспринимает, а не мою цель.

Требую от ребенка, я учу его требовать от родителей, от людей, от жизни. Не тому учу и не другому, а только требовать, наступать, из горла вырывать: дай! Делай, как я велю!

Добиваясь верха – учу добиваться верха.

Прошу – учу просить.

Уступаю – учу уступать.

Добиваюсь своего, увлекаю, шутя, с выдумкой – учу тому же своего ребенка.

В глаголах: грубить, просить, требовать, посягать, уступать – выражены такие же действия, как в глаголах: пилить, читать, стирать, косить. Физическим действиям мы учим наглядно, душевным – незаметно. Нам кажется, что ничего значительного не происходит, но процесс обучения идет. Мы учим добиваться своих целей определенными душевными движениями, как учат строгать определенными физическими движениями.

В воспитании два ряда. Один ряд – культурный, навыки культурного поведения. Другой ряд – нравственный, навыки обращения с целями, навыки выбора нравственных средств.

То – то, а это – это.

В сознании большинства родителей воспитывать – значит прививать культурные навыки: не шуми, не бегай, не прыгай, ешь, как люди едят, не пачкайся, говори «здравствуйте», «спасибо» и «пожалуйста» («Что надо сказать тете?»), не вмешивайся в разговор взрослых, не груби, не пререкайся, уступай место старшим, мой руки перед едой, ложись вовремя спать, не разбрасывай вещи...

Мы прививаем культурные навыки (надо же детей воспитывать!) и в то же самое время прививаем им грубость, черствость, нечуткость, неуважение к людям и первые же страдаем от такого псевдовоспитания!

На самом деле воспитывать – значит учить человека относиться к людям и к делу по-человечески, по правде.

Вот это второе – нравственное – воспитание и является главным. Только оно и есть воспитание.

Будет нравственное воспитание – ребенок воспримет правила культурного поведения из среды, его окружающей, возьмет пример с родителей. Нравственный человек никогда не будет ниже своей среды по культурному уровню.

Дело, таким образом, сводится к следующему.

Мальчик по утрам долго одевается, он копуха, а мы опаздываем в детский сад и на работу. Можно было бы рассказать ему сказку про медлительную черепаху, устроить веселое соревнование. Но эти средства требуют времени, терпения, сил, изобретательности, хорошего настроения, жизнерадостности, а мы торопимся, мы издерганы, мы боимся потакать мальчику, и мы кричим на него, шлепаем, обзываем – мы учим добиваться своего небрежением и насилием.

Мальчик плохо учится. Надо пораньше приходиться с работы, заниматься с ним, развивать его, читать с ним и читать ему, надо подыскать ему кружок поинтереснее; надо хвалить его, когда хотелось бы отругать, терпеливо, изо дня в день сидеть с ним, когда он делает уроки. Но у нас нет желания возиться с сыном, и нет терпения ждать результатов годами, и нет умения помочь. Мы умеем одно – накричать! Наорать! «В следующий раз выпорю!» – вот и все воспитание. Но воспитание – чего? Обучение – чему?

Все наши представления о любви и совести, все доброе и умное рушится перед простым фактом: ребенок должен аккуратно складывать одежду перед сном, а утром быстро одеваться, прилично учиться, помогать по дому и вести себя так, чтобы за него было не стыдно и чтобы на него не жаловались. Должен! С этим невозможно спорить. Если он не учится, не помогает, не слушается, если на него жалуются, то жизнь становится невыносимой.

Педагоги говорят родителям: «Ваш ребенок должен делать все, что положено, вы

должны научить его, и при этом, конечно, нельзя унижать его достоинство, ругать его, кричать на него, бить».

Все это правильно для совершенных родителей-отличников.

Совершенные родители могут добиваться своих целей нравственными способами. Они дают детям навыки культурного поведения, дети у них хорошо учатся без особых, казалось бы, усилий, и ни один их урок не противоречит другому.

Но что же делать нам, несовершенным? Неотличникам? Замотанным жизнью и работой? Не обладающим великой воспитательной силой? И взгляд-то у нас вовсе не такой, что посмотришь на ребеночка – он и стихает. Что нам делать?!

Вывод, мне кажется, может быть только один.

Если у нас не хватает способностей, не хватает сил, времени и дети не ангелы, если невозможно достичь и того, и этого – и культурное поведение дать, и нравственную культуру, – то надо каким-то из двух этих рядов поступиться. Каким?

Только нравственное, духовное воспитание – подлинное воспитание, а не скрытое развращение детей; и только нравственное, духовное воспитание возможно в нынешних условиях, работающими родителями, в полчаса.

Если бы воспитание заключалось в одних лишь мерах прямого воздействия, из того, что принято считать воспитанием, то дела наши были бы плохи. К счастью, это не так. Воспитание в полчаса возможно.

Мы должны привести образ воспитания в соответствие с образом жизни. Или мы добиваемся культурных целей за счет нравственности, или мы отдаем предпочтение нравственности, и тогда должны смириться с тем, что не все и, быть может, далеко не все культурные наши цели могут быть достигнуты. Можно не соглашаться с таким решением, с таким ответом, но не отбрасывайте вопроса! Главное – не замазывать противоречия, не говорить с серьезным видом, что и то важно, и это, не прятать истинную причину неудач в воспитании: мы добиваемся нравственных (культурных) целей безнравственными (бескультурными) средствами, а для достижения двух целей – культуры и нравственности – у многих из нас нет воспитательной силы.

Тут ничего нового нет. Все родители делают и всегда делали этот выбор, но многие выбирали и выбирают культурный ряд за счет нравственного. В результате вырастают дети и безнравственные, и бескультурные. Дети вырастают бескультурными не потому, что им дают мало культуры, а потому, что им пытаются привить одну лишь культуру, без нравственности.

В воспитании, как и всюду, действует жесткое правило: «По одежке протягивай ножки». Мы покупаем вещи по средствам, мы строим дом по средствам, мы все в жизни делаем по средствам – почему же не хотим мы понять, что и для воспитания нужны средства, условия, возможности, силы, способности? И коли их не хватает, то надо и подвинуться, попридержать свои амбиции. Будем чемпионами, но, простите, в своем весе...

Включил телевизор и поймал фразу из спектакля: «Ему не хватает воспитания, но душа у него прекрасная».

Позвольте, а что же прекрасная душа – сама по себе появилась? без воспитания? Вот это и есть воспитанный человек – с прекрасной душой. Воспитанный – значит, с прекрасной душой, а не с одними лишь прекрасными манерами.

Из двух целей выберем важнейшую, сделаем крен на воспитание нравственности, и сразу решаются многие задачи и загадки!

Культурное воспитание невозможно в полчаса, мы только зря тратим силы и нервы, зря ссоримся с детьми.

А нравственное, духовное воспитание возможно, потому что оно идет не полчаса, а сутки напролет, все 24 часа, и не требует никаких специальных педагогических действий. Нужна трата души, а не времени; души, а не одних только нервов. Педагогическая работа идет в душе отца, в душе матери, но дети от нее становятся лучше.

Если мы выбираем первый, культурный ряд, но ничего не можем добиться от ребенка,

мы становимся все злее, все нетерпимее, мы все меньше любим разочаровавшего нас ребенка, и он становится все хуже и хуже. Если же мы делаем второй выбор, нравственный, у нас развивается изобретательность, некая педагогическая хитрость, мы становимся лучше – и лучше становятся наши дети.

Дети становятся лучше или хуже не сами по себе, а в зависимости от того, что происходит с нами. Лучше становимся мы – лучше становятся и дети.

Слышу возмущенные голоса: «Вместо того чтобы призывать к полноценному воспитанию – и культуры, и нравственности, – он призывает – к чему? Вы подумайте, к чему он призывает!» Я не призываю. Я ни в коем случае не против культуры поведения, я очень не люблю невежливых людей, и в конечном счете ненаученный культурному поведению человек постоянно посягает на других и затрудняет их. Я лишь утверждаю, что в наших условиях надо отдать предпочтение второму пути. К культуре поведения – через нравственность.

Воспитание воздействиями – это пассивная педагогика. Мы наметили в голове некий курс в виде Образа Ребенка, и теперь все наши действия определяются этим. Чуть реальный ребенок отклонится, мы начинаем реагировать. Если бы он следовал по заданной траектории поведения, мы бы спали. Мы не замечаем ребенка, мы замечаем одни лишь его недостатки.

Нравственно-духовное воспитание – это активная педагогика. Мы вызываем чувство симпатии, пробуждаем добро. Сами не спим душой и не даем заснуть душе ребенка.

Педагогика целей делает упор на то, что ребенок должен знать, должен уметь, должен понимать. Она говорит нам: надо, чтобы... Надо, чтобы...

Педагогика средств делает упор на то, каким путем добиваться этих всем известных «должен, должен, должен». Она говорит: чтобы..., надо... Чтобы..., надо...

Чтобы дети выросли нравственными людьми, надо добиваться от ребенка лишь того, чего мы можем добиться, не посягая на него. Будет нравственность – будет все; не будет нравственности – ничего не будет.

Так – получается, а так – нет.

II. Душа не поддается управлению, Или почему дети нас не слушаются

Кое-что о святых

Психолог Владимир Лефевр в начале семидесятых уехал в США и там прославился теорией рефлексивных систем, книгой с экзотическим названием «Алгебра совести» и открытием, что существует два принципиально различных типа этики. Люди первой этической системы предпочитают соединение или компромисс, они довольны собой, когда им удастся достичь согласия и снять напряжение; люди второй этики предпочитают разъединение и конфронтацию, они гордятся своим умением дать отпор и постоять за себя. Экспериментальное исследование, проведенное под руководством В. Лефевра, показало, что американцы чаще исповедуют этику первого рода, а наши люди – второго.

Одна мысль показалась мне особенно интересной. Ученый задал себе вопрос: «Может ли у святого быть корректный образ самого себя?» – и ответил на него так: «Нет, потому что если святой считает, что он святой, то он уже не святой. Сама святость предполагает некий дефект знаний, некоторую неадекватность».

Парадокс Лефевра – «Если святой считает себя святым, то он не святой» – объясняет, в частности, и причины наших поражений в домашнем воспитании.

Когда в результате многих хлопот вырастает дурной сын или негодная дочка, мы в тоске озираемся: что было не так? За что нам такое наказание? Обычный репертуар ответов на эти тоскливые вопросы крайне узок. Примерно половина родителей, недовольных своими детьми, видят ошибку в том, что слишком баловали своих детей в детстве: «я ни в чем ему не

отказывала», «я покупала ей слишком много игрушек» – типичный ответ даже среди образованных мам. Но это еще не худший вариант (хоть и ложный – многие прекрасные люди выросли в роскоши); другая половина несчастных родителей склонна винить в неудаче не себя, а мужа (жену), тещу (свекровь), школу, детсад, систему и Вселенную:

– Неужели вы в самом деле думаете, что в нашей системе можно вырастить хорошего человека? – интересуется интеллигентная дама. У нее неприятности и с сыном, и с внуком.

Но вы-то вон какая прекрасная выросли, – обычно отвечаю я, и еще ни разу не встретила мне женщина, которая не проглотила бы этот крючок, даже не прикрытый наживкой. Ответ стандартный:

– Ну, я – другое дело!

Удивительная история! Знаю, что повторяюсь, что уже писал, но каждый раз смотрю с новым изумлением: самые умные люди глупеют на глазах, лишь только речь заходит о воспитании детей. Может быть, это всеобщая лакмусовая бумажка, генеральный тест на ум и глупость? Хотя, впрочем, для воспитания детей особого ума не надо. Гораздо важнее другое.

Гораздо важнее не считать себя святым.

Многим людям это дается с большим трудом или вообще не дается.

Обычный человек в обычной жизни не склонен считать себя лучше всех, а свои соображения – единственно правильными. Но по отношению к ребенку мы безгрешны, мы святые. «Мама всегда права» – наш основной философский принцип, дополняемый практическим правилом «Не смей перечить отцу».

В сознании каждого из родителей живут Идеальный Мальчик и Идеальная Девочка, и живых детей мы растим так, чтобы они совпадали с этими совершенными существами, которые каким-то образом забрели в наши головы и там навек поселились – к несчастью наших детей. Каждое отклонение живого мальчика от идеала вызывает наказание, гнев или по крайней мере недовольство. Как будто запущена ракета по заданной траектории, и если наблюдается отклонение, то надо включить механизм коррекции.

Но что верно для ракет, то неверно для людей и тем более для детей. Мы не святые, идеальный мальчик в наших головах в большей части случаев не идеал, а нелепость. Если бы понадобилось сформулировать наиболее общую причину неудач в воспитании, можно было бы сказать так: несовершенные, мы пытаемся вырастить совершенных детей. А это невозможно.

Ну привыкнем же наконец к слову «невозможно»! Невозможно всунуть большой чемодан в маленький, невозможно построить социализм на отдельно взятой планете, невозможно воспитать святого, если сам не святой. Святых не воспитывают, святыми становятся. И чем упорнее мы в наших безумных стремлениях и стараниях, тем хуже получается результат. В этом случае мы не способны принять и полюбить ребенка таким, какой он есть, мы отказываем ему в любви, потому что не умеем подогнать его под известный нам образец. Мы считаем себя непогрешимыми, а ребенка – вечно виноватым перед нами, и в результате от нас уходит любовь. А где нет любви, там нет и воспитания. Чем сильнее наше желание воспитать ребенка, тем слабее наши воспитательные возможности, и мы губим детей.

Но разве не должны мы стараться, чтобы ребенок был лучше?

Не должны. Нам не дано знать, что лучше и что хуже, мы не боги, мы не святые. Особенно если кажемся себе святыми.

Воспитание без воспитания

Все знают, что воспитание – важная вещь, что воспитанием решается участь человека.

И все-таки много лет я думаю над формулой «Воспитание без воспитания».

Вглядываясь в чужие жизни, расспрашивая знакомых и даже малознакомых людей, наблюдая за детьми в течение десятилетий (мальчиком был такой бандит! А человеком стал – на зависть), я все больше убеждаюсь, что результат воспитания зависит не от того, что

принято называть воспитанием, то есть не от целенаправленных мероприятий, не от похвал, порицаний, замечаний, бесед и нотаций, а совсем от другого: от примера (не всегда), от стиля отношений с детьми (почти всегда) и всегда – от духа воспитателей, то есть от их стремления к добру, правде и красоте.

Вероятнее всего, воспитание без воспитания было во все века: но в наше время, когда полностью переменялась педагогическая ситуация, воспитание без воспитания по необходимости становится главным.

Статистика постоянно говорит нам, что нынешние родители очень мало общаются с детьми: я где-то читал – 12 минут в день. Конечно, можно этим возмущаться, можно писать, что это безобразие, и гневно призывать к тому, чтобы родители больше общались с детьми. Я согласен. Пусть больше общаются. Но ведь ни вы, читатель, ни я не виноваты в том, что нынешний мир такой, какой он есть. Что толку от наших призывов, какая польза от нашего возмущения?

Надо же и в педагогике считаться с фактами и обстоятельствами, не может быть одной педагогики на все времена! Меняются условия – должны меняться и педагогические подходы. Ну невозможно это – в полчаса воспитывать точно теми же средствами, что и при круглосуточном надзоре за детьми.

Прежде всего под удар попадает самое сильное средство прежней педагогики – приучение. Чтобы приучить ребенка к чему-нибудь, надо стоять над ним, надо тысячу раз поправлять его, две тысячи раз напоминать, постоянно хвалить и наказывать – иначе не получается. Нет ничего глупее фраз: «Я кому сказала», «Сколько раз тебе говорить?» Никто из нас не обладает такой магической силой, что сказал мальчику – и он сразу и навсегда приучился мыть руки перед едой и говорить «спасибо».

Снова скажу: нелепо выступать против приучения, не надо доказывать его пользу, но повернемся лицом к действительности: у нас всего полчаса в день на ребенка (в лучшем случае!), и если нами овладеет идея приучения, то все эти полчаса придется потратить на замечания, нотации, брань и угрозы. Нет такого мальчика на свете, который за день не совершил бы столько проступков, что старательным родителям хватит тридцати минут на их разбор и осуждение. А когда же ребенок услышит доброе слово? И от кого? Кто его приласкает, мальчика, если и мать, и отец переозабочены воспитанием и больше всего на свете боятся распустить ребенка?

Многие люди, и часто лучшие из них, говорят: «А меня в детстве вовсе не воспитывали. Родителям было не до меня». Не воспитывали, а вырос воспитанный человек, добрый, честный и трудолюбивый. Отчего так? Чудес в воспитании нет, и трудно предположить, что воспитанность целиком зависит от наследственности. Поэтому согласимся, что как бы наш ум ни противился этой злой мысли, все же надо признать, что воспитание без воспитания возможно. А если возможно и чаще всего дает хорошие результаты, то отчего и в своей семье не сократить количество воспитательных мероприятий, не перестать воспитывать детей с утра до ночи?

Представьте себе, что вы работаете с несколькими сотрудниками в одной комнате. Вы их воспитываете? Да они навсегда возненавидят вас за одно-единственное замечание, пусть даже и справедливое! Так и с детьми. Они тоже без радости относятся ко всем, кто их «воспитывает», делает им замечания и читает им нотации. Воспитание без воспитания – это жизнь с детьми в сотрудничестве. Отношения сотрудничества, когда их удастся установить, воспитывают лучше любых воспитательных мер.

«Не учите меня жить!»

Страсть к воспитанию – одна из самых необоримых человеческих страстей. Каждый из нас кончал домашнюю педагогическую академию, каждый вроде бы знает, как надо воспитывать – так же, как и меня растили! И вдруг с удивлением обнаруживаем: то, что легко получалось у моей мамы, не получается у меня с моими детьми! А раз так, я делаю

вывод: «Мои дети хуже, чем я был в их возрасте! Дети испортились!» На самом же деле и дети не стали хуже, и мы, родители, ничуть не слабее. Просто другие теперь условия жизни, а потому наших детей надо воспитывать не так, как воспитывали нас и наших сверстников.

Детская душа не поддается управлению – с ребенком можно лишь общаться, причем под словом «общение» я понимаю не всякий контакт, а только душевный. Управление и общение – действия совершенно разные, хотя в реальной жизни они часто сплетаются воедино и даже называются одним и тем же словом – «воспитание». Это все равно что складывать книги в стопку или читать их: в том и другом случае действия с книгами, но ведь есть же и разница! Управлять может только старший – младшим, сильный – слабым, а общаться как равные могут два любых человека, если между ними не стоит желание превосходства, «верха», власти. Управление, при всей его необходимости, иногда гнетет, а общение всегда поднимает, потому что вызывает к жизни лучшие силы души. Если воспитатель не умеет управлять детьми, он пропал; если он умеет только управлять – пропали дети.

Мальчик залез на дерево – это опасно для его жизни и служит дурным примером другим детям. Педагогика управления учит меня, как сделать, чтобы дети не лазали по деревьям, а занимались полезным делом, учит, каким тоном крикнуть мальчику: «Слезай сейчас же!» – и как наказать его, когда он спустится на землю. Педагогика общения, напротив, вовсе не говорит о том, как правильно снять мальчика с дерева. К разочарованию многих, она утверждает, что никакого «правильного» голоса, тона, способа, приема нет, что бывает, один отец тихо попросит – и сын послушается, а другой в ярости начнет стучать кулаками – и ничего не добьется, потому что все зависит от того, что за человек этот отец, насколько доверяет ему мальчик, как сложились их отношения. А скорее всего, мальчика вообще не следует снимать с дерева; надо просто стоять внизу, отчаянно трусить, но виду не подавать, да еще и похвалить сына тихонько, потому что наш мир в основном устроен руками тех людей, которые в детстве лазали по деревьям. Да, педагогика общения очень трудна! Ее спрашивают: «Как сделать?», а она отвечает вопросом: «А что вы за человек?»

Принято подчеркивать: воспитывает все, воспитывает каждый сантиметр и каждый встречный. Так оно и есть. Но слишком в это поверив, мы порой опускаем руки: коли воспитывает все, что же я могу поделать с ребенком? Я, воспитатель, беспомощен!

Так ли это? Вот у вас полчаса в день на сына – что ж, он может быть прекрасно воспитан и в эти полчаса, если мы будем помнить, что воспитание – это не уход, не надзор, а общение.

Каждый день ребенок получает некую порцию поощрения и порицания. Так вот, встречаясь с ним на полчаса, мы обычно торопимся выдать ему всю дневную норму порицаний. Ребенок не слышит доброго слова, а потому нередко стремится еще и сократить этот получасовой сеанс.

Нет сегодня реки на свете, которую не перекрыть плотиной: техника позволяет все. Все возможно! Но невозможно на каждой реке построить плотину из песка – условия не позволяют. Проведем аналогию – почему, скажите, результаты нашей педагогической деятельности нередко противоречат замыслам, планам и намерениям? Сколько сил уходит – и так ничтожен эффект! Да потому, что мы порой добиваемся невозможного – строим на песке.

Дети – страшные консерваторы, особенно младенцы. Их так трудно учить новому: обходиться без соски, пользоваться ложкой, переходить с каши на твердую пищу... Положите в кашу сахара чуть больше или чуть меньше, чем обычно, – сморщится и заорет на весь дом! И есть не станет.

Дети – страшные консерваторы, но они же и бесстрашные новаторы: экспериментируют, исследуют, пробуют на глаз, на ощупь, на зуб, и этого родители боятся еще больше, чем консервативной привычки. Родительский идеал ребенка выражен словами одной мамы:

– А мой спокойный. Посадишь его – он и сидит.

Не правда ли, чудо-дитя?

Так из двух потребностей, определяющих жизнь каждого ребенка, – потребности в безопасности и в развитии – для нас, родителей, важнее первая, а для мальчика или девочки – вторая. Двенадцатилетние дети, например, больше страдают от травм, полученных ими в различных житейских приключениях, чем от болезней. Но эти приключения так нужны ребенку, эта тяга к развитию так сильна! Ему хочется бегать, лазать на высокие деревья... Мы останавливаем его, оберегаем: обуздать, укротить! Но сила эта чаще всего неукротима.

Нам трудно угадать, когда именно и чему учить ребенка. То опережаем его возможности – и тогда он сопротивляется, то опаздываем – и тогда учение не идет впрок. Одному в четыре года покажи азбуку – он станет с охотой читать, а в семь лет азбука будет ему скучна. Другому и в семь рано садиться за книжку, а надо бы потерпеть год-два... Мы в состоянии ускорить развитие ребенка, но в пределах, заданных природой; мы в состоянии направить развитие в нужную сторону, но не можем остановить его. В развитии детей нет выключателей, только переключатели! Наше воспитание, как правило, однобоко – мы люди практичные, озабочены развитием ума сына или дочери. А они, сами того не замечая, поправляют нас, сами добывают себе развитие – и физическое, и нравственное, и умственное. Ребенок больше нас стремится к цельности, но мы порой не поддаемся, мы гнем свою линию и часто побеждаем – на несчастье ребенка. Увы, детскую тягу к развитию во многих случаях удается преодолеть. Иногда она бывает так слаба по природе, что мы справляемся с ней грозным надзором или отупляющим учением, а затем торжествуем победу воспитания, погубившего ребенка.

По-моему, сильные родители для слабого ребенка – беда и несчастье. В нем развивается изощренность в сопротивлении, причем одни дети сопротивляются дурному, а другие – хорошему... Но силы подростка не безграничны; если они тратятся на войну с родителями, то он выходит в жизнь не закаленным, как думают, а сломленным. Чтобы этого не случилось, будем поддерживать в сыне, дочери тягу к развитию, чтобы она никогда не иссякала и не заглохла.

Вторая потребность ребенка – потребность в безопасности. Мы тоже думаем об этом: боимся простуд, машин, боимся, что он будет плохо учиться. Но его заботы – совсем другого рода.

Сначала, пока он еще под родительским надзором, он – самый слабый в этом мире. Он охраняет свою безопасность от родителей, которые ходят за ним по пятам и говорят «нельзя», шлепают по рукам и сердятся. Как же велик запас доброты у маленького, если он сохраняет ее лет до трех, до пяти и все еще бежит к нам и ласкается!

Но вот он подросток, впервые вышел во двор. И опять он самый маленький, каждый может ткнуть, обидеть! Кто ему теперь нужнее всех на свете? Защитник, заступник, свои люди, «наши». Так начинается великая, на всю жизнь, игра в «наших» и «не наших», в своих и чужих, игра, диктуемая острой нуждой в безопасности. «Наши» – в нашем дворе, на нашей улице, а в чужом дворе, на чужой улице – «чужие». Я не могу оставить своих, я в них нуждаюсь. Мама ругает: «Где пропал?» Он знает свою вину, но он ничего не может изменить! От безысходности маленький человек дерзит маме, грубит, но и завтра он будет во дворе столько же, сколько и все. Он должен быть «своим», его безопасность теперь зависит уже не от мамы с папой, а от ребят во дворе.

Попытки родителей вмешаться в мальчишеские дела обычно лишь ухудшают положение. Надо просто как можно больше поддерживать ребенка дома, чтобы главными «нашими» в этой жизни были для него его родители, его семья, его дом. Тогда из той же самой потребности безопасности, из того же детского «стадного чувства» разовьются благородные свойства: готовность постоять и пострадать за друзей, верность в товариществе, надежность в отношениях с людьми, стойкость характера.

Насколько маленькому человеку живется труднее, чем взрослому! Его постоянно оценивают. Он получает отметки за каждый шаг – не только в школе, но и дома. Мы все время гадаем: хороший? плохой? способный? неспособный? Нельзя, чтобы жизнь детей

превращалась в вечный экзамен.

Ребенка надо не только понимать, но и принимать, принимать таким, каков он есть. Понимают – умом, принимают – душой. Если чувствуешь, что к тебе относятся хорошо, любое замечание стерпишь. Не любят тебя – и слушать не хочется, всегда готов к отпору, и даже справедливое замечание не доходит до разума. Если я оттолкну сына от себя, если буду досаждать ему своими укорами, дом станет для него небезопасным. Скорее на улицу, где принимают! Без всяких условий! Так постепенно мы потеряем влияние на ребенка. Он уйдет душой из дому, и все недостатки его лишь усилятся. Но нет, я принимаю его – и он бежит в дом. И чем сильнее, чем хуже его пороки, тем больше нуждается он в том, чтобы дома его принимали, чтобы любили.

Где же место любви? Где место добру? Мальчик-отличник, мальчик-общественник, мальчик-чистюля; не надо обладать выдающимися душевными качествами, чтобы любить его.

Но вот другой мальчик – двоечник, лентяй, грязнуля. Тут-то и проявляется культура воспитателя, тут и начинаются любовь, добро, великодушие. Принять не-при-ятное – вот добро! Вот в чем труд души!

Добро к людям и любовь к людям – одно и то же. Быть добрым, не любя, невозможно, потому что добро требует душевных сил. Ребенок все время виноват перед нами? Значит, мы его не любим. Любимые не виноваты! А вот мы перед ребенком виноваты во сто раз больше – на нас лежит тяжкий грех нелюбви к собственным детям.

Каждый понимает: для воспитания ребенка прежде всего нужно найти с ним общий язык. Иначе воспитание невозможно. Но то и дело обращаемся мы к сыну или дочери:

– Я кому говорю?

– Я что, стенке говорю?

– Я тебе сколько раз говорил?

– Тебе хоть говори, хоть не говори!

– Ты что – не слышишь? Ты что – глухой? Ты оглох, что ли?

– Я тебя спрашиваю или нет?

– Ты что, не понимаешь?

– Ты почему молчишь?

– Ты что, язык проглотил?

Нам кажется, будто ребенок нас не слышит, нам кажется, что надо сказать еще раз, еще и еще, пока до него наконец дойдет. А до него, может, никогда и не дойдет, потому что мы не на том языке говорим!

Общий язык с детьми – это речь и движения души, язык желаний и чувств. Мы постоянно пользуемся словом «душа», хотя, по-моему, девять человек из десяти не знают, что это такое. О своей душе говорят отстраненно: не «мне больно» – а «душа болит», «душа страдает». Люблю – я, ненавижу – я. Но как люблю? Как ненавижу?

«Всей душой»... Значит, все другие чувства подчинены этой любви или этой ненависти.

Когда в душе человека преобладают чистые желания, говорят, что у него «чистая душа». Если же преобладают грязные, низкие желания и чувства, говорят: «низкая душа», «мелкая душа», «подлая душа», «грязная душонка» – завистливая, злобная, мелочная. Про двух людей, во всем согласных между собой, говорят: «они живут душа в душу». Предполагается, что если люди побеседуют искренне, открыто, у них был «задушевный разговор», «они поговорили по душам», «на душе легче стало». О человеке, который понял меня, говорят: «он заглянул мне в душу», «он душевный человек». Маленькие дети – это простые души, не сформировавшиеся, не окрепшие; хаос желаний и чувств. Но если мы точно поймем потребности ребенка, нам будет легче понять и его душу, уважать ее – уважать желания и чувства ребенка. А значит, найти с ним общий язык.

Для ребенка нет плохих или хороших людей, он видит только отношение к нему – плохое или хорошее. Отец – пьяница, но когда его поведут в милицию, пятилетняя девочка

расплачется: «Мой папа хороший, он мне всегда приносит конфеты». Ребенок живет не в мире людей, а в мире отношений с людьми, и это слово – «отношение» – ключевое понятие педагогики.

Мне рассказывал молодой инженер из Ангарска: «Однажды пришли к десятилетнему сыну товарищи, сидят, разговаривают. Я прислушался: разговор идет о пересадке сердца... И вдруг мой сын говорит: “А я бы хотел, чтобы мне пересадили сердце папы... Мне нравится, какое у папы сердце”».

Вспоминаю этот рассказ и думаю: может быть, я встретил самого счастливого человека на земле?

Не у каждого из нас такое сердце, не каждый умеет любить детей, даже своих собственных, не каждый достаточно разумен, не каждый может контролировать свое поведение, не вспылить; в большинстве своем мы усталы и раздражительны. Но дети сами смягчают наши сердца – своим существованием, смехом, шалостями. Нам остается немного – не бояться доброты в своем сердце.

Уровень справедливости

А вообще люди – воспитуемы ли?

Это один из самых интересных и, кажется, один из самых неразрешимых вопросов человечества.

Чтобы ответить на него, психологи давно уже проводят так называемые лонгитюдные – многолетние – исследования одних и тех же людей, годами изучают двойняшек. Пытаются выяснить, что в человеке от природы, а что от воспитания. И каждый раз получают двусмысленные результаты, которые можно истолковать и так и этак.

Но ведь и все мы немножко психологи, все, продираясь сквозь толщу времени, невольно проводим свое собственное лонгитюдное исследование, наблюдая за одними и теми же людьми в течение многих лет.

Свой возраст и связанные с ним перемены заметить довольно трудно, потому что внутреннее «я», известное лишь его владельцу и больше никому, практически не меняется. Сейчас, когда я подхожу к более чем солидному возрастному рубежу, внутри себя я точно тот же, которого мама когда-то утром отвела в детский сад и оставила там одного – без мамы. Хорошо помню то состояние, оно во мне, оно часть меня, и оно не может измениться. Я есть я. Вы есть вы. Никакими усилиями ни меня, ни вас, читатель, изменить невозможно. Меняются взгляды, речи, поведение, но при этом человек остается самим собой. Вернее, в нем остается неизменным нечто самое существенное. Что это такое, что остается в человеке всегда и при всех кажущихся переменах?

По моим ненаучным наблюдениям, в каждом человеке есть неизменный, не изменяющийся в течение всей его жизни уровень справедливости, уровень совести. Не знаю, откуда он берется и от чего зависит (если бы узнать, это было бы важным открытием в педагогике) – но он есть. Именно этим уровнем определяется степень доверия, вызываемого человеком.

Что такой неизменный уровень совести есть, подтвердит каждый, если вспомнит своих однокашников, однокурсников, коллег по работе в давние времена.

Однако это плохо доказанное утверждение ничего не стоит опровергнуть, если вспомнить не сверстников, а младших – тех, кто вырастает и вырос на наших глазах. Кто жил достаточно долго, чтобы наблюдать за каким-нибудь соседским ребенком, сыном или дочкой друзей в течение многих лет – скажем, от пяти до двадцати пяти лет, – тот почти каждый раз удивляется происходящим переменам. То и дело мы говорим: «Подумать только! Был такой разбойник! А сейчас такой милый человек!» Или наоборот: «Я же хорошо помню, был такой тихий милый мальчик, а сейчас? Разбойник!»

Сверстники в наших глазах не меняются, дети же меняются до неузнаваемости.

О чем это говорит? О том, что в человеке есть и неизменное, и переменное? Или о том,

что мы не понимаем детей?

Скорее всего второе. За внешним поведением, за поверхностным измерением «послушный – непослушный» мы не умеем увидеть навсегда данный ребенку уровень справедливости. Поэтому-то наши воспитательные усилия так часто бывают ложными и тщетными.

Все начинается с веры

В воспитании своих детей специалистов быть не может, отцов-профессионалов и мам-профессионалок на свете нет. Воспитание своих детей – одно из самых благородных дел, ему можно отдать жизнь, но профессией оно стать не может. К тому же воспитание – это искусство, а где искусство – там талант, там сердце, интуиция, вдохновение, любовь. Где искусство, там результат вроде бы без процесса: каким-то образом получилось, но как? Магия... Так и говорят: магия искусства. Наука – это бегство от «чуда», по известному слову Эйнштейна, а воспитание, а искусство непременно содержит в себе какое-то чудо – иначе искусства нет. Как это все совместить? Может ли наука оперировать ненаучными, туманными понятиями вроде «сердце» и «любовь»?

Может. Есть искусство писать книги, и есть наука об искусстве писать книги – литературоведение. Есть искусство играть на сцене, и есть наука об этом искусстве – театроведение. Есть искусство воспитания, и есть наука об этом искусстве – педагогика. Стопроцентная наука о стопроцентном искусстве, но и с отличием от точных наук: как у всякой науки об искусстве, ее язык тоже должен быть приближен к искусству. Педагоги, стараясь быть «научными», пытаются иногда обойтись без неточных понятий – «любовь», «сердце», но без них ничего нельзя ни объяснить, ни предсказать.

Многим людям кажется, будто наука о воспитании детей в семье – та же самая наука, что и о воспитании в школе, а учитель – специалист и в домашнем воспитании.

Когда же дело доходит до собственных детей, то всякая наука вроде бы кончается и начинается неизвестно что. Даже у самых прекрасных учителей бывают никудышные дети – не видали? В таких случаях осуждающе говорят: своих детей воспитать не умеет, а за чужих берется!

Да, чужих воспитывает, а своих не всякий может, потому что наука педагогика, помогающая учителю в его трудах, хорошо работает, когда перед воспитателем тысяча детей, похуже, когда их тридцать, и совсем плохо, когда один-два-три.

Чем меньше детей, тем труднее, а не легче работа воспитания. Бывает, школьный педагог, имея сорок детей, справляется с тридцатью девятью из них и считается прекрасным учителем, а сорокового, неуправляемого, старается обычно куда-нибудь сплавить. Но у мамы-то сороковой не сороковой, а первый и единственный, и никуда его не сплывишь и на другого не обменяешь. Столетиями призывают учителей к индивидуальному подходу, говорят: «Надо найти ключ к каждому», и всегда это было труднейшей частью педагогической работы. Но у папы и мамы никакого другого подхода, кроме индивидуального, и быть не может. У профессионала-учителя не получается, а у мамы-непрофессионала должно получиться.

Маме говорят: вы должны, вы обязаны, то есть обращаются с ней, как с учительницей, которой при случае можно дать выговор, а то и уволить ее. Но маму-то не уволишь!

Маме говорят:

– Если ребенок не послушался вас, то надо повторить приказание голосом, не допуская возражения.

Совершенно правильно! Надо! Но что делать, если мама не умеет говорить таким голосом, и чем больше пытается она быть строгой, тем хуже результат?

И со всех сторон говорят маме: «Надо, чтобы... Надо, чтобы... Надо, чтобы...» Надо, чтобы ребенок знал слово «нельзя»! Надо, чтобы ребенок знал слова «пожалуйста» и «спасибо». Надо, чтобы ребенок не баловался, и надо, чтобы он рос рыцарем – почему вы не

научили его рыцарству, мамаша? Надо, чтобы ребенок с детства был приучен уступать дорогу старшим...

Да, надо, надо, все надо, кто спорит? Но что делать, если не получается, и даже непонятно, отчего не получается? Ведь мама все делает, как все!

Родители внимают педагогике, стараются изо всех сил, а у них ничего не получается. Они и не подозревают, что им преподносят правила, выработанные в школе и не имеющие никакого отношения к семейному воспитанию!

Словом, воспитание в школе – одно, воспитание дома – другое. То – то, а это – это.

Ну, например, хороший мастер всегда лучше плохого – кто не согласится с этим утверждением? И разумеется, талантливый учитель лучше бесталанного. Однако плохая мама, но своя заведомо лучше хорошей, но чужой. Плохое лучше хорошего! Посмотреть бы на математиков и логиков – как управились бы они с такой наукой?

Мало того! Первое, что должна сделать наука о семейном воспитании, это установить факт, что люди прекрасно обходились и обходятся без нее, без науки.

В самом деле, кто видел детей, воспитанных по науке? Никто. Потому что детей воспитывают не по науке, а по вере. Не будем бояться этого слова, оно не раз еще встретится нам. Духовные процессы совершенно не поддаются анализу и объяснению без понятия о вере.

Для успеха в любой работе нужна уверенность, которая обычно добывается собственным опытом. Но у родителей опыта быть не может, их уверенность держится на вере в чужой опыт, на доверии к нему, на доверии к опыту своих родителей и всех предшествующих поколений. Мы и сами не знаем, откуда берутся наши педагогические убеждения, они кажутся нам здравым смыслом, мол, как же иначе? Педагогическая вера живет в нас, поскольку все мы закончили пятнадцатилетний родительский педагогический институт. Нас не только воспитывали так или иначе, нас при этом учили воспитывать своих будущих детей.

Воспитание – первый вид человеческой деятельности, с которым сталкивается человек, рождаясь на свет. Сначала он на собственной, так сказать, шкурке узнает, как воспитывают, а потом уж видит он, как варят обед, убирают, забивают гвозди, гладят белье, и лишь много позже увидит ребенок, как работает шофер, врач, продавец – первые герои детских игр. Но сначала – «дочки-матери». Сначала – воспитание.

Дайте самой маленькой девочке куклу, и она начнет баюкать ее и укладывать спать (самые большие неприятности у детей связаны с укладыванием в постель), а может быть, задерет ей платьице и начнет шлепать, приговаривая: «Ата-та, ата-та! Ты почему не слушаешься?»

Мама возвращается с сынишкой из детского садика и ведет неторопливую педагогическую беседу:

– Мишка все игрушки разбросал, раскидал. Что мы с ним сделаем?

– Отлупим, – равнодушно отвечает мальчик.

Мама – интеллигентная женщина, современная, она оглядывается: вдруг кто-нибудь услышал?

– Ну зачем же так – «отлупим», – говорит она неуверенно.

– А вы меня лупите? – возражает мальчик. – Лупите. И его отлупим.

– Ну, мы тебя лупим, когда ты упрямисься...

– И он упрямится, – говорит мальчик.

Ему пять лет, но он точно знает, как надо воспитывать. Человеку еще расти и расти, а воспитание будущего воспитателя уже закончено.

Но вера есть вера. Она необходима, она и опасна. Убеждения, воспринятые в раннем детстве, это не перчатка на руке, а сама рука; люди крайне неохотно расстаются с убеждениями даже тогда, когда совершенно очевидно, что они не отвечают жизни. Вера обладает свойством укрепляться даже при столкновении с опровергающими фактами.

Отец слишком строг с ребенком; маленький превратился в зверька, стал

неуправляемым, а отцу кажется, что он еще и недостаточно строг. Он винит жену, тещу, ребенка, самого себя винит, но ему и в голову не приходит, что виноваты его убеждения. Он и знать не знает, что у него есть какая-то педагогическая вера и что она может быть совсем другой, что ее можно сменить.

Это объясняет, отчего одним людям советы по воспитанию идут впрок, а другим нет. Если советы противоречат вере отца или матери, то, конечно же, в них не будет толку. Это все равно что советовать японцу есть только вилкой, а европейцу – палочками. Педагогический совет хорош лишь в том случае, если он отвечает нашей вере.

Все начинается с веры!

Педагогическая наша вера сложилась очень давно и передавалась из поколения в поколение, чтобы новые родители, не имеющие собственного опыта, все же могли уверенно воспитывать детей. Она сложилась в условиях, когда действовала безотказно – иначе она не выжила бы.

В этом разгадка почти всех педагогических загадок. Вера – прежняя, здравый смысл – прежний, но условия в последние десятилетия изменились до неузнаваемости. Века и века было одно, и вдруг стало совсем другое – настоящая революция в педагогических обстоятельствах, которую многие из нас не заметили и не могли заметить.

Начать с того, что в давние времена сын крестьянина, как правило, становился крестьянином, а сын купца – купцом. Девушка не искала жениха – его находили родители, молодой человек не искал невесту – это было дело свахи, а затем «стерпится – слюбится». И в каком месте жить, в каком селе или городе – тоже решала жизнь, судьба, а не сам человек. От человека же требовалось послушание жизни точно так же, как требовалось от него послушание отцу, поскольку отец был руководителем хозяйства, предприятия по производству и отчасти продаже продуктов, а на предприятии дисциплина – главное.

Образ воспитания отвечал образу жизни. От выросшего сына требовали послушания, но ведь ему и давали: дом, или наследство, или приданое для обзаведения хозяйством, давали профессию, давали готовый образ жизни – ему не приходилось выбирать, не нужно было выбирать.

Теперь, как и прежде, говорят: «Слушайся, слушайся!», а потом – иди, сам строй свою жизнь, будь активным и самостоятельным человеком. А если сын попросит помощи, то на весь мир жалуются – ну и дети пошли, до пенсии им помогай!

Теперь, как и прежде, смотрят за девушкой: ни-ни! Рано тебе о любви думать, сиди дома и делай уроки. Но жениха ей искать не станут, а еще и упрекнут с возрастом: другие-то все уже замужем, а ты?

Образ воспитания расходится с образом жизни. Мы ждем от выросших детей то, чего не дали им в детстве. Не сеяли, а приехали с жаткой.

Вырастает молодой человек, которому предстоит выбрать профессию (и все кругом говорят о призвании), выбрать жену (и все кругом – о любви), выбрать образ жизни (и все – о свободе) – у него совершенно другой внутренний мир, другие представления о жизни, а воспитывали его методами, выработанными тысячу лет назад...

Что же может получиться из такого воспитания?

Нынешний ребенок живет в мире соблазнов, каких прежде люди не знали. Все соблазн: и одежды подруги, и машина, на которой друга привозят в школу, и возможность уйти из деревни в город...

Соблазны! Да еще какие... Мальчик идет из школы домой, заглядывается на витрины радиомагазина и видит системы стоимостью в десять, двадцать отцовских зарплат. Кто их покупает? Почему не мы? Разговаривая с таким мальчиком, приходится прибегать к доводам, которых не знали еще десять – двадцать лет назад. А мы их знаем, эти доводы? Мы их ищем?

При росте, при перемене благосостояния надо быть очень бдительными – как отразится эта перемена на детях?

Сейчас не лучше, не хуже, а по-другому. На каждые условия должно быть свое

воспитание. Но у многих из нас нет даже идеи о том, что воспитание может быть разным, что оно должно меняться.

Надо отказаться от представлений, созданных в других условиях, и использовать преимущества нового времени.

Изменился взгляд на людей, на самих себя, он приблизился к правде. Появилась свобода в поведении, в выборе профессии.

Условия воспитания стали хуже, если его целью является послушание сначала родителям, потом – жизни. Приучить ребенка к послушанию стало почти невозможно. Но условия воспитания сильно улучшились, если целью являются добрые, честные, самостоятельные, счастливые люди – и неправильно было бы не замечать этого и не ценить.

III. Очевидное – неочевидное. От чего зависит результат наших педагогических усилий

Воспитание духа

Обычно люди хотят, чтобы на их вопрос «Как воспитывать ребенка?» отвечали за десять – пятнадцать минут. На шестнадцатой минуте им начинает казаться, что они и без того многим пожертвовали для своих детей. А главное, люди хотят, чтобы единственными виновниками наших педагогических провалов считались дети.

Если вырос неудачный, с точки зрения родителей, сын, то они, родители, готовы признать, что мало смотрели за ним или слишком сильно тратились на него – баловали, но все с недовольным видом замолкают и отворачиваются, когда им говорят, что они вообще не могут воспитывать детей, что какого ребенка им ни дай, хоть ангела во плоти, они вырастят нечто ужасное.

Кому это может понравиться?

Но что поделать, если мир устроен именно так и есть немало людей, которым, несмотря на их добропорядочность и заботливость, лучше бы все-таки не подходить к детям?

Граница между хорошими и дурными воспитателями лежит не в затратах времени, не в том, что одни больше занимаются детьми, а другие меньше; и не в том, что одни строги и требовательны, а другие добры и нежны – нет, эти две обычно называемые причины почти ничего не объясняют. Установлено, что строгое или мягкое воспитание не влияет на отметки ребенка в школе. Между двумя этими величинами (строгость и отметка) не удалось обнаружить связи.

От чего же тогда зависит результат наших педагогических усилий?

От нашего духа. От духовности воспитателей.

Но придется хоть коротко объяснить это главное педагогическое понятие – «дух». «Духовная жизнь» или «духовные интересы» пишут все, но что такое дух?

Все люди говорят или правду, или неправду. Неправду говорят или нечаянно, или с целью, или по привычке, или по вынужденным обстоятельствам. Но во всех случаях неправду стараются выдать за правду, и почти никогда не бывает обратного. Никто не выдает правду за ложь. Точно так же редко выдают добро за зло, хотя обратных случаев сколько угодно.

Из этих детски простых, очевидных фактов можно сделать и неочевидные выводы. А именно: человечеству в целом, а каждому человеку в той или иной степени свойственно стремление к правде, добру и красоте. Все желания людей можно разделить на конечные (приобрести, сделать, сделаться) и бесконечные. Бесконечные желания, а лучше сказать, стремления к добру, правде и красоте – это и есть человеческий дух. Дух – это стремление. Стремление к бесконечному. Стремление, полученное нами от народа, человечества. Дух

вырабатывался всей историей человечества. Случись ядерная катастрофа, погибнет не только человек, но и дух человеческий. Он не передается по наследству, его нет в генах, он и не самозарождается, он воспринимается развивающимся человеком из обычаев, из культуры, но особенно из языка. Несмотря на самые разительные национальные отличия в воспитании детей, все взрослые люди всех народов принципиально равны с духовной точки зрения, потому что в основе всех форм народного воспитания лежит передача одного и того же духа – передача ребенку стремления к добру, правде и красоте. Бездуховный тот, у кого одни лишь конечные желания.

Таким образом, обычное представление о воспитании должно быть перевернуто. Считается, что в обществе есть нормы поведения и воспитание состоит в том, чтобы ребенок усвоил эти нормы и, научившись обуздывать себя, жил, не переступая через них. Воспитание и самовоспитание сводятся к обузданию и самообузданию.

Я думаю прямо противоположным образом. Я думаю, что человек, вырастая, проникается общечеловеческим духом правды, добра и красоты и потому живет по высоким нравственным нормам, даже и не интересуясь ими, как не интересуется обыкновенный человек Уголовным кодексом. Человек обладает бесконечным духом и потому он выше норм. Наоборот, общечеловеческие нормы – выражение общего стремления к правде, добру и красоте. Иначе откуда бы они взялись?

Религиозного человека может обидеть такое понимание слова «дух», в его представлении дух – святое, божественное. Но будьте, пожалуйста, милостивы к детям, которые воспитываются вне религии, – их не так уж мало на земле. В конечном счете различаются лишь представления о происхождении духа; но что воспитание человека без воспитания духа невозможно – об этом, на мой взгляд, спорить нечего.

Чем больше духовности, то есть чем больше стремления к правде, добру и красоте в окружении ребенка, тем лучше он становится. Чем выше духовность в народе и обществе, тем легче воспитывать детей.

До свадьбы заживет

Маленький ребенок разбил коленку и хнычет. Мама могла бы сказать ему: перестань! Не хнычь! Ты мне надоел! Стыдно плакать, ты ведь мальчик! Ты уже большой!

Но мама гладит маленького по голове, дует на его коленку и приговаривает: «Ничего, ничего, до свадьбы заживет». Мама совершает великое воспитательное таинство.

Одно из самых важных нравственных понятий, без которого и мыслить воспитания нельзя, еще не восстановлено в правах. Многие родители, по моим наблюдениям, не понимают его важности.

Речь идет о вере, о необходимости во что-то верить и о нашей нравственной обязанности во что-то верить.

Выпустить в жизнь человека, который ни во что не верит, – значит породить или несчастного, или опасное для окружающих существо. Истинная, глубинная причина большей части преступлений, особенно в юности, состоит в неверии ни во что. Нет веры – значит, нет нравственных оснований и, значит, все дозволено. Точно по Достоевскому. Безверие – не скептицизм, это просто пустота. Не человек, а манекен, оснащенный человеческой силой, человеческой хитростью, снабженный человеческим обликом – но без души. Манекен, способный на что угодно, на любую подлость и жестокость.

Потому что вера – главное свойство души. Вера, надежда, любовь – это, собственно, и есть душа человеческая, и странно призывать к милосердию, состраданию, жалости того, кто ни во что не верит, как странно было бы ожидать хоть каких-нибудь чувств от пластмассового манекена.

К понятию «вера» наша педагогика и официальная этика долгие годы относились двойственно. В тех случаях, когда вера была невыгодна системе, она подвергалась поношению, когда выгодна – прославлению.

Постоянно говорилось и пелось о безграничной вере в коммунизм, в вождя, в партию, в пятилетку. Вера, да еще безграничная (то есть не ограниченная доводами жалкого разума, столь превозносимого на школьных уроках), объявлялась высшей и непрременной доблестью человека.

Воспитание, таким образом, было поставлено с ног на голову. Там, где вера необходима, там она отвергалась в пользу разума. Там, где необходим разум, он отвергался в пользу веры.

Эта двойственность сохраняется и по сию пору, хотя и с некоторыми изменениями. Теперь, когда общество испытало столько разочарований, все вдруг стали спрашивать: во что же верить? Все почувствовали необходимость в вере. А вместе с тем само понятие веры как чего-то отличного от разума по-прежнему не принимается ни этикой, ни психологией, ни педагогикой, ни школой, ни родителями, в большинстве своем образованными. Образованием считается укрепление веры в разум, и никто не замечает, что и в разум-то все-таки вера.

Выскажу мысль, крайне непривычную для наших общих представлений: человеку для его существования, жизнедеятельности, для человеческого отношения к людям, для достижения достойных целей, для внутреннего равновесия, пусть даже и неустойчивого, словом, для жизни в первую голову нужна вера. А разум необходим для того и лишь для того, чтобы можно было действительно верить в реальность, истинность, справедливость той жизни, которой живет человек. Подвергай все сомнению! И еще раз подвергай! Но для чего? Для того, чтобы то, что выдержит сомнение, стало убеждением, то есть знанием, соединенным с верой в его истинность. Без способности верить, без веры нет убеждений. Духовная жизнь человека начинается с веры, потом приходят разрушительные сомнения, рожденные разумом, потом достигается новая вера – и новые сомнения одолевают человека. Все для веры, потому что человек наиболее активен, когда вероятность успеха равна пятидесяти процентам – когда есть и необходимость верить в успех, и возможность верить. Это доказано в опытах. Самая высокая мораль – в войске, которое верит в победу. Если оно на границе поражения (и вера в победу трудна) или у самой победы (и вера больше не нужна), мораль обычно падает.

Можно заметить, что есть два рода веры – ближняя и дальняя. Ближняя – вера в себя, в окружающих людей, в начатую работу. Не веря в успех дела, лучше его и не начинать – это известно всем. Если человек хочет добиться цели, он обязан, именно обязан верить в успех. Что вера есть обязанность – это мало кто понимает, оттого с такой гордостью заявляют: «А я ни во что не верю!»

Ближняя вера определяет характер человека, его волю. Но дух его, но нравственность его определяются дальней или, лучше сказать, высшей верой – верой в бесконечное.

Одни скажут: это идеализм!

Другие скажут: это все понятно, но во что же верить неверующему?

Люди верят в правду, в любовь, в жизнь, в труд, в искусство, в человеческое достоинство, в неодолимость добра, в вечную природу. Мама, приговаривающая «до свадьбы заживет», ведет великую работу: внушает сыну веру в будущее.

Воспитание доверием

У каждого из нас свой внутренний мир. Мы живем в нем, мы носим его с собой, словно черепаха панцирь, и любого человека мы впускаем в свой мир, как-то приспособивая представление о нем к нашему миру. Мы не понимаем, не ощущаем до конца, что это совсем другой человек!

Мы одеваем малыша, кормим его, меняем ему мокрые штанишки, ведем гулять, мы суем его под кран, чтобы помыть, мы вертим его в руках, не обращая внимания на плач, – и правильно, нам надо быстрее управиться. И все же каждую минуту будем ощущать в руках другую жизнь, и пусть каждое наше прикосновение будет бережным, а каждое слово –

осторожным.

Другая жизнь развивается по своим законам. Кажется, все в ребенке от нас, все в нем – я, но ведь это не так. Он рожден не копией меня, он не мой двойник. У него все другое: боль, радость, желания. Мы вместе смотрим на мир, мы в одной комнате, но мы видим комнату и вещи в ней с разных точек зрения: я – сверху, почти с потолка, а он – снизу, почти с пола. Финский архитектор Алвар Аалто построил больницу, принесшую ему мировую славу: он догадался, что больничную палату надо проектировать, исходя из интересов не стоящего человека, а лежащего. Надо, например, учитывать, что больной видит перед собой потолок, а не стены – следовательно, свет должен исходить не с потолка, а откуда-то сзади...

Идут годы – дети все больше отдаляются от нас, даже если очень нас любят. Мы стараемся понять ребенка – одним это удастся лучше, другим хуже, но даже самые понятливые из нас часто касаются лишь внешних границ этого мира.

В семье, где полностью нарушен контакт с детьми, где перестало действовать волевое начало, где дети не подчиняются ни строгому тону, ни сухому, ни официальному, ни крику, ни брани и даже на побои не реагируют, – в такой семье стоит обратиться к обыкновенной просьбе.

Разумеется, просьбы должны быть выполнимы. Очень странно просить в долг деньги у бедного человека, а потом обижаться на него за отказ и говорить: «Жадина». Так и с детьми. Если ребенок плохо учится, то нелепо говорить ему: «Я тебя прошу, учись с завтрашнего дня хорошо». Ребенок не может ни с того ни с сего вдруг начать хорошо учиться. Тогда его упрекают: «Я же тебя просил»... А немного погодя делают вывод: «Моего хоть проси, хоть не проси».

Если детьми не распоряжаются, если с первого дня жизни их просят, они, как правило, и выполняют эти просьбы – и все в семье спокойно. Ведь просьба предполагает возможность обсуждения: «К сожалению, я не могу выполнить твою просьбу» или даже и так может быть: «Ты знаешь, мне не хочется идти на почту. А очень нужно?» – «Нет, можно и завтра» – «Ну тогда завтра, хорошо?» Или так: «Очень нужно сегодня» – «Ну что же делать, придется идти» – «Вот спасибо!» – «Ну чего там, если нужно».

Обычно думают, что если попросить ребенка, то он обязательно начнет возражать и спорить. В действительности же все происходит наоборот: в семье, где всегда просят друг друга, – в такой семье в девяноста девяти случаях из ста откликаются на просьбы, потому что и просящему приходится тонко рассчитывать: выполнима ли его просьба? – и выполняющему просьбу труднее отказать, чем если бы ему было отдано распоряжение. Ведь и дети между собой говорят: «Ну тебя просят же!» – и всем понятно, почему просьба должна быть выполнена.

Распоряжению надо еще искать разумное основание, а просьба содержит основание в себе самой: человек просит! Человеку нужно! Зачем ему это нужно – второй вопрос, он обычно и не возникает. Важно одно: человеку нужно!

Просьба выполняется гораздо охотнее, чем распоряжение. Она содержит в себе возможность обсуждения – пусть и нереализуемую. Она вовлекает в действие не просто волю ребенка, а именно добрую волю: он всегда действует добровольно. Он ведь мог отказать в просьбе, но не отказал – теперь на нем, на ребенке, ответственность за дело.

Просьба от распоряжения тем и отличается, что на распоряжении необходимо настаивать, чтобы не потерять авторитет, а на просьбе, наоборот, настаивать нельзя. Когда вы просите, вы должны быть готовы и к тому, что можете получить отказ. Но это – небольшая цена за столь дорогостоящую вещь, как контакт с детьми. Просто в следующий раз будем осмотрительнее, чтобы вновь не нарваться на отказ.

Я встречал немало родителей, которым и в голову не приходит о чем-то попросить ребенка. «Чтобы я стала у него просить? Да кто он такой, чтобы кланяться ему? Унижаться перед ним?» Да, просьба содержит в себе поклон, признание в нужде. Но просить ребенка вовсе не унижительно! И уж во всяком случае гораздо унижительнее распоряжаться, видеть, что твои распоряжения не выполняются, и бегать по людям, жаловаться на своих детей и

вообще на «нынешних».

Но вот коварный случай: вы просите ребенка, он отказывает вам, однако то, что вы просите, должно быть выполнено обязательно. Ну, например, нужно идти к зубному врачу, а ребенок не хочет, боится. «Ну для меня сходи!», но он не хочет, чтобы ему сверлили зуб даже ради мамы, тем более что довод «ради меня» давно ему известен как пустой. Заслонить маму от бандита он готов, но зуб сверлить? Какая связь между зубом и мамой?

В записях одной прекрасной женщины, матери известной у нас виолончелистки, я прочитал, как она, мама, поступила, когда ее шестилетняя дочь наотрез отказалась идти к зубному врачу.

– Хорошо, детка, – кротко сказала мама, – не пойдем. Пойдем лучше в субботу в кафе-мороженое?

Конечно же, в кафе-мороженое лучше, чем к зубному врачу!

Пришли в кафе. Выбирают мороженое. Официантка отходит от столика, но вдруг возвращается:

– Да, чуть не забыла, – говорит она, – а справка от зубного врача у вас есть? Маленьким детям мороженое у нас дают только по справке от зубного врача!

– Нет, – сказала мама растерянно, – у нас нет справки... Может быть, поверите?

– Без справки не могу, – отрезала официантка.

Девочка нахмурилась.

– Где твой врач? Поехали к нему! – сказала она сердито. Но мама сумела и с врачом договориться потихоньку, как и с официанткой: полечив зубы девочке, врач выписал справку в кафе-мороженое...

Воспитание – сугубо творческое дело. Каждый раз, когда возникает затруднение с детьми, мы должны искать выход – ну точно так же, как если бы мы решали математическую задачу. Мы не можем списать ответ, не можем, рассердившись, разорвать негодный учебник на части, не можем выбрать себе другую задачу, полегче. Нам задана именно эта, и мы должны над ней мучиться, пока не решим!

Если бы все родители, когда дети их не слушаются или вообще не слышат, относились к этому как к задаче, которую надо решить, а не просто кричали бы на детей и обвиняли их в непослушании, то уж давно все наши дети были бы прекрасно воспитаны.

Творческое воспитание, воспитание в обход – самый трудный, но зато и самый надежный путь воспитания. Нет ребенка, не понимающего, что его воспитывают; и нет ребенка, который любит, чтобы его воспитывали. Вся педагогика твердит о том, что воспитание должно быть незаметным для воспитанника. Но иногда дети замечают или разгадывают наши педагогические хитрости, они, как правило, относятся к ним с веселым юмором:

– Ой, мам, ну какая же ты хитрая!

И обе – мать и дочь – смеются, довольные.

Детей нельзя обманывать: нельзя обещать им что-то и не сделать, нельзя притворяться, что мы любим их, если мы на самом деле их не любим. Но можно и нужно пускаться на всякие хитрости, чтобы отвлечь их от дурного, побудить к хорошему. Дети ценят эти хитрости как признак мастерства, признак ума, ловкости. Важно только, чтобы хитрости наши удавались.

Каждый раз, когда детям прописывали горькое лекарство, отец, уговаривая их, сам первый глотал огромную ложку: «Вот видишь? Совсем не горько!» Потом, когда дети выросли, они рассказывали, что из всего детства это запомнилось им больше всего: как отец с веселым лицом глотал ложками горькое лекарство...

Нянечки родильных домов утверждают, что даже у совсем маленьких детей есть характер: один рождается спокойным, другой беспокойным, один умный, другой глупый, третий хитрый; один добрый, другой агрессивный... У них нет еще имен, отец с матерью еще спорят, как назвать сына: имени нет, а характер есть.

Значит, все от природы? Все заранее предопределено?

Мать рассказывает о грубости двенадцатилетней дочери. «Это у нее гены такие. От отца».

Как удобно! Я еще ни разу не встречал женщины, которая жаловалась бы на свои «гены» – непременно на отцовские. Да и ни один мужчина не грешит на свои «гены» – только на материнские.

Не будем вдаваться в спор, что важнее для человека, что в конечном счете определяет его личность – наследственность или воспитание. Конечно – природа, конечно – гены, кто против? Оставим споры в стороне. И будем заниматься своим делом – воспитывать!

Нет смысла воевать с природой ребенка, переделывать подвижного, энергичного мальчика в существо медлительное, всегда спокойное. Нет смысла торопить природу, пытаться ускорить заложенный в нашем ребенке темп развития. Но будем верить, что природа заложила в ребенка способность стать хорошим человеком. Будем верить в ребенка – и сама эта вера сделает чудеса.

У нас трудный ребенок, у него плохие гены? Но попади этот ребенок вместе с его генами в другие руки, к более умному, опытному и знающему воспитателю – посмотрели бы мы, как изменится он в считанные дни!

Мы доказываем ребенку, что он плох: не туда пошел, не то взял, не так ест, не так ходит... Все не так! Если ребенок примет все эти «не так», он пропал, он будет разрушен, подавлен, смят. Но он инстинктивно борется за себя. Он бежит от нас, он не слушает нас, он не хочет слышать и знать все эти «не так» – он сохраняет свое духовное «я» с тем же упорством, что и физическое.

Ему говорят:

– У тебя руки кривые.

Ему говорят:

– Глаза бы мои на тебя не смотрели.

Но стоит переменить тон, сказать: «Ты молодец, старайся еще!» – и он наш! Он пьет эти слова, как бальзам, они необходимы ему для поддержания сил.

К сожалению, мы скупы на похвалы, мы боимся испортить ребенка. Он огорчает нас своим неумением, своими капризами, неряшливостью, медлительностью, непослушанием... И снова – замечания, одергивания, брань: не так ты все делаешь, не умеешь ты ничего, дурной ребенок, глупый, хуже других детей, и вообще – уйди и не мешай...

В результате неусыпных наших забот и появляется нередко представление о себе как о ничтожестве. «Я ничто... Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше...» – так определяет это детское состояние Януш Корчак.

Попробуйте воспитать Ничто! Попробуйте сделать человека из Ничтожества! Невозможно это.

С самых первых дней, когда нам кажется, что ребенок еще ничего не понимает: «Да ладно, он нас и не слышит!» – мы жалуемся на него соседям и гостям, рассказываем, как замучились с ним, вздыхаем: «Горе ты мое», старательно и тщательно превращая душу ребенка в ничто, а потом принимаемся воспитывать его, искоренять пороки. А ведь Ничто – средоточие пороков. Человек – средоточие достоинств. Так будем искать в ребенке человека!

А что же мы получаем от ребенка? Как узнать, действительно ли он нас слышит и понимает?

Во многих случаях обратный сигнал приходит с опозданием. Общение с ребенком напоминает диалог, когда одна сторона уже произнесла десять фраз, продолжает говорить – и только тут поступает ответ на первую фразу. Потом на вторую... Ответ в конце концов приходит, но, бывает, через годы. Малышу твердят: скажи «Мама! Ма-ма...» Не понимает! Но проходит день, или месяц, или три месяца – и вдруг он спокойно, без напряжения и совершенно отчетливо произносит долгожданное слово. Он ответил на учение матери, но не сразу.

Воспитателю многое приходится делать в надежде, что воспитанник когда-нибудь – а не сразу! – поймет его. Но так трудно не испортить отношения сегодня, в безответную пору!

Так трудно говорить, словно в пустоту – и верить, что не пустота перед тобой, что тебя слышат!

Сережа, сходи в магазин! – Молчание. Листает книгу.

Я кому сказала?

Сейчас.

Сережа...

Ну сейчас же...

Почему бы ему не вскочить, как на пружине, по первому слову матери? Зловредный какой! Не любит мать! Все нервы вымотал!

А он не зловредный, он и не думает о материнских нервах, у него своя жизнь. Он пойдет в магазин, но не хочет демонстрировать послушание, он, может, нарочно выжидает, чтобы не выглядело «как на пружинке», он упражняется в независимости. Пройдет какое-то время, он встанет – не торопясь, раздражающе медленно, будет полчаса одеваться и прихорашиваться. И наконец, когда мама, кажется, дошла до точки кипения – соизволил, отправился...

Что делать с таким?

Да ничего! Он услышал мать, пошел и всегда ходит, если его просят, и вообще он добрый и послушный мальчик, но только дайте ему время сделать вид, будто он пошел в магазин не из-за того, что мама ругает, а сам он так решил – пойти. Самому ему вдруг захотелось выйти на улицу и заодно, так уж и быть, сходить в магазин!

Особенность педагогического диалога в том, что воспитанник, отвечая нам, почти всегда делает вид, будто он и не отвечает вовсе, а говорит что-то свое, самостоятельное! Потому что для нас, для спокойствия нашего, нужен ответ, а для него, воспитанника, занятого сложной работой внутреннего роста и утверждения характера, – для него важно нечто прямо противоположное: самостоятельность, независимость. Он и акт послушания оформляет внешне так, будто не слушается. И это, кстати, гораздо лучше, чем обратное – непослушание, которое рядится в формы послушания. Вот это мы восприняли бы как лицемерие!

Все идет нормально и спокойно, если родители понимают: не жди ответа сию же минуту; не жди угодливого послушания, наберись терпения – все получится хорошо, но в свое время. К сожалению, не придумана и никогда не будет придумана машина, которая оповещала бы вас, что сигнал принят, – нет видимой обратной связи, ни по каким признакам не можем мы установить, услышали нас или не услышали!

Еще хуже обстоит дело с детской благодарностью. Всей нашей жизнью мы приучены: если ты сделал человеку что-то хорошее, то и он с тобой в ответ – по-хорошему, или уж во всяком случае обнаружит хоть какие-то признаки благодарности. Вся жизнь так устроена! А в доме что? Я сыну и то купил, и это, и куртку, и магнитофон, и велосипед – а он хоть бы что! Как приносил двойки – так и приносит!

Неблагодарный!

И сколько в доме скандалов, сколько навсегда потерянных возможностей договориться с детьми, найти общий язык из-за того, что родители требуют благодарности – причем немедленной, ясно выраженной, и не в словах, а на деле – в виде помощи по дому и улучшения отметок в школе! Материальной, так сказать, благодарности...

Но оставим эти счеты с детьми – они недостойны, мелочны и всегда ведут к взаимному отчуждению.

Есть легенда, которая замечательно объясняет, в чем же выражается благодарность детей.

...Старый орел с тремя молодыми орлятами залетел далеко в море, на маленький островок. Поднялась буря. Отец подхватил одного сына и понес его над волнами, выбиваясь из сил. На полдороге он спросил:

– Сын мой, видишь, как я забочусь о тебе. Будешь ли и ты так же заботиться обо мне, когда я стану совсем дряхлым?

– О, конечно, отец! – отвечал сын. Старый орел сказал:
 – Мне грустно, что у меня вырос сын-лжец...
 И он бросил сына в бурлящее море! Вернулся за вторым. Понес его к берегу.
 – Будешь ли ты, сын, заботиться обо мне так же?..
 – Отец, как ты можешь в этом сомневаться?
 И второго сына бросил отец в море. Полетел за третьим.
 – Сын мой, будешь ли ты заботиться обо мне так же, как я о тебе?
 – Отец, этого я обещать не могу, – сказал третий сын. – Но обещаю, что когда у меня будут дети, я стану заботиться о них так же, как ты обо мне.
 И старый орел долетел с орленком до берега...

Не надо понимать легенду буквально. Примем главное: жизнь должна идти вперед, а не назад; родители все отдают детям, а дети – своим детям, и так эта эстафета бескорыстной любви и заботы идет через века...

Нельзя требовать любви от детей в обмен на наши услуги. Если мы правильно воспитываем их, то эта любовь проявится сама собой.

Что же – все отдай, и ничего взамен? Но мы получаем неизмеримо больше, чем отдаем. Ведь многие из нас ни разу за всю жизнь не испытали бы острого любовного чувства, не знали бы, что такое нежность, заливающая, останавливающая сердце, если бы не дети.

Так кто же у кого в долгу?

Воспитание общением

Все воспитатели (и дома, и в школе) делятся на тех, кто нашел общий язык со своими воспитанниками и кто не может найти его. Первых ждет успех, вторых – неудача. И когда родители, у которых нет общего языка с детьми, спрашивают, что же им делать с непослушным сыном, надо ли его наказывать – это все бессмысленные вопросы, потому что если нет контакта, то ничего поделать и нельзя. Если взаимопонимания нет, нет и воспитания, нет воспитателя в доме, есть лишь педагогическое обстоятельство под названием «родители».

Вот нас спрашивают о нашем мальчике: какой он? Мы говорим: хороший, добрый, вежливый, послушный, старательный... Ну еще десяток слов найдем. Но разве десятью и двадцатью словами можно описать душу человеческую? И миллиона не хватит; поэтому никогда не станем хвастать даже перед собой, будто знаем своих детей. Да, мы знаем их лучше, чем окружающие, но непознанное поле детской души в тысячу раз шире познанного нами.

Внимание – основа понимания. Понимание – основа общения. Общение – основа воспитания... Но ведь надо еще и завоевать это внимание!

С детьми надо разговаривать! Эта простейшая истина нуждается в объяснении, потому что в огромном числе семей с детьми разговаривают лишь о том, были они послушны в детском саду или нет, хорошо ли вели себя в школе, какие получили отметки... В этих случаях общение с ребенком почти всегда превращается в экзамен, а так ли уж мы любим своих экзаменаторов, тем более вечных экзаменаторов?

С детьми надо разговаривать... Не дети сдают нам экзамен по вечерам, а мы – им; дети экзамен принимают и ставят отметку: о ней можно судить по тому, охотно ли разговаривает с нами ребенок на следующий день. Не им, а нам приходится выбирать время, когда он, ребенок, не занят чем-то более важным для себя. И нечего обижаться, что мы неинтересны сыну, что товарищи во дворе важнее для него и приключенческая книга – тоже важнее. Пока дети растут, надо улавливать эти настроения, потому что бессмысленно говорить с ребенком, если он не слушает или слушает вполуха, если рассеян, нетерпелив.

С детьми надо разговаривать... Не нам, а им принадлежит последнее слово в определении темы разговора: то, что нам кажется интересным, им скучно – и приходится подчиняться, кончать беседу.

Пока ребенок развивается, он обычно проходит несколько стадий общительности. По наблюдениям психологов, мальчик в десять лет очень нуждается в общении с родителями, в одиннадцать становится невнимательным и предпочитает разговоры со сверстниками, в двенадцать – опять открыт, любознателен, охотно слушает старших, в тринадцать – неожиданно замыкается, уходит в себя, и тут, бывает, к нему и не подступись. В четырнадцать лет сын и дочь – замечательные собеседники, разговаривать с ними – наслаждение, а в пятнадцать они вновь озабочены своими делами, своими тайнами. К шестнадцати годам, если удалось пройти через трудное время без особых потерь, устанавливаются ровные дружеские отношения с родителями.

С детьми надо разговаривать... Но дети вовсе не обязаны выслушивать нас из вежливости. Нужны те размягчающие душу беседы, когда возникает чувство связи; после них с ребенком легко договориться о чем угодно.

Есть счастливые люди, которые, кажется, от рождения владеют умением разговаривать с детьми. И откуда-то у них (а не у детей!) берутся бесконечные вопросы, на которые дети почему-то с радостью отвечают. И умеют они каждую беседу превратить в этакое состязание в остроумии – дети охотно вступают в это состязание и готовы вести его без конца. И умеют они подшутить над ребенком так, что тому не обидно вовсе, и он сам может подшутить в ответ – и это не выглядит дерзостью. И есть замечательные рассказчики, которых дети готовы слушать часами.

Ну а если мы ничего этого не умеем? Если и среди товарищей, среди коллег большей частью молчим и вообще считаемся необщительными? Среди сверстников – что ж, не всем блистать в обществе, можно и помолчать. А дома что делать? Со своими детьми?

Выход есть: быть открытыми с детьми. Обычно мы скрываем от них свою взрослую жизнь: не доросли! Или боимся, что она им неинтересна. Тут-то мы и попадаем впросак, обедняем и себя, и детей.

С ребенком можно разговаривать, как со сверстником, чуть ли не с самого его рождения. Сначала дети улавливают только интонацию, потом настроение, потом общий смысл, а потом начинают слушать со вниманием. Заботы того дня, встречи с людьми – все годится, если все открыто, все без хвастовства и все как раздумье: я вовсе не рассказываю тебе в поучительных целях; просто что-то вспомнилось... Самое простое правило таких разговоров – чтобы не было назидания, не было ни тени попрека, желания выставить свою жизнь в качестве образца. Домашняя беседа – это именно беседа, в которой обе стороны выступают как равные. И равные у них права говорить, слушать или прерывать беседу, когда она покажется неинтересной.

Но, кроме своей жизни, есть еще и книги, и газеты, и телепередачи, и кино. О них можно разговаривать часами, возвращаясь вновь и вновь, пока и сами мы не научимся – ради детей – не ограничиваться, говоря о фильме, одним только словом «ничего». И есть еще рассказы детей о школьных делах – третьеклассника так легко вызвать на эти рассказы, если только показать ему, что нам интересно все... Правда, рассказы его бывают бесконечными, нужно огромное терпение, почти мужество, чтобы выслушивать их. Что поделать? Приходится заставлять себя – нужно же человеку...

Есть семьи, где привычка не разговаривать с детьми укоренилась настолько, что в доме царит гнетущая, тяжелая атмосфера: дети в таком доме словно навсегда признаны виноватыми перед родителями. Начинается эта война обычно с невинного на первый взгляд наказания: «Я с тобой не разговариваю, – объявляет мама. – Я на тебя обиделась!» Или еще хуже: «Я тебя не люблю».

В детстве, лет до шести-семи, ничего страшнее такого наказания для ребенка нет: мама меня не любит!

Представим, каково ребенку, с которым не разговаривают демонстративно – порой час, порой день, а со старшими – и месяцами!.. То ли ждут, когда попросит прощения, то ли такое уж неотходчивое сердце у родителей. Мало того что это самое жестокое наказание, это еще и пример дурной: не пройдет и полугодя, как дочка объявит маме: «Я с тобой не разговариваю!»

Я на тебя обиделась!»

Обычно мы прекращаем отношения с ребенком именно тогда, когда он больше всего нуждается в нас, когда у него неприятности: устал, неудачи в школе, совершил серьезный проступок. Его мучит совесть, он хуже ведет себя, дерзит, огрызается – тут-то мы и отворачиваемся от него.

Мы, видите ли, в нем разочаровались! Мы не ожидали, что у нас вырастет такой дурной сын! Мы собирались всю жизнь прожить этакими золотыми медалистами, а тут такой конфуз!

Так уж обычно устроены родители: веселого и благополучного ребенка все любят, а от неудачливого отворачиваются, хотя именно ему больше всего и нужна наша любовь.

Любить хорошего сына можно без душевных затрат; чтобы любить того, кто не радует нас примерным поведением и отличными отметками, надо потрудиться душой. Вот на этот труд нас порой и не хватает.

Отказ в любви – это признание своей слабости: «Я с тобой ничего не могу поделывать, я от тебя отказываюсь, живи как хочешь».

Трехлетняя девочка в деревне, когда мама ей так сказала, поднялась и пошла из дому – едва отыскали. Если ты меня не любишь, мама, то что же мне делать дома? Вышла за калитку и пошла себе...

Самые злые чувства, самые мстительные картины рождаются в сознании ребенка, которому отказали в любви, – и очень редко приходит раскаяние и осознание вины. Иных детей приучили чуть что просить прощения: «Я больше не бу-у-ду» – «Ну хорошо, беги играй». Это уж чистая комедия, роли которой выучены заранее и назубок. И от того, что комедия исполняется много раз в день, ее играют без вдохновения, как попало, небрежно – о каких же чувствах можно говорить! О каком воспитании!

Если налажен и отработан механизм «Проси прощения», то ребенку можно решительно все: потом попросит прощения – и дело кончится. Гордому ребенку просить прощения труднее, это кажется ему унижительным, особенно когда он чувствует, что не виноват (а так чаще всего бывает). Но постепенно и его приучают. Замечательная тренировка в лицемерии!

Как мы приучаем малыша к необходимейшему слову «нельзя», так и нам, родителям, кто-нибудь должен на каждом шагу твердить: нельзя, нельзя, нельзя!

Нельзя упрекать детей, потому что для ребенка каждый упрек – сердечная рана, не заживающая годами, а если ребенок привык к нашим упрекам – то и тем более нет в них смысла.

Нельзя попрекать детей ничем. Будем держать в уме список запрещенных фраз: «Я для тебя все делаю, а ты! Отец старается, а ты? Мы тебя кормим-поим, а ты? Такой большой уже, а ты? Такой здоровый, а ты...»

Нельзя «отказывать в любви», причинять не соразмерное вине страдание.

Скандал – вот почти единственная форма общения детей с родителями в семьях, где полностью разрушен контакт. Скандал – взаимодействие двух людей, которым надо бы разойтись, разбежаться и никогда не встречаться. Но они не всегда могут это сделать. Например потому, что дети еще не выросли, не могут жить самостоятельно, но жить в доме родителей и скандалить с ними целый день – это они уже могут, этому они обучены с детства. Иные дома – настоящая школа скандала, со всеми признаками умелого обучения, с теорией, с примерами, с тренировкой, с упражнениями.

Там, где царит скандал или даже где скандалы вспыхивают время от времени, ни о каком воспитании не может быть речи. И никаких советов дать невозможно: они бесполезны.

Расширяя понятие скандала, я назвал бы этим словом любое применение силы. Скандал возникает не тогда, когда человек сердится, негодует, возмущается – на эти проявления чувств каждый имеет право. Граница между обычным человеческим негодованием и скандалом в том, что негодующий просто проявляет свои чувства, дает им вылиться, а скандалист упорно добивается победы. Если не явно, то тайно, мысленно сжимает он кулак, потом и действительно сжимает кулак, потом готов ударить, потом замахивается, бьет,

избивает... Скандалист топчет душу, а два скандалиста, встретившись, задают друг другу душевную трепку. Не все люди получили хорошее воспитание в детстве; речь иных груба, но в скандале не то действует, что слова грубы, а то, что произносятся они без желания найти общий язык.

Многое простительно ребенку: разбитая чашка и выбитое стекло, лень, неаккуратность – простительно или уж, во всяком случае, не ужасно. Разбитая чашка не стоит того, чтобы из-за нее сердиться, а однажды не умывшийся мальчишка вовсе не обязательно станет грязнулей. Все вызывает тревогу, но все можно простить, а иногда и не заметить. Одно, по-моему, непростительно, одно нельзя пропустить без внимания – грубость, особенно первую грубость.

Грубость, сознательное стремление унижить, заносчивый, насмешливый тон – вот что должно вызывать тревогу. Самый легкий способ реагировать – крикнуть в ответ: «Ты как говоришь? Ты с кем разговариваешь? Как ты разговариваешь с матерью? Это тебя в школе так учат разговаривать с матерью?» и т. д. Здесь расчет на то, что сын просто забылся, надо его одернуть. Но беда не в том, что он нагрубил матери, – беда в том, что он вообще, оказывается, способен на грубость! Что ж, он запомнит урок и научится держать себя в руках, он не будет грубить матери и тем более отцу. А учителю? А соседу? А прохожему на улице? А товарищу можно грубить?

Нет, реакция «Ты с кем разговариваешь?» не годится. Ни с кем нельзя разговаривать грубо! Нет такого существа, которому грубить разрешается.

Итак, не пропустим первую грубость. Обычно она появляется в пять-шесть лет. Простое пресечение грубости приводит лишь к внешнему результату, да и то если ребенок растет слабохарактерным или особо хитрым, двуличным. Если же у нас нормальный ребенок с сильным характером, то подавление грубости силой (грубостью же, повышенным тоном или наказанием) результата не даст, кроме разве что родительского удовлетворения. «Я все сделал, я его даже избил». Все сделал – а что получилось? Обычно в ответ пожимают плечами и разводят руками: «Что вы от меня хотите?»

Ответ на вопрос: «Что делать?», как всегда в воспитании, не может быть простым и однозначным: «наказать», «простить», «запереть», «накричать», «поцеловать». Грубость – это разрушение контакта, разрыв связи, объявление войны или симптом приближающейся семейной войны. Все силы своей души надо напрячь и найти способ восстановить эту разорванную связь. Может быть, просто показать ребенку, как нам больно? Может быть, он и не знает, что грубость причиняет боль?

Воспитание похвалой

Не бойтесь хвалить детей – на похвалах они растут, словно на дрожжах.

Как правило, мы испытываем дефицит одобрения. В три года нас хвалят каждую минуту, в пять лет – каждый день, в двадцать – хорошо, если раз в году. Грудного ребенка мама хвалит беспрестанно: он и сосет хорошо, и спит хорошо – вот молодец, вот хороший мальчик! Малыш не понимает слов, но то, что его хвалят, – это он наверняка чувствует! Познание морали начинается с того, «что такое хорошо», а не с того, «что такое плохо».

Цель похвалы одна: побуждение к нужному действию. Поэтому лучше не хвалить ребенка вообще: «Какой хороший мальчик!» Всегда стоит прибавить и объяснение, отчего же хороший: «все съел, сам лег спать, тихонько играет, сам положил кубик на кубик...» Даже когда ребенок делает что-то не так, мать находит, за что можно похвалить, и именно на это обращает внимание. Сын застегнул пальто, перепутал все пуговицы и петли, одна пола ниже другой, но мать не говорит ему: «Неряха», а говорит: «Молодец! Сам застегнулся! Все так хорошо получилось, только одна пуговка не в ту петлю попала!»

Особенно важно сопровождать похвалами действие, представляющее для ребенка трудность. Например, стал есть сам ложкой. Конечно, все с ложки падает, а мама приговаривает: «Вот молодец, вот хорошо, все сам... Ну-ка еще попробуй. Вот молодец».

А если ребенок хвастается, напрашивается на похвалу? Нас сразу охватывает страх: не вырастет ли хвостун? Не вырастет! Хвастунами становятся как раз те, кто недополучил положенную каждому человеку порцию поощрения. Ребенок зовет: «Мама, посмотри, что я построил! Что я нарисовал! Как я научился кувыркаться!» Молодец! Молодец! Молодец! И конечно, мы произносим это главное слово воспитателя не между прочим, не небрежно, а самым компетентным тоном, со знанием дела говорим, с радостью. Мы никогда не устаем радоваться достижениям ребенка!

Другое опасение: вот я его хвалю, он к этому привыкнет, а пойдет в школу, и там окажется... Тяжело ему будет. И ради будущей способности обходиться без похвал мы сегодня стараемся не замечать успехи ребенка – чтобы потом ему не было трудно. Но он придет в школу, встретится с детьми, уверенными в себе, выросшими на похвалах, – и действительно будет проигрывать рядом с ними.

Обычно ставят в одну строку поощрение и наказание. Но сила их неравная. Наказание действует сильнее, когда речь идет о людях взрослых. Если же мы только начинаем воспитывать, поощрение во сто раз действеннее. Особенно если оно исходит от авторитетного человека. Словом, не бойтесь хвалить детей...

Ведь и у взрослых так же. Если кто-то, оценивая твою работу, начинает с признания ее достоинств – ты потом легче принимаешь даже самые серьезные замечания.

У хорошего воспитателя даже порицание начинается с похвалы. И если он хочет сказать о недостатке, он говорит о нем как об исчезающем недостатке – мол, все хорошо, все идет в правильном направлении, еще немного усилий!

Но вот ребенок пошел в школу, и вдруг выясняется, что он не может хорошо учиться, что он медлителен в работе. Его бранят, ему внушают тем самым, что он хуже других, неспособный, и здесь главная наша задача – сохранить у человека хорошее представление о себе самом.

Если ребенок учится хорошо, единственное, что мы должны делать, – интересоваться его успехами, сдержанно хвалить. Если же учится плохо – надо помочь ему. Сухомлинский считал, что маленьким детям обязательно надо помогать дома, сидеть с ними, потому что у них слаба еще собственная воля.

В идеале так и должно быть. Но что подчас при этом творится в доме! Какие крики! Какие оскорбления! Какие слезы! Война, а не уроки. Учение с первого дня превращается в мучение, и ребенок не знает, чего же ему больше бояться: школы, где на него кричат, или дома, где на него кричат еще больше?

Учить ребенка письму и чтению, если он сам не научился, – дело трудное, оно требует терпения и благожелательности. И если мы не можем пересилить себя, если срываемся на брань и крик, лучше оставить ребенка в покое, не помогать ему вовсе, потому что не так страшны двойка и все плохие отметки, вместе взятые, как эти ссоры, брань и крик.

Ведь очень может быть, что первоклассник пошел учиться слишком рано. Дети не созревают одновременно. Значит, надо потерпеть, не ждать от ребенка немедленных успехов. Наша заинтересованность, тревога и затаенная надежда непременно сделают свое дело. Если сохранится чувство уверенности в себе – все будет в порядке!

Конечно, в воспитательных целях (особенно среди взрослых) иногда приходится сбивать слишком высокое мнение человека о себе, если он зазнался. Но ведь и в этом случае наша главная забота – не разрушить человека до конца, потому что иначе он пропал и никакая критика ему не поможет. Обратите внимание – осуждаем поступки, а личность не трогаем. Никто не скажет: «Ты вообще такой», и никто не скажет: «Да он просто дурак». Личность во всех случаях остается неприкосновенной!

Во всех случаях, кроме одного: когда перед нами дети. Вот детей можно называть как угодно и обсуждать их личные качества – не поступки и проступки, а именно глубинные личные качества.

1 сентября девочка несет в школу букет гладиолусов. Ветер рвет бумагу, вот-вот сломает цветы.

Мама идет рядом:

– Да носи же, с цветами не может управиться! Бестолковая!

Цветы девочка принесет в школу, с этим все будет хорошо. Но когда ее вызовут к доске, она будет молчать, потому что дома ей уже семь лет твердят: ты бестолковая. И учительница тоже рассердится: «Садись, какая бестолковая!»

И что тогда? Как девочке после этого учиться? Как, выросши, не бежать от матери и от школы в любую компанию, в самую дурную – она же бестолковая, никудышная, ненужная! И тогда мама скажет: «Дочь от рук отбилась! Вот вернется – я ей все косы повыдергаю!»

Воспитание продолжается, хотя и кос давно уже нет.

Самые умные ребята порой теряются, если почему-либо попадают в отстающие. Их душа замирает, способности угасают. Неопытный учитель, оставляя ученика после урока, делает это нередко столь бестактно, что вред от сознания: «Я – отстающий» в сто раз превышает пользу от дополнительных занятий. Ребенок должен всегда думать о себе как о хорошем, достойном, способном человеке, которому все под силу – и хорошее поведение, и приличная успеваемость. Вот возьмусь за дело – и все получится! Если он так будет думать о себе – он выплывет. Внушат ему обратное – пропадет.

Что же бывает, если у ребенка вырабатывается дурное, низкое представление о себе? Если ему с детства упреками, замечаниями, порицаниями и наказаниями внушают, что он хуже других, что он «ничто»?

Возможно, он смирится с этой мыслью, будет плохо учиться. А зачем? Все равно он неспособный! В дальнейшем он может вести себя по-разному, но никогда не сделает попыток улучшить свою судьбу. У него сложится психология неудачника. Да его и вправду всю жизнь будут преследовать неудачи – именно потому, что он невнимателен к самому себе, к своей судьбе. Часто человек так не ценит себя, что становится опасен для окружающих, становится хулиганом, не знающим удержу.

Но возможен и второй вариант, пожалуй, не менее опасный. Ребенок, не получивший в детстве достаточно любви, внимания и поощрения, который постоянно слышит, что он хуже других, из чувства самоохранения вырабатывает самые высокие самооценки: нет, я не хуже других, я, может быть, даже лучше! Лучше, лучше! И всю жизнь он пытается доказывать это. Такие ребята стараются верховодить чуть ли не с пяти лет – и для этого нередко подличают, хитрят, ведут себя нагло и хищно. Став взрослыми, они считают себя умнее, талантливее других. Люди не уважают меня, потому что я хуже их? Ничего, я заставлю уважать себя! И так как такие люди способны пожертвовать многим ради своего успеха, окружающим приходится плохо.

«Представление о себе самом как о достойном человеке» – выражение длинное и, пожалуй, неуклюжее. А нет ли синонима? Нет ли слов попроще?

Чувство собственного достоинства? Это важное, но довольно узкое понятие; притом чувством собственного достоинства, и даже преувеличенным, обладают иногда отъявленные мерзавцы. Они просто преисполнены достоинства – не подступись!

Так, может, речь идет о самой обыкновенной чести? Ну конечно! Именно честь, чувство чести, представление о чести и удерживает человека от дурных поступков. Чтобы люди обо мне не подумали плохо – вот честь. Чтобы я о себе не думал плохо – и это честь.

Представление о себе самом как о честном, незапятнанном человеке... Если бы удалось создать это представление в нашем ребенке! Создать, сохранить, поддержать, утвердить! Тогда мы могли бы опираться на душевные силы самого ребенка, знали бы, что он ведет себя в наше отсутствие точно так же, как и при нас, потому что не мы удерживаем его от дурного. Не мы, а честь.

«Ты хороший, ты честный, ты не можешь поступить нечестно, я никогда и ни за что не поверю, что ты поступил дурно», – будем внушать это ребенку с первых дней его жизни.

Говорят: береги честь смолоду. Но ребенок еще мал: он не может сам охранять свою честь, как не может сам прокормить себя, одеть. Это именно наша обязанность, взрослых, – охранять честь ребенка и в его собственных (это главное!), и в чужих глазах.

Сто опасностей окружают малыша, пока он вырастает: упадет, ушибется, заразится, обожжется, ударится, порежется... И тысячи опасностей угрожают чести ребенка: солжет нечаянно, ударит, возьмет чужое... И даже если он ни в чем не виноват, кто-то может накричать на него, назвать хулиганом, лентяем, воришкой. Ребенок слаб, он неминуемо совершает дурные поступки. А мы, взрослые, порой действуем по простейшему методу: оступился – осуди. Но ведь если мы хоть однажды лишим ребенка чести, нам будет трудно дальше воспитывать его, все наши усилия окажутся бесполезными, и нам останется только повторять: «Ты бесчестный, бессовестный».

Ребенок лжет нам? Конечно, это плохо, это вызывает тревогу. Но опять же, подумаем, что лучше – вынести его позор на публичное осуждение? А может, найти способ, чтобы он сам признался в дурном поступке? Или сделать так, чтобы в следующий раз ребенку вообще не пришлось прибегать к обману?

Мы часто стараемся внушить ребенку страх перед проступком, страх перед наказанием. Главное, что мы можем, что мы должны внушить ему, – страх потерять честь.

Надо лишь отдавать себе отчет: чью честь мы охраняем так упорно – честь маленького ребенка или свою? Мальчишку растили в страхе, наказывали, били, оскорбляли; он вырос подлецом, связался с хулиганами, стал грабителем, попал на скамью подсудимых – и на суде мать с пафосом объявляет: «Нет, никогда не поверю! Мое дитя не может быть грабителем». А восемнадцатилетнее дитя только усмехается.

Ах, если бы нам вырастить ребенка, которого за всю его жизнь никто ни разу не оскорбил, ни разу не тронул пальцем, ни разу не заподозрил ни в чем дурном, ни разу не унизил! Который не боится никого и ничего. Боится лишь потерять честь.

Два первых, два основных условия воспитания – душевная связь с ребенком и строительство его души, укрепление его представления о себе самом как о достойном человеке. Найти человека в человеке! Если нет контакта, воспитания нет вообще; если мы не поддерживаем представление ребенка о себе самом как о хорошем человеке – он, ребенок, сопротивляется нам, бежит от нас. Но где взять силы обыкновенному человеку для столь изнурительной работы воспитания? Где взять терпения? Мудрости, наконец?

Мать и отец приходят с работы усталые, а ребенок у них не ангел, он надоедает вопросами, он шумит и шалит, на него жалуются со всех сторон; родители чувствуют, что они должны как-то реагировать, принимать меры – до тонкостей ли им!

С другой стороны, тысячи и миллионы родителей воспитали прекрасных людей, ни разу в жизни не задумавшись ни о каких тонкостях, поступали, как знали...

Любовь матери и отца к ребенку делает их мудрыми, учит понимать ребенка, учит прощать. Любовь заставляет нас видеть в ребенке лучшее, надеяться на лучшее, поддерживать его слабые силы. Пока ребенок чувствует нашу любовь к нему, он уверен в себе, он не одинок, он знает, что он хороший и достойный человек. Любящая мать и не воспитывает вовсе, она любит – а следовательно, строит. Для любящего любимый – будь то взрослый или ребенок – никогда не помеха. Любящий не скажет: «Уйди, ты мне мешаешь». Он говорит: «Иди ко мне, ты мне нужен, мне с тобой всегда хорошо».

Главные педагогические книги нашего века называются: «Как любить ребенка», «Сердце отдаю детям», «Педагогическая поэма».

Вдумайтесь: поэма, сердце, любовь...

Парадоксы воспитательных ситуаций

Много лет назад один юноша прислал письмо, в котором спорил со мной о смысле жизни. Не помню сейчас, в чем состоял спор, но одну строчку из письма я словно вижу перед собой. «Только не приводите примеров, – писал девятиклассник, – примерами можно доказать что угодно».

С тех пор я все читаю глазами этого школьника и не люблю примеров, особенно в педагогической литературе, и сам стараюсь приводить лишь примеры-модели, лишь такие

особые случаи, которые подводят к пониманию общего.

Таким примером-моделью, и притом, пожалуй, наиболее важным во всех размышлениях о домашнем воспитании, стал незначительный случай, произошедший с моим трехлетним сыном Матвеем.

Ранним воскресным утром я рассказывал ему на кухне сказку о репке. Честно говоря, мне больше хотелось спать, но мальчик проснулся, и если его не занять, он поднимет на ноги весь дом. Сказку он любил, слушал внимательно, и все было хорошо, пока репку тянул дед, тянула бабка, тянула внучка...

На собаке Жучке мы споткнулись.

Я заметил, что Матвей вовсе не слушает меня, а поднял локти и странно вертит ими, словно собирается взлететь.

Что такое?

И тут я понял, что сижу за столом, облокотясь и подперев голову рукой. Мальчик, подражая мне, хочет сесть таким же чудесным способом, но, увы, не достает локтями до стола, только тщится.

Понимаете? Я думаю, будто рассказываю сказку, учу доброму, а на самом деле я учу его облокачиваться, только и всего.

Это столкновение между «я думаю, что...» и «на самом деле» поразило меня. Может быть, и на каждом шагу я добиваюсь одного, а происходит что-то другое? И это другое и есть подлинное воспитание?

Учу одному, а научаю другому. Не этим ли объясняется, отчего на одних и тех же сказках вырастают и хорошие, и дурные дети?

Я стал присматриваться к отношениям старших и детей.

В кабинет старого, почтенного человека вбежал при мне пятилетний внук хозяина:

– Дедушка, дедушка, посмотри, как я нарисовал!

Дедушка осадил мальчика:

– Разве ты не видишь, что мы разговариваем?

Мальчик сник и послушно вышел из комнаты.

Раньше я сказал бы про себя или вслух: «Ну зачем так

грубо». Теперь, после истории с «Репкой», я вижу: дедушка дал внуку не один урок, а два. Первый – урок культуры: нельзя прерывать взрослых. Второй – урок нравственного бескультурья: ничего не стоит погасить радость человека, осадить его, пользуясь старшинством, предать. Ведь если бы в комнату столь же бесцеремонно ворвался старый друг, его не осадил бы. Хозяин нашел бы способ не обидеть ни его, ни гостя. И это было бы по-человечески. С мальчиком же дедушка поступает примитивно педагогически, то есть худшим образом.

Восьмиклассник хорошо рисует, у него явные способности, он тихий умный паренек. Но маму заботит, что он горбится, когда сидит за столом. К тому же он не причесывается. Сто раз говорила ему мама: «Не горбись!» и двести раз: «Причешись!» Горбится и не причесывается. Интеллигентная мама отвела сына к врачу-психиатру: «Что с моим мальчиком? Он болен! Он горбится и не причесывается!» Психиатр прописал бром, но не сыну, а маме.

Два урока. Урок культуры: не горбись, причесывайся; и урок безжалостности: поход к врачу, подозрение в психическом заболевании даром не пройдут.

Мама-актриса говорит своей восьмилетней дочери: «Сложи рубашку...» – «Сейчас!» – «Я кому сказала?» – «Ну сейчас, сейчас!» – «Сколько раз тебе говорить? Что это такое?» – раскричалась мама и ушла в ванную комнату плакать.

Два урока. Урок культуры: надо убирать вещи! И урок бескультурья, беспомощности, нетерпения.

На каждом шагу «сказка» и «локти», на каждом шагу не один, а два урока.

Но что же делать? Когда я тихо заметил, что не стоило обрывать мальчика, вбежавшего с рисунком, почтенный дедушка крайне удивился. У него лицо вытянулось, плечи вверх

пошли, он посмотрел на меня с подозрением – в своем ли уме человек?

– Ну надо же детей воспитывать! – сказал он. – Ребенок должен знать, что дети в разговоры взрослых не вмешиваются!

Конечно, должен! И не должен мальчик горбиться, и должен он причесываться, и должна девочка убирать свои вещи – надо же детей воспитывать!

Есть старинное изречение: «Кораблями управлять необходимо». Точно так же можно сказать: «Детей воспитывать необходимо», нет двух мнений.

Но спросим себя наконец: что значит – воспитывать?

Всматривайтесь в детей – поймете себя. Размышляя о мальчике, который не слушает сказку, а глядя на отца, вертит локтями, я понял, мне кажется, суть воспитания. И вы поймете, читатель, если спросите себя: а что такое эти два урока, которые мы видим в каждом воспитательном событии?

Да это же цель и средства!

Воспитывать – значит учить жить, а жить – значит какими-то средствами добиваться каких-то целей. Все мы в той или иной степени хотим свободы, благополучия, счастья и здоровья – стремимся если не к блаженству, то к благу. Но средства для достижения этих целей бесконечно разнообразны, и все они строго и бесспорно разделяются вопросом «за чей счет?».

О целях, как и о вкусах, можно спорить, о средствах спорить нечего. За чей счет добивается человек своих целей – за свой или за чужой? Здесь граница между нравственностью и безнравственностью. И как ты хочешь добиться своих целей – вместе со всеми (коллективистическая нравственность) или один (индивидуалистическая нравственность)?

Все моральные заповеди, все законы, все правила поведения культурного человека сводятся, по сути, к одному: добивайся своих целей, но за свой счет, а не за счет другого. Какими бы значительными ни казались тебе твои цели, не посягай ради них на другого человека, на его жизнь, на его труд, на его покой, на его права, на его личность, на его достоинство, на его интересы, на его вкусы, на его взгляды, на его настроение, на его планы, на его время, на его отдых, на его счастье – не посягай! Не утруждай его, не используй, добивайся своих целей за свой счет, и только за свой – за счет своего труда, своего опыта, своих знаний, своих страданий, своих сил, своего времени, своего имущества, своих способностей, своего мастерства, своего здоровья, а может быть, и своей жизни.

Но и на себя не посягай! На жизнь свою и свое здоровье посягай лишь ради таких целей, которые стоят жизни и здоровья.

Все, в чем нет посягательства на человека, – нравственно. Но самый корень нравственности, «самое-самое», как говорят дети, «самое-самое-самое» заключается в следующем: когда человек видит, что он не в состоянии добиться своей цели без того, чтобы посягнуть или излишне затруднить кого-то, то что же он делает? Он отказывается от своей цели. Цель, связанная с посягательством на человека, для нравственного существа недостижима. Закрыта. Нет ее.

У Раскольниковца была замечательная цель, он хотел доказать, что человек – это человек, а не тварь дрожащая. Но средства, средства! Средства его погубили – он выбрал безнравственное средство, переступил порог нравственности; и так как он по сути своей был высоконравственный человек, то оттого он страдал, оттого пришел к мысли о раскаянии, о необходимости искупить вину, пострадать; и когда он пострадал, то есть стал добиваться новых своих целей (покоя души) за свой счет, за счет своего страдания, он, собственно, и доказал, что человек – это человек, а не тварь дрожащая. Потому-то Достоевского так и чтят во всем мире, что он поднимается до великих высот нравственности: его герой готов отдать мировую гармонию, то есть счастье миллионов людей, за единую слезу ребенка. Он показывает, что нет мыслимой цели на земле, которая могла бы оправдать малейшее посягательство на малейшего из людей.

Давно известное этическое правило (его выдвинул Кант): человек всегда цель, человек

не может быть средством. Не посягай на человека для достижения своих целей, отказывайся от них, если они связаны с посягательством.

Чтобы вырос рыцарь без страха и упрека, надо не пугать ребенка и не упрекать его.

У читателя, конечно, возникла уйма возражений. А как же, спросят, на войне, где полководец посылает на смерть тысячи людей? Но ведь в справедливой войне у полководца и солдата одна цель; солдат стремится к победе точно так же, как и полководец. А в несправедливой войне солдаты – пушечное мясо, они воюют за чуждые им цели, их кто-то использует в своих целях. Несправедливая, захватническая война безнравственна до последней степени.

Но что делать, спросят, если посягают на тебя, и притом со всех сторон?

Когда разбираешь дерущихся мальчишек, то один из них бормочет:

– А чего он? Он первый!

– Я первый?! Это ты, ты первый полез! – возмущается другой.

«Что делать, если на тебя посягают?» – это неправильный вопрос, в общем виде ответа нет. Бесплезно даже и пытаться выработать правила, что же делать в каждом случае, и не потому, что этих случаев бесчисленное количество, а потому, что в правилах такого рода кроется недоверие к человеку. Нравственный человек, миролюбивый и совестливый поступит так, как велит ему совесть и миролюбие. Может быть, он первый начнет драку.

«Не посягай на человека» – учим мы детей, и они вырастают чуткими, внимательными людьми. Вырастает девочка, которая за столом не скажет: «Папа, дай, пожалуйста, хлеба». Нет, и это ей кажется грубым! Она дождется, пока отец посмотрит на нее, встретится с ней взглядом, и лишь тогда скажет: «Тебе не трудно дать мне хлеба?» – с интонацией извинения. И вовсе не потому она так просит, что боится отца, нет, ей в самом деле неловко утруждать его. Она никогда никого ни о чем не попросит, не встретившись взглядом, не установив контакт, не убедившись, что не помешает просьбой. А может быть, человек за столом думает о чем-то своем – нельзя его просить, надо подождать, пока он посмотрит на тебя. Самая простая, самая легкая из целей – кусок хлеба из хлебницы, но и ради нее нельзя механически посягать на другого, ради нее тоже надо самому потрудиться душой: подождать, установить контакт, улыбнуться, преодолеть что-то, выразить благодарность. Цель достигнута за свой счет.

Я рассказываю о девочке, которой ни разу в жизни не сказали, что нельзя вмешиваться в разговоры взрослых. Но ее ни разу не осадили, ее ни разу ни о чем не попросили, не убедившись предварительно, что просьба ей не в тягость.

Скажут: что же это за воспитание? Это слишком деликатно, нечего так миндальничать с детьми.

Но ведь научились же мы все носить галстуки и прилично одеваться; пора научиться и деликатности, научиться миндальничать – от этого жизнь становится жизнью.

«Не посягай», «не затрудняй» – и у детей появляется своего рода бдительность, появляется чувство человека: «Я никому не помешаю?», «Я никого не задену?», «Я никому не в тягость?», «Я никого не обижу?», «Я никого не расстрою?», «Я никого не утруждаю?»

«Не посягай» – учим мы, и детям будет известно чувство неловкости, когда нечаянно заденешь кого-нибудь неуместным словом.

Не посягай не из трусости, не по слабости, а из глубокого уважения к человеку, из чувства правды.

«Не причиняй горести», «не посягай» – тогда дети будут и деликатны, и тверды. Тверды в целях, деликатны в средствах.

Назовем все, относящееся к целям человека, его духовностью, а все, относящееся к средствам, нравственностью. Цели человека могут быть духовные или бездуховные, средства – нравственные или безнравственные. А мораль – это принятые в обществе правила нравственности, писанные или неписанные. Можно сказать: «Читает мне мораль». А сказать: «Читает нравственность» – нельзя.

Человек, читающий мораль другим, моралист, морализатор, сам может быть

безнравственным человеком, и часто он таковым и является: он стоит над душой, вычитывает мораль ради каких-то своих целей. В худшем случае он получает удовольствие от осознания своей моральности. Есть люди, которые в карман не залезут, на улице не ограбят, но живут за чужой счет, за счет народа, живут, спекулируя, воруя или бездельничая на своем посту. Всякий человек, получающий заработную плату не за дело, а за то, что занимает пост и пытается сохранить его, живет за чужой счет, безнравственно, и я не знаю ни одного случая, чтобы это не сказалось на его детях. Когда человек ведет безнравственный образ жизни, то есть получает незаработанное (хотя он, быть может, сутками сидит в своей конторе, в своем кабинете), то дети, если они вовремя не уйдут от него, погибают душой.

Человек спрашивает: «Что с моими детьми? Почему они такие бессовестные? Я тружусь, я работаю, я стараюсь, я показываю пример...» И признаться, не всегда хватает мужества назвать в глаза истинную причину: она в том, что в работе такого отца нет правды. Он бюрократ, если занимает должность, он бракодел, если работает у станка, он привирает в книгах, если писатель, он невнимателен к больным, если врач, – как же детям вырасти правдивыми в семье, где правда то и дело не ночует дома?

Дети – тяжелое бремя, и не потому, что они шумят, требуют внимания и расходов, а потому, что приходится жить по правде.

Воспитание – это обучение нравственной жизни, то есть обучение нравственным средствам. Воспитывая детей, мы учим их добиваться своих целей за свой счет, пользуясь лишь нравственными средствами. Нравственность, определенная вопросом «за чей счет?», указывает нижнюю границу возможных для человека действий и поступков; через требования нравственности переступить невозможно. Нравственность – граница дозволяемого совестью. А верхней границы нет, вверху – духовность, она бесконечна. Человек живет не в диапазоне между недозволенным и дозволенным, а бесконечно свободно, но с твердым основанием нравственности. У него любые выборы, кроме тех, которые связаны с затруднениями для другого человека. От границы нравственности стрела возможного идет бесконечно высоко, но – в одну сторону.

Будет нравственность – почти наверняка будет и духовность; не будет нравственности – не будет ничего, никакого воспитания.

IV. Сердечный слух. Как рождается человечность

Настроенность на волну детства

Знакомый ученый, доктор физико-математических наук в новосибирском Академгородке, однажды спросил меня:

– Скажите, что сделал Сухомлинский? Только в двух словах, пожалуйста.

Физики требуют точности даже в лирике, и они правы, потому что настоящая лирика точнее физики. Открытое физиками с годами оказывается или неполным, или ложным, а лирические открытия (к ним относятся и открытия в педагогике) – навсегда. Физику всегда можно изложить в одном томе, для лирики и тысячи томов не хватит. То, что сделал Сухомлинский, известно всем и всегда было известно; то, что сделал Сухомлинский, обладало в момент издания и сейчас обладает изумительной новизной. Это была революция.

В двух словах? Пожалуйста: переменил педагогику. В то время, когда книги Василия Сухомлинского выходили одна за другой, все еще царствовала сталинская педагогика: донеси, иначе не выживешь. И уже зарождалась брежневская педагогика: укради, иначе не проживешь. Этому учила людей (и следовательно, детей) жизнь; в школах проповедовали жесткую авторитарнокарательную теорию, укладывающуюся в простейшую схему «прикажи и накажи». Потребуй с ребенка, а не выполнит он твоего требования (конечно же, «разумного») – накажи. Об этой педагогике не многие слышали, но что мы вообще знаем о школе? Мы все и не подозреваем, что педагогику «прикажи и накажи» до сих пор преподают

будущим учителям почти во всех педагогических институтах. Последствия ее применения можно увидеть в толпах подростков, потерявших душевную связь со старшими, а иногда, похоже, и душу потерявших.

Сухомлинский как мог рушил эти теории из тяжелых камней-формулировок. Этот ученый-учитель, член-корреспондент Академии педагогических наук, вернул детство в науку о детстве, в педагогику – вот что он сделал, если в двух словах. Когда маленький мальчик на уроке засмотрелся в окно, говорил учитель Сухомлинский, не трогайте его, это его подхватила волна детства.

Сухомлинский был буквально настроен на волну детства. Он первый раньше известных теперь писателей громко произнес слова «человечность», «милосердие», «доброта», «совесть», «духовный мир». Да что там говорить! Он учил детей, что человек бессмертен... Больше всего он ненавидел человеческую толстокожесть (он часто употреблял это слово по-русски или по-украински: товстошкірість). Нет ничего опаснее душевной черствости, нет ничего страшнее толстокожих людей, которые не чувствуют чужой боли и к которым педагогу не пробиться со словом добра – не услышат.

Главная идея Сухомлинского очень проста: не надо слишком уж рьяно бороться с недостатками ребенка, они сами исчезнут, если взрослый умеет увидеть в маленьком человеке ростки добра. А они есть в каждой душе. Вместо педагогики разрушения и ожесточенной борьбы Сухомлинский развивал педагогику теплых отношений и строительства духовного мира ребенка. «Сердце отдаю детям» – так называлась его главная книга, переведенная теперь на многие языки. До Сухомлинского слово «сердце» в педагогических ученых книгах едва ли встречалось...

Он говорил, что все более глубокое понимание ребенка – это и есть воспитание. То есть не для того старайся понять ребенка, чтобы потом лучше воспитывать его, нет! Само понимание и есть воспитание. Оцените, читатель, глубину, необычность и красоту этой мысли, с виду парадоксальной. Понимая ребенка, мы проявляем человечность, мы всматриваемся в его глаза, мы прощаем его, мы вызываем доброе чувство. Вспомним: счастье – это когда тебя понимают. Воспитание пониманием – воспитание счастьем.

И замечательно отвечал Сухомлинский на непростой вопрос о том, для чего человеку учиться. Он говорил: человек должен учиться потому, что он человек.

Вежливые дети?

Нередко мы воспитываем детей по принципу «так принято». Однако не все «принятое» разумно. Вдруг оказалось, например, что малыша можно сначала учить плавать, а уж потом ходить... Кто мог ожидать такого поворота?

Возьму на себя смелость поставить под сомнение одну, казалось бы, бесспорную истину: а надо ли учить детей вежливости?

Ничто, пожалуй, не возмущает нас так сильно, как человек вежливый, но бессердечный. Мы прекрасно знаем: одной внешней культуры мало, нужна еще культура внутренняя.

Но не все понимают, что два эти вида культуры, хоть и объединяются они одним словом, – явления, совершенно разные по своей природе. Внешняя культура – набор привычек, навыков поведения; в основе культуры внутренней лежит некая психическая способность, такая же, как память, внимание или музыкальный слух. Ее, эту способность, можно по аналогии назвать сердечным слухом.

Не нужно быть специалистом, чтобы заметить: привычки (навыки) и способности приходят к людям по-разному. Навыки прививают, способности развивают. Привычка связана с автоматизмом, способность – с творческим отношением к жизни. То, что полезно для образования привычки, чаще всего вредно для развития способностей, и наоборот.

Вы пришли в гости, принесли маленькому мальчику подарок. «Что надо сказать?» – строго напоминает мама. «Спасибо», – бурчит сын. Сказав одно это «волшебное слово», он

как бы рассчитался с гостем. Ему вроде бы и незачем теперь выражать благодарность улыбкой, радостью. Привычка к вежливости укрепилась, сердечный слух притупился... Сто или тысяча таких упражнений – и от драгоценного этого природного свойства не останется и следа.

Мне кажется, далеко не каждый ребенок может одновременно и приучаться к вежливости, и развивать сердечный слух. Ибо правила вежливости как раз и рассчитаны на то, чтобы человек, например, выражал благодарность, даже если он ее не чувствует. Преждевременно приучая сына или дочь выказывать словами чувства, которых он еще не испытывает, мы можем заглушить эти чувства навсегда.

Зачем мы, например, заставляем ребенка говорить «спасибо»? Думаю, чаще всего, чтобы хорошо выглядеть перед людьми, показать воспитанность сына или дочери.

Воспитание вежливости так похоже на воспитание! Но уверен: подлинное воспитание происходит тогда и только тогда, когда приходится нам отдавать хоть каплю душевных сил. Однако согласитесь: обучая вежливости, мы обычно тратим не душу, а нервы – это совсем не одно и то же. Обучать вежливости можно не будучи отцом или матерью. И даже – не любя ребенка. Если бы Гек Финн задержался у вдовы Дуглас чуть подольше, она наверняка сделала бы и из него вежливого мальчика!

Даже чуткость – например, чуткость продавца к покупателю – можно заметно увеличить беседой, выговором и особенно премиальными. Сердечный же слух подобным воздействиям не поддается. Это слух не на слово, а на состояние. Поэтому все обычные методы воспитания – от убеждения до наказания – оказываются негодными для развития этой способности, ибо они рассчитаны прежде всего на слово.

Как же развить у ребенка сердечный слух?

Задача куда более сложная, чем освоение слов «спасибо» и «пожалуйста».

Мама учит сынишку важному понятию – «нельзя». Он дотронулся до горячего, плачет. Мама поучает: «Видишь? Больно! Слушайся, когда мама говорит «нельзя». Иначе будет больно». И так – на каждом шагу: «Нельзя, упадешь!», «Нельзя, разобьешься!», «Нельзя, простудишься!», «Нельзя, зубки будут болеть!»...

А ведь истинное «нельзя» не тогда, когда тебе больно, а когда больно другому! Направленность на другого, чувство другого – вот первое условие развития сердечного слуха. Семья смотрит телевизор, мальчику надо пройти мимо экрана – пригнется он? Поторопится? Значит, с сыном все в порядке: он чувствует присутствие других людей, боится помешать им. Если же проходит спокойно, не спеша, значит, в доме зреет беда и пора собирать семейный консилиум.

Чтобы ребенок научился чувствовать другого, надо и в нем этого другого признавать. Вот мама решила воспитывать трудолюбие: «Поддай... Принеси... Помогите...» Учит любить: «Покажи, как ты любишь маму... Кого ты больше любишь – маму или папу?» Какой же пример видит он перед собой с первых дней жизни? Перед ним всегда человек (да такой авторитетный – мама!), который нуждается в помощи, не может сам пойти и взять наперсток, не считает зазорным каждую минуту обращаться с пустяковыми просьбами. Значит, и мне тоже можно затруднять других и, если больно, громогласно объявлять о своей боли – пусть мама тоже страдает!

Думаю, в такой семье ребенок никогда не поймет: жаловаться любящим тебя – это бессовестно. Не затрудняй людей ни в чем, не огорчай их своими неприятностями, обходись по возможности сам! Этот урок должны преподать мы, взрослые. Ну а уж коли просим ребенка о чем-нибудь, скажем ему не одно, а десять «пожалуйста», чтобы он видел, как это нелегко – просить, затруднять, а потому, чтобы не смог отказать в просьбе. Если мы делаем замечание ребенку, мы вроде бы исправляем его поведение, но порой притупляем его сердечный слух.

Другой, чувство другого! Между фразами отца «Я устал» и «Мама устала» – водораздел в воспитании.

Детям так трудно разгадать состояние другого человека, что многие из них ни с того ни

с сего начинают думать, будто родители их не любят. Мы узнаем об этих страданиях много лет спустя...

Да, сердечный слух поначалу и обманывает. А может, и не обманывает, может, в какой-то момент мы действительно меньше любили ребенка?.. Мы возмутились бы, если бы нам об этом сказали, – а он почувствовал.

Малышу легче понять состояние другого человека, если он сам вызывает это состояние. Не затрудняй другого – и старайся обрадовать его. Первая семейная забота – кому и что мы подарим?

Женщина-инженер сказала мне о двух своих маленьких детях:

– Я стараюсь научить их отдавать. Братья они сами научатся...

И действительно, четырехлетняя ее дочка приходит с мамой в гости не иначе как с подарком в руках: мама сумела сделать так, что для девочки удовольствие – отдавать, дарить и радоваться чужой радости.

В обычном нашем представлении сердечный человек прежде всего отзывчив к чужой боли. Несладко жилось людям, и в языке осталось: «со-страдание», «со-жаление», «со-чувствие». А вот «со-радости» в языке нет. Чаще хотелось бы слышать и сердечное: «Я за тебя рад», нежели: «Я тебе завидую».

Научим ребенка радоваться за других, причем радоваться бескорыстно, не соотнося чужую удачу со своими неудачами. Если дочь рассказывает, что в классе появилась отличница, от души порадуемся за незнакомую девочку и не будем торопиться с упреком: «Вот видишь? А ты?» С примерами вообще нужно быть поосторожнее. Ставя в пример сверстника, мы чаще всего возбуждаем не желание подражать, а зависть.

И – никаких упреков, если ребенок не торопится отдать, подарить, если не умеет пока что радоваться за другого. От нас требуется только одно: самим дарить, самим радоваться и... ждать. Ждать, ждать и ждать с тревожной верой в то, что наступит же день, когда ребенок сделает свой первый подарок другому человеку (а не только маме! не только бабушке!). Будем изредка доставлять ребенку сильные впечатления. Для питания полезнее каждый день давать по яблоку, для воспитания лучше раз в году принести мешок яблок...

Воспитание сердечного слуха требует нравственной тишины. В котельном цехе – какой слух?

Папа с сыном-первоклассником подходит к дому, предупреждает: «Не будем звонить – мама больна. Откроем дверь ключом».

Прекрасный урок...

Но не успел отец договорить, как сын нажал кнопку звонка. И тогда:

– Я кому сказал? Паразит!

Там, где достаточно было огорчения, – там ненужное раздражение.

А ведь для воспитанного ребенка наказанием служит едва заметное удивление в голосе старшего, чуть-чуть приподнятая бровь: «Да что же это с тобой, миленький?» Если родителям приходится выговаривать, делать замечания, осуждать ребенка, значит, воспитание приняло опасное направление. Ребенок должен сердечным слухом своим слышать огорчение старших. Когда же огорчение это выливается в слова, в упреки, в попреки – сердечный слух становится как бы ненужным и, следовательно, притупляется. Если я сегодня только упрекнул сына, завтра мне придется долго выговаривать ему. И с каждым днем он будет слышать меня все хуже и хуже. Тогда вслед за малым педагогическим набором – «Ты что, не слышишь? Оглох? Я кому говорю? Русского языка не понимаешь?» – неминуемо последует большой педагогический: сжатые кулаки, подзатыльники, ремень – и так вплоть до детской комнаты милиции. Ребенка, у которого отбит сердечный слух, воспитывать, на мой взгляд, почти невозможно. Приходится лишь пожалеть учителя, которому такой ребенок достанется.

По расстроенному пианино можно, конечно, ударить кулаком. Но ни один инструмент в мире не стал от этого звучать чище.

Неприятно видеть мальчика, который постоянно судит и осуждает товарищей, а тем

более взрослых людей. Если ребенок плохо говорит о нашем госте, мы обычно стараемся поправить его. Но вот каждый вечер семья смотрит телевизор, передачу за передачей, и начинается: тот актер плох, тот повторяется, и вообще – ерунда. Эта ежевечерняя домашняя школа злословия – кошмарная тренировка в бессердечии. Незаметно для себя мы разрешаем детям судить и обсуждать взрослых без толку и без жалости. Потом мы станем требовать: «Не ругай учителя! Учитель всегда прав!» Отчего же не ругать, если всех остальных взрослых ругать можно? Кстати сказать, очередь отца и матери придет еще раньше учителя...

Не нравится передача – выключим телевизор под любым предлогом. Не зовем же мы в дом гостей только для того, чтобы потом разобрать их по косточкам?

Научим ребят любить людей – судить они научатся сами...

Сердечный слух не моральное качество, а, повторим, психическая способность. Из этого следует, что человек с развитым сердечным слухом может быть и достойным, и дурным. Каждый из нас встречал сердечных людей, которые по слабости своей приносят близким ужасные страдания.

С другой стороны, слабость вовсе не обязательный спутник сердечности, и сердечный ребенок не всегда пай-мальчик. Он может быть заводилой: ребята любят его, потому что он обидит только наглеца, а если и посмеется над кем-нибудь, то весело. Он может и забиться, как все дети, может натворить невесть что, но тут же и спохватится, когда увидит, что зашел далеко и от его проказ кому-то больно. Он охотно берет чужую вину на себя, и главная его роль – роль заступника. Не потому, что он сильнее всех, а потому, что острее других чувствует чужую боль. Никого так не любят в этом мире, как сердечных людей, и хотя мальчишка с тонким сердечным слухом легко уступает и легко отдает, отчего-то он и больше всех получает.

Наградить ребенка сердечным слухом – лучшее, что могут сделать родители для его счастья.

Что же касается правил вежливости, то когда человек подрастет, он, наделенный сердечным слухом, сам овладеет ими – быстро и легко, по примеру старших.

Сердечный слух и вежливость – конечные свойства. Бесконечен лишь труд понимания людей. Понимать людей мы учимся всю жизнь.

Но до последней своей минуты человек с развитым сердечным слухом, даже прикованный к постели, будет беспокоиться: он затрудняет врачей и близких, доставляет им хлопоты.

Оттого, наверное, сердечные люди меньше болеют и дольше живут. Принимая жизнь близко к сердцу, они постоянно питают его жизнью.

Чуткие дети?

Ключ к ребенку – не в поведении его, а в его воображении. Кто хочет овладеть поведением, тот ничего не добьется; но все сделает с ребенком и подростком тот, кто овладеет его воображением. Полчаса в день? Оторвемся от быта, потратим эти полчаса на «бесплодные мечтания» – они дадут свои плоды. Сколько я знал хороших родителей, все они, когда их дети были маленькими, мечтали вместе с детьми, выдумывали волшебные страны вроде «Швамбрании» Льва Кассиля, шутили, дурачили детей – маленькие счастливы, когда их дурачат. Они не терпят лжи, но обман их восхищает. Дети живут в мире обманов, их первый вопрос – «взаправду или понарошку?», и все, что понарошку, все, что выдуманно, нравится им больше того, что есть. Им нравится ловкость обмана. Наш взрослый внешний мир весь создан мастерами реального дела; детский внутренний мир создан мастерами выдумки, фантазии, поэтому сказочник, ловкий обманщик, хитрец, фантазер – самый любимый детьми человек.

Играя, ребенок не познает, не изучает мир, как обычно говорят, не стремится «познать сущность вещей», нет, зачем ему? Он и так все знает. Он просто играет, творит, строит свой

мир в фантастических формах. Дети не знают творческих мучений, им достается одно лишь счастье творчества. Ребенок играет не тогда, когда он с игрушками, а всегда, каждую минуту жизни, и в самую неподходящую (с нашей точки зрения) минуту. Мы торопимся с ним в детский сад, а он еле плетется и что-то бормочет: он играет в разбойников. Будем очень осторожны, видя маленького, захваченного игрой! Ни одна мама не разбудит ребеночка толчком, но еще опаснее неосторожным движением будить ребенка, погрузившегося в игру, как в сон. Когда маленький играет на полу, а ты проходишь мимо, то вся забота – не встретиться с ним взглядом, потому что и взгляд – вмешательство, и взгляд может превратить коня в палку, и не так-то легко совершить потом обратное превращение палки в коня.

Неторопливо стараемся пробудить в ребенке доброе чувство человека, выраженное Пушкиным так:

*«Если горести чужой
Вам ужасно быть виною...»*

Вот это важнее всего: чтобы нашим детям было ужасно доставить горечь другому. Будем потихоньку, не ожидая быстрых результатов, учить ребенка чувствовать человека.

Чужое время – не занимай! – и мы стараемся поменьше обременять сына всевозможными «сделай», «сходи», и всегда договариваемся о его помощи заранее.

Чужое чувство – не задевай! – и мы боимся хоть взглядом обидеть сына.

Чужой мир – не вторгайся! – и мы никогда не пристаем с назойливыми вопросами.

Чужой покой – не нарушай!

Чужое желание – уважай!

Чужая мысль – не торопись оспорить!

Пятнадцать-двадцать лет такого воспитания – и может быть, чувство человека хоть в слабой форме укоренится в душе сына или дочери.

Что волнует нас на самом деле? Неприятности, вызываемые детьми, или сами дети? Волнуют ли нас дети, когда с ними нет неприятностей?

Волнение противоположно покою: «Успокойся, не волнуйся», – говорим мы. Правы ли мы? Ведь когда человек волнуется, испытывая желание добра другому, это его волнение в чем-то выражается, и оно чувствуется другим человеком, тот тоже начинает волноваться. Так происходит воспитание сердца. Воспитание сердца – передача своего волнения. Нет волнения – нет и воспитания.

Можно спросить родителей: «Чего вы хотите? Счастья иметь детей? Счастья иметь благополучных детей? Или – детского счастья?» Эта едва заметая, маловажная на первый взгляд разница и есть та пропасть, в которую мы порой сваливаемся и погибаем как воспитатели.

Чтобы у меня вырос хороший сын, я должен любить его, то есть горячо желать ему счастья – ему, а не покоя себе. И я должен учить его любить других людей, то есть горячо желать им добра и счастья, волноваться, желая.

Учите детей не просто доброжелательству вежливого человека, а горячему желанию добра.

Щедрые дети?

«Моему сыну 1 год и 8 месяцев. С раннего возраста он не только не дает никому своих игрушек, но и отнимает игрушки у детей. Чего только я не пробовала – уговаривала, отнимала, но он поднимает такой крик... Знаете, за обедом он отнимает у меня даже тарелку с едой, хотя перед ним стоит его тарелка. Подскажите, как быть с жадностью».

Молодая мама, видимо, серьезно относится к воспитанию сына. Но в письме – почти все педагогические ошибки, какие только бывают... Поговорим о них.

Кажется, и вопроса нет: жадность – черта отвратительная. Не случайно самая первая

детская дразнилка во дворе: «Жади́на-говя́дина!» Наверное, с этого первого человеческого закона и начинается мораль: поделись, не хватай, оставь другому – подумай о другом. И первое, к чему приучают ребенка: дай маме... Дай папе... Дай братику... Дай мальчику...

И первый же конфуз: не дает! И первое испытание родительского честолюбия: когда мама выходит с мальчиком гулять, а он на глазах у всех отнял игрушку – ах, как стыдно! Вообще, по-моему, со многими детскими недостатками мы начинаем воевать даже не потому, что они так уж огорчают нас, а потому, что стыдно перед людьми. И это хорошо. Иногда беды начинаются там, где пропадает всякий стыд перед людьми.

Казалось бы, ничего страшного: станет мальчик старше и отучится от жадности. Но кто знает – одни, когда вырастают, последнее отдадут, а у других зимой снега не допросишься. Некоторые люди всю жизнь даже мучаются от своей жадности, хоть и торопятся дать то, что у них просят, но мучение не отпускает, жадность грызет душу.

Конечно, мы можем отучить ребенка отнимать чужие игрушки, но не загоним ли мы порок внутрь? Не вырастет ли у нас жадный человек, умеющий скрывать свою жадность? А может быть, порок этот лишь временно спрячется, а потом, в двадцать лет, в тридцать, когда человек меньше будет зависеть от окружающих, тут-то он и покажет себя! А мы будем удивляться: откуда?!

Все мы хотим, чтобы у наших детей появились добрые чувства, а не просто умение скрывать или подавлять чувства дурные. Так вот, первая ошибка: мама спрашивает совета, как бороться с жадностью. А надо бы поставить вопрос по-другому: как воспитать щедрость? За двумя этими вопросами – принципиально разные подходы к воспитанию.

«...Путь к сердцу ребенка пролегает не через чистую, ровную тропинку, на которой заботливая рука педагога только то и делает, что искореняет сорняки-пороки, а через тучное поле, на котором развиваются ростки моральных достоинств... Пороки искореняются сами по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств».

В эти замечательные слова В. Сухомлинского, в его мысль, что пороки искореняются «сами по себе», многие, как правило, отказываются верить. Мы освоили педагогику требования, наказания, уговоров, поощрений – педагогику борьбы с недостатками; мы порой так яростно боремся с недостатками ребенка, что и достоинств его не видим. А может, не надо бороться? Может, все-таки вести себя по-другому, увидеть и развивать в ребенке все лучшее?

А то бывает так: сначала неумением своим, или небрежением, или недобротой мы взращиваем зло, а потом в благородном порыве бросаемся на борьбу с этим злом. Сначала направляем воспитание по ложному пути, а потом спохватываемся: бороться!

Посмотрите: когда малыш не отдает игрушки, мама отнимает их у него. Отнимает силой. Но если сильная мама отнимает у меня, слабого, игрушку, то отчего же и мне, подражая маме, нельзя отнять игрушку у того, кто слабее меня? Не может ведь двухлетний понять, что мама «противится злу» и потому права, а он, ребенок, зло совершает и потому не прав. В таких этических тонкостях и взрослые, увы, не всегда разбираются. Ребенок же получает один урок: сильный отнимает! Сильному отнимать можно!

Учили добру, а научили агрессивности... Нет, я не хочу впасть в крайность: отняла мама – ну и ладно, ничего страшного, возможно, и не произошло. Отняла и отняла, я не хотел бы запугивать. Отмечу лишь, что такое действие оказалось неэффективным.

Но помните, мама – автор письма – действовала и другим способом: уговорами. Обычно уговоры противопоставляют наказаниям. На самом деле они помогают так же мало, как и наказания. Какой смысл уговаривать ребенка, который по возрасту или в силу нравственной неразвитости уговоров просто не понимает?

Ну хорошо, не силой, не уговорами, а как же? «Репертуар» возможных действий кажется маме исчерпанным... Между тем есть еще по крайней мере один способ добиться желаемого результата. Педагогическая наука все громче стала говорить о пользе внушения. Кстати, мы, сами того не замечая, пользуемся этим методом на каждом шагу. Мы то и дело

внушаем ребенку: ты неряха, ты лентяй, ты злой, ты жадный... И чем меньше ребенок, тем легче поддается он внушению.

Но все дело в том, что именно внушать ребенку. Только одно, всегда одно: внушать, что он добрый, храбрый, щедрый, достойный! Внушать, пока не поздно, пока у нас есть хоть какие-то основания для таких уверений!

Малыш, как и все люди, поступает в соответствии со своим представлением о самом себе. Если ему внушить, что он жадный, то никакими силами его от этого порока потом не избавить. Если внушить, что он щедрый, – он и станет щедрым. Надо лишь понимать, что внушение – это вовсе не уговоры, не одни только слова. Внушать – значит всевозможными средствами помогать ребенку создать лучшее представление о самом себе. Сначала, с первых дней, – внушение, потом, постепенно, – убеждение, и всегда – практика... Вот, пожалуй, лучшая стратегия воспитания.

Пробовали заставить мальчика делиться игрушками, пробовали отнимать у него эти игрушки, пробовали стыдить его, пробовали уговаривать – не помогает. Попробуем по-другому, повеселее:

– Хочешь и мою тарелку? Пожалуйста, бери, мне не жалко! Сколько еще поставить? Одну? Две? Вот какой у нас парень хороший, он, наверное, богатырь будет – сколько каши ест! Нет, он у нас не жадный, просто он очень любит кашу!

Не дает игрушки другому?

– Нет, он совсем не жадный, он просто бережет игрушки, не ломает их, не теряет. Он бережливый, понимаете? И потом, это ему только сегодня не хочется отдать игрушку, а вчера он отдавал и завтра отдаст, поиграет сам и отдаст, потому что он не жадный. У нас в семье жадных нет: и мама не жадная, и папа не жадный, а сын у нас самый щедрый из всех!

Но теперь надо же дать ребенку возможность на деле проявить свою щедрость. Сто случаев жадности оставим без внимания и осуждения, а вот один случай щедрости, пусть нечаянной, превратим в событие. Скажем, в день его рождения дадим ему конфет – раздай ребятам в детском саду, у тебя же сегодня праздник... Раздаст, а как же иначе! И если бежит во двор с печеньем, дайте ему еще несколько штук для товарищей – дети во дворе обожают все съестное, кажется, век их не кормили.

Я знаю дом, где детям никогда не давали одной конфетки, одного яблока, одного ореха – обязательно всего по два. Даже кусок хлеба, подавая, ломали пополам, чтобы было два куска, чтобы не появлялось у ребенка ощущения «последнего», а всегда казалось бы ему, что у него всего много и потому можно и поделиться с кем-нибудь. Чтобы и не возникало этого чувства – жалко отдать! А вот делиться-то и не принуждали, и не побуждали – лишь предоставляли такую возможность.

Подозревая ребенка в жадности, подумаем, что является ее причиной. Может, мы даем ребенку слишком много, а может, слишком мало? Может, сами жадничаем по отношению к нему – в воспитательных, разумеется, целях?

И наконец, самое простое, с чего, наверное, и следовало бы начать. Видимо, мама – автор письма – не знает, что ее ребенок вступил в критический период развития, в так называемые «ужасные два года»: время упрямства, отрицания, своеволия. Очень может быть, что мальчик не отдает игрушки вовсе не из жадности, а всего лишь из упрямства, которое скоро пройдет. В этом возрасте всякий нормальный ребенок все хватает, ломает, не слушается, не признает никаких «нельзя». Чудовище, да и только! Что с ним будет, когда он вырастет?

Да не будет он всегда таким! Ну не может же человек расти равномерно и плавно, как брюква на грядке!

Я знал девочку в таком же возрасте: год и восемь месяцев. «Дай маме мячик!» – мячик за спину. «Дай маме конфетку!» – глаза в сторону, конфета поскорее в рот, чуть не подавилась. Прошло полгода – и теперь, когда дают кусочек очищенного яблока, тянет маме: откуси! И отцу – откуси! И кошке в морду тычет – откуси! И не объяснишь ей, что кошке яблоко ни к чему, и приходится терпеть этот гигиенический кошмар: потычет кошке, а потом

в рот.

Ну а если бы не переменялся ребенок? Что же, тогда пришлось бы, как и прежде, внушать ему, что он щедрый, внушать год, пять лет, десять, пятнадцать, не уставая, пока этот порок сам собою не обернется чем-то полезным – бережливостью, например. Или даже жадностью – к знаниям, к жизни.

Что ж, такую жадность все мы приветствуем.

Желание понять

Один умный человек, известный социолог, узнав, что я интересуюсь воспитанием, спросил меня, какие же специальные книги я читаю.

– Педагогические, – ответил я. – Какие же еще?

– Нет, – сказал он. – В педагогических книгах о детях не пишут. Читайте книги по психиатрии.

В жизни не получал я такого дельного совета! Изучая полочки психики, врачи-психиатры, сами того не замечая, создают незримый, но научно точный образ здорового человека, здорового ребенка. Кроме того, из книг по психиатрии начинаешь понимать, что мы в нашем обращении с детьми часто ведем себя как больные люди. Само по себе это не вина; но глубокая наша вина перед младшим миром в том, что поведение серьезно больных людей мы ставим себе в заслугу.

Коротко расскажу о замечательной книжке польского психиатра доктора Антония Кемпиньского «Психопатология неврозов». Книга вышла в Варшаве в Польском медицинском издательстве уже давно, в 1975 году, случайно попала мне и, возможно, никогда не увидит ее читатель, но, в каком месте ее ни откроешь, всюду встретишь умную мысль и все наталкивает на размышления о воспитании, хотя автор вовсе не думал о педагогике.

Читателю, возможно, будет интересно узнать, что главные симптомы современной неврастении (буквально – «слабости нервов») – это усталость, раздражительность, спешка и скука. Но ведь именно этими словами можно описать поведение иных родителей по отношению к собственным детям!

В глазах детей многие из нас выглядят просто неврастениками. Характерный признак здорового человека: он устает к вечеру. Характерный признак неврастеника: он сердится на жизнь уже с утра, «факт начала дня» он рассматривает как печальную необходимость. И дети, добавим, раздражают его с утра, так что приходится постоянно напоминать папам и мамам: не забывайте сказать ребенку «доброе утро»... На днях я спросил у одной мамы: «А вы говорите дочке “доброе утро”?» – «Не всегда, – сказала она, – но я с собой борюсь. Меня по утрам почему-то все раздражает, вы не знаете, почему?»

В ответ я рассказал о так называемом «директорском неврозе», о котором прочитал в книге А. Кемпиньского. Человек-директор (даже если он не директор) держит сразу несколько телефонных трубок, на самые простые вопросы реагирует вспыльчиво и дает противоречивые распоряжения. Он вертится как белка в колесе, что приводит к всеобщему раздражению.

Кто из нас не видал такого «директора» на работе или дома?

Спешка и скука, причисляемые автором к чертам современной цивилизации, вытесняют интерес к жизни. Когда человеку интересно, он не чувствует усталости. Но неврастенику все скучно: актуальное, сейчас идущее время, чем бы оно ни было занято, работой или досугом, неприятно и враждебно ему. Системы внутренней регуляции мобилизуются для борьбы со скукой, и потому человек устает сильнее, чем другие люди устают от работы. Так и на уроках дети устают не от работы, а от скуки.

Ребенок, пишет доктор Кемпиньский, даже новорожденный, лучше взрослого чувствует эмоциональное состояние другого человека. Так и собака нападает на того, кто ее боится. Откуда она об этом узнает? Собака, конечно же, не читает чужих мыслей, но она

чувствует чувства – понимает эмоциональное состояние. С возрастом способность эмоционального резонанса у человека слабеет, и не потому, что он черствеет, не потому, что «в наш рациональный век...», а просто потому, что с годами, как пишет краковский доктор, «человек все более привыкает к активному образу жизни, оценивает другого по способу его активности и все меньше интересуется его внутренним миром переживаний». Конечно, во всем важны границы, меры и пороги, но чрезмерная эмоциональная чувствительность – признак болезненности, невроза. «При больном нельзя маскироваться, – пишет автор, – он почувствует ложь маски, и маска увеличит его беспокойство. С больным, так же как и с ребенком, необходимо быть откровенным»...

Вот почему, оказывается, с ребенком необходимо быть откровенным. Можно, наверно, сказать, что эмоциональноправдивое поведение – одно из первых условий воспитания. Ложь мысли и ложь слова дети чувствуют не всегда, но ложь чувства они различают лучше нас, и тут мы все попадаемся. «Любит меня мама или только притворяется, что любит?» – на эту тему многие дети размышляют годами.

Меня всегда смущало требование понимать детей. Ну как взрослому понять ребенка? Кто он – Лев Толстой? Песталоцци? Ушинский? Корчак? Макаренко, видевший детей насквозь? Мы не умеем! А между тем все подхватили фразу мальчика из кинофильма по сценарию Георгия Полонского: «Счастье – это когда тебя понимают». Нет, я не могу дать детям счастья, я не понимаю их...

Но вот читаем у Кемпиньского: «Необходимо считаться с фактом, что познавательный процесс в психиатрии бесконечен, и к этому нужно привыкнуть. Для терапевтического процесса, по-видимому, важно не само понимание, а желание понять. Независимо от того, как врач понимает больного, можно добиться положительных лечебных результатов...»

Подставьте на место медицинских терминов педагогические, и вы поймете нечто крайне важное для обращения с младшим миром. Желание понять – этого вполне достаточно.

Узел отношений

Наши усилия должны быть направлены не на ребенка, не на себя, а на главное – на отношение к ребенку. Человек меняется не от манипуляций, которые с ним проделывают, не от воздействий, а только от собственных душевных движений, возникающих в его отношениях с людьми. Антуан де Сент-Экзюпери писал, что человек – это узел отношений.

Подлинное средство воспитания – в нас самих, в нашем сердце. Оно действует, оно воспитывает, повторю, двадцать четыре часа в сутки. Мама на работе, сын в школе или во дворе, но отношение матери к сыну оказывает влияние постоянно.

Учителя-профессионала можно научить, каким голосом говорить ребенку «иди сюда», показать ему оттенки в интонациях, выработать технику поведения с ребенком. Но ни в какой книжке не опишешь эти тысячи оттенков интонации, тысячи оттенков во взгляде, никак не научишь смотреть на ребенка добрыми глазами! Все эти мелочи, из которых и состоит работа воспитания, сами собой находятся, когда изменяется наше отношение к ребенку.

Чтобы понять, насколько важно отношение к ребенку, рассмотрим вопрос, который очень часто задают родители: почему в одной и той же семье вырастают разные дети?

Потому что родители, сами того не замечая, по-разному относятся к каждому из своих детей. Незначительные природные различия ведут к незначительной разнице в отношении. Да и сами родители в двадцать лет относятся к детям не так, как в двадцать три года, ко второму ребенку не так, как к первому. «С первыми детьми всегда мудрят», – говорится в «Войне и мире» Льва Толстого.

Мне рассказывали о доме сирот. Вечер, крошечные детки в кроватях. Один сидит насупившись, другой возится с игрушкой, а третий, когда воспитательница вошла, протянул ей руки. Воспитательница взяла на руки ребенка, именно того, кто потянулся к ней. Она

ходила с ним по комнате, разговаривала с другими ребятами, а этого держала на руках. Прижимала к себе. Все от рождения воспитывались в одинаковых условиях одними и теми же людьми, но чем-то этот ребенок чуть-чуть выделялся. Его чаще брали на руки, он сам научился протягивать руки, его стали брать еще чаще... Пройдет два-три года, и будет казаться, что этот ребенок от рождения добрый и способный, а другие – от рождения угрюмые и темные дети. Отношения – как усилитель. Маятник раскачивается: чуть не такой ребенок, чуть не такое отношение к нему, и ребенок развивается по-другому, вызывая новые различия в отношении к нему. Родители думают, будто относятся к детям одинаково, они не замечают разницы во взглядах и жестах, не замечают того, как одного похвалили, а другого похвалили чуть-чуть сильнее. Так и получаются разные дети. Судьба ребенка зависит от отношения к нему.

Человек – это способности плюс отношение к людям, к делу, к жизни; если я хочу вырастить человека для человека, я и должен относиться к ребенку как к человеку, и никакого другого способа справиться с задачей нет, все другие способы – обман.

Только не надо думать, будто если я стараюсь, все делаю для ребенка, отдаю ему лучший кусок, боюсь за него – значит, я хорошо к нему отношусь. Чтобы отношение к ребенку воспитывало, оно должно быть богатым и сложным чувством. Не просто любовь, а богатое отношение.

Часто говорят об авторитете в воспитании. Без авторитета трудно. Но совершенно невозможно воспитывать, если ты не вызываешь симпатии у ребенка, раздражаешь его одним своим видом или голосом. Авторитет необходим руководителю завода – пришел и преодолел предубеждение, завоевал авторитет. Симпатию вызывают, пробуждают, симпатия – собственное чувство ребенка. Без авторитета воспитывать трудно, но можно. Без симпатии воспитывать совершенно невозможно, это исключено, тут и разговаривать нечего. Раздражительный отец еще может что-то дать ребенку, раздражающий ничего не даст.

На каждого ребенка есть какой-то идеальный способ воспитания. И каждый из взрослых, сложившихся людей может воспитывать только одним способом. В школе это обстоятельство скрыто: на любого мало-мальски способного учителя найдется достаточное число мало-мальски пригодных для него учеников (и наоборот). Но в семье, где один на один и нет выбора, и некуда друг от друга деться, – в семье педагогическая несовместимость иногда приводит к драматическим последствиям. Все – и родители, и дети – чувствуют себя виноватыми или, что еще хуже, виноваты друг друга, причем проблема, как правило, переводится в моральный план. Человек не справляется с воспитанием и не может справиться, а ему говорят, что он не выполняет свой долг.

Подумаем о том, что нам подвластно, – о нашем отношении к детям. Если мы переменим свое отношение к ним, то, быть может, и они станут терпимее к нам, и мы найдем тот единственный способ воспитания, который и нам доступен, и детей захватывает.

Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком. Считайте человека за человека, и он будет благодарен вам и рано или поздно пойдет вам навстречу. Считаете человека за человека – больше для воспитания ничего не нужно, здесь – правда, вся правда и только правда.

Ребенку говорят:

– Будь человеком!

Слышу в ответ детский голосок:

– Я согласен! Но прошу считать меня человеком!

Молодая преподавательница техникума в Подмоскowie призналась мне:

– Я очень плохая учительница... Я так мучаюсь от этого, иногда и ночью не сплю.

Мне было известно о ней, что это редкая по своим качествам учительница, может быть, даже редчайшая. Я спросил, за что же она так корит себя.

– Знаете, – сказала она, – есть несколько учеников, в которых я не верю... Это ужасно. Им так плохо, когда в них не верят! Они просто на глазах увядают. А я ничего с собой не могу поделать, не могу поверить в них... Их всего несколько человек из ста пятидесяти, но

ведь... Это же преступление, правда? Учитель не имеет права не верить!

Вот истинно нравственное отношение к воспитанникам.

Но немногие из нас понимают, что за свою веру в человека надо бороться, что мы отвечаем за веру и неверие и что мы обязаны непременно верить в человека, которого мы воспитываем.

Отец, не наказывающий мальчика, обычно чувствует себя виноватым: «Я мало занимаюсь ребенком, я не учу его, я виноват».

Но я никогда не встречал отца или маму, которые сказали бы словами учительницы:

– Что мне делать? Я не верю в своего мальчика, я виновата!

Обычно нам кажется, будто виноват мальчик – и потому в него трудно верить.

Все наоборот! Мы не потому не верим в детей, что они плохие, а дети потому и становятся плохими, что мы в них не верим.

Маленькие не понимают, в чем дело, подросток кричит матери:

– Ты меня не понимаешь, ты мне не веришь!

Мама задыхается от возмущения: не верю? Да как же тебе верить, если ты весь изолгался, на каждом шагу обман!

Но этот изолгавшийся перед матерью мальчишка больше других нуждается в доверии, и только оно его и вылечит. Сто раз уличим подростка во лжи – он обманет двести раз. Один раз поверим ему, несмотря на явную ложь, – ну хоть притворимся, что верим! – и в другой раз (или в десятый, или в сотый) ему наконец станет стыдно обманывать.

В нашем сознании живет трудно истребимая схема: «проступок – наказание, а то хуже будет». У нас одна реакция на проступок: наказание, осуждение, замечание. Но ведь на проступки можно реагировать и верой: я верю, что он случаен, этот проступок, я верю в то, что ты достойный человек, я знаю, что все будет хорошо.

Это же духовные процессы, здесь тихое слово действует сильнее громкого, а не сделанное замечание сильнее выговора. И незаметная, необъявленная, никак внешне не проявляемая вера в ребенка действует на него с огромной силой. А малейшее недоверие, даже если оно не высказано, портит отношения. Ребенок вдруг становится дерзким, без всякого повода с нашей стороны. В чем дело? Но повод был. Мы подумали о ребенке плохо.

Однажды мне привели мальчика-семиклассника, чтобы я поговорил с ним. У него не складывались отношения с родителями.

Мальчик как мальчик, дружелюбный, словоохотливый, он стал мне рассказывать про свои житейские дела, про школу, про увлечение марками. Я слушал его, слушал и вдруг подумал: «Какие у него некрасивые уши!» И тут же мне стало стыдно, я попытался заглядывать свою вину усиленным вниманием. Мальчик это почувствовал, сбился, заторопился – разговор испортился. А кто знает, может быть, от этого разговора вся жизнь его зависела? Я позволил себе плохо подумать – а испорчена жизнь.

Есть известный психологический эксперимент. Психологи пришли в третий класс и стали изучать учеников. Приборы, тесты, расспросы – чуть не полгода работали. В конце концов они сказали учительнице, что по результатам их исследования такие-то три ученика в классе покажут в будущем году заметный сдвиг в развитии. Прошел следующий год, и предсказания ученых полностью оправдались.

Но эксперимент состоял в том, что эти три имени были выбраны по таблице случайных чисел. История с опросами и приборами была спектаклем для одного зрителя – для учительницы. Учительница верила в науку, поверила в трех учеников, случайно выбранных, и они действительно стали лучше учиться.

Вера в человека улучшает человека.

Поэтому когда приходят родители и начинают жаловаться на сына: «Он такой-то и такой-то, он то-то и то-то, ну отчего это? Что мне делать?» – то ответ всегда ясен. Он такой-то и такой-то, ваш сын, потому что вы способны жаловаться на него без конца – от одного этого дети портятся! Когда я жалуясь, что у меня плохой сын, я все больше уверяюсь в этом, я все меньше верю в него – и он становится все хуже и хуже.

Что делать? Ходите и рассказывайте, какой ваш сын хороший!

Особенно страшно для детской души подозрение.

Я обещал не учить и не призывать, но вот случай, когда я готов крикнуть: не смейте!

Не смейте подозревать ребенка в дурном! Даже если для подозрения есть основания.

Бойкий первоклассник стянул в школьном буфете пирожные, да не одно, не два, а целый поднос. Схватил с прилавка и потащил. Разумеется, его тут же поймали и повели к директору школы на суд и расправу. Но в директорский кабинет ворвалась молодая учительница.

– Коля не брал! – закричала она. – Вы не знаете! Коля не вор! Пирожные упали, он их собрал и понес... Нельзя же с полу есть?

Когда об этом случае было рассказано в газете, то пришло несколько возмущенных писем: что же это за учительница? Она потекает воришке! Что вырастет из мальчика?

На взгляд одних, мальчик был погублен в этот день.

На взгляд других, мальчик был спасен добросердечной учительницей.

А вы как думаете, читатель?

На мой взгляд, подозрение в дурном намерении, в злом умысле, в воровстве, в предательстве так же страшно, как и сам злой умысел, воровство и предательство. Сколько детских душ погублено оттого, что на ребенка пало однажды подозрение! Какие ссоры и разлады в семьях, где растут дочери и где родители постоянно подозревают дочь невесть в чем, стоит ей лишь на полчаса позже вернуться домой!

Дети, мальчики и девочки, должны возвращаться домой вовремя – за них страшно. Но мы не должны, не имеем права подозревать их в дурном. Даже в юриспруденции, имеющей дело с преступниками, установлена презумпция невиновности: обвиняемый не виноват, пока вина его не доказана. А у нас, у воспитателей, имеющих дело не с закоренелыми рецидивистами, а с маленькими и действительно невинными детьми, презумпции детской невиновности отчего-то нет. Дети у нас всегда под подозрением...

Мы обычно говорим, что ребенок тоже человек, хотя и не совсем ясно, по сравнению с кем «тоже» – с нами, что ли?

Но, повторяя это, мы относимся к ребенку как к будущему человеку: дети – наше будущее, тем они и ценны. Ребенок – человек, но в будущем, а сегодня он вроде бы и не человек. Безобидный, привычный вопрос: «Каким человеком вырастет мой сын?» – таит большую опасность. Чрезмерные заботы о будущих качествах ребенка мешают сегодня увидеть его. Я все время гадаю: «А что из него вырастет?» Как будто тот, который сегодня передо мной, чем-то не устраивает меня. Для себя самого ребенок – человек сегодня, и никакими силами его не убедить, что он еще не человек или недочеловек. Чем искреннее я сегодня вижу в ребенке человека, тем лучше он будет, когда вырастет. Постоянно думая о будущем, я не с тем мальчиком общаюсь, что передо мной, а с каким-то мифическим, нафантазированным, будущим. Мы не просто общаемся с любимым человеком, а постоянно думаем о его будущем, хотя ничего о нем не знаем.

Но с будущим общаться невозможно, будущему нельзя утирать нос, с будущим нельзя гулять – только с сегодняшним! С первого дня родители расходятся со своим ребенком: он живет нынешней минутой, а родители – будущим, которого ни дети, ни даже родители не знают. Как же им понять друг друга, найти общий язык?

Все пугают детей неведомым будущим, все пугаются будущего. Сейчас ребенку год, три года, десять лет, пятнадцать. Но, считаем мы, коль скоро мы его воспитываем, он, следовательно, еще не совсем человек. Вроде недоделанной машины. Вот вырастет, вот закончится воспитание, тогда увидите... А когда это будет? В восемнадцать, в двадцать пять, в тридцать? А может, о результатах воспитания справедливо судить лишь в семьдесят лет?

Оттого, что мы относим результаты нашей работы в будущее и только в будущее, мы воспитываем вслепую. Мы не знаем, на что нам надеяться.

Независимо от того, мерещится ли нам большое будущее ребенка (станет художником, ученым, спортсменом), или, наоборот, нас страшит ужасное будущее (вырастет хулиган,

тунеядец, преступник), мы воспитываем как бы в мираже. Поэтому наше воспитание, несмотря на неустанные хлопоты, не имеет силы и, как правило, сбываются не лучшие, а худшие предположения и предчувствия.

Все дети мечтают стать великими, многие родители надеются увидеть своих детей необыкновенными людьми. Но иногда наша легкая мечта становится тяжелым грузом для ребенка и лишает его детства.

Ребенок играет на скрипке, занимается в художественной школе, учит иностранный язык, катается на коньках... Но не потому он ходит на эти уроки, что с ними связаны какие-то родительские надежды, непонятные ребенку, а потому, что занятия дают содержательную жизнь.

Чем больше мы желаем идеального в ребенке, тем меньше ребенок удовлетворяет это желание, тем труднее принять ребенка, найти общий язык с ним и тем беспомощнее мы как воспитатели.

Когда слышишь: «У меня такая необыкновенная девочка, такая необыкновенная!» – жалко и маму, и девочку. Пройдет немного времени, девочка окажется вполне обыкновенной, и она же будет виноватой за это в глазах мамы: не оправдала надежд. Все дети – чудо, и потому – обыкновенное чудо.

Еще хуже получается, когда в ребенке видят потенциального преступника. Мы читаем в газетах ужасные истории о подростках, мы видим нагловатых ребят в подворотнях, мы слышим: «Украл... Ограбил... Нахулиганил... Посадили!» И мы боимся, чтобы и наш не украл и не нахулиганил. Но именно эти страхи и приводят к беде. Мы теряем разум, у нас остается одно: не пропустить, с детства застрашать, чтобы неповадно было.

И уходит любовь, исчезает великодушие, рвется душевная связь с детьми. Их место полностью занимает страх перед будущей ужасной участью ребенка. Вся педагогика заменяется двумя фразами; «как бы чего не вышло» и «кто будет отвечать». И не мы руководим ребенком, а он своими проступками руководит нами, и мы едва успеваем реагировать да принимать меры. Мы, родители, становимся марионетками в руках мальчишки, а он заставляет нас дергаться. И на каждом шагу: «Ну что из тебя вырастет?»

Да откуда нам знать, что из него вырастет? Из чего следует, что мальчишка, укравший в детском саду лопатку, неминуемо станет вором? Тысячи неблагоприятных обстоятельств нужны, чтобы стать вором.

Но нас пугают, что даже один дурной поступок ведет к разрушению нравственного в ребенке, если этот поступок принес удовлетворение и не был замечен и осужден, и добавляют, что именно так приобщаются к воровству. Разве не страшно? Следи, следи за ребенком, осуждай его, принимай меры, чтобы потом на будущем суде честно взглянуть в глаза судьбе: «Я все сделал, я учил его только хорошему, я ему ничего не спускал».

Словно мы не воспитываем, а готовимся предстать перед судом и заранее снимаем с себя ответственность... Нельзя воспитывать по чужому примеру, нельзя поддаваться страшным рассказам. Взгляд на ребенка с будущей скамьи подсудимых почти наверняка приведет его на эту скамью. Ребенок вырастает человеком там, где царит надежда на лучшее, а не страх перед худшим. И уж во всяком случае надежда – лучший воспитатель, нежели страх.

Мы не выпутаемся из педагогических противоречий до тех пор, пока не перестанем даже в глубине души считать своих детей будущими людьми и результаты воспитания относить в будущее, повторяя: «Ну что из него вырастет?»

Уже все, вырос! Полгода ему? Вырос! Уже человек.

Все результаты воспитания буду определять по тому, каков сегодня маленький человек, каким тоном и как разговаривает он с детьми и со взрослыми, насколько он самостоятельный. Да и просто по глазам его буду судить. Да, у мальчика много недостатков, но я все равно не могу вырастить совершенного человека, я не знаю, как это делается. У него ясные глаза и добрый голос? Он деятелен и энергичен? Друзья любят его? Ему хорошо с нами и нам хорошо с ним? Вот результаты воспитания, и ничто другое не может мной

руководить. Если иногда от усталости и раздражения я забываю, что он человек, я вглядываюсь в него, в душе поднимается что-то тихое, сердечное, и мне становится гораздо легче.

Дети – наше будущее, это верно, но они и наше настоящее. Мы верим в жизнь, верим и в детей. Мы надеемся на жизнь, надеемся и на детей.

Конечно, мы должны понимать их – как и любого другого человека. «Понимание – основа общения», – пишет известный режиссер М. Кнебель. Ах, если бы могли понимать детей всегда, как мама понимает младенца!

Но с ростом ребенка мы обычно теряем эту способность. Мы не просто не понимаем выросших детей, мы отказываемся понимать их...

Счастье, когда тебя понимают? Несомненно. Но понимать людей очень трудно. И своя-то душа – потемки, а уж чужая! Не многие из нас могут похвастаться тем, что видят людей (или хотя бы своих детей) насквозь... Да и не многие из нас хотели бы, чтобы их видели насквозь.

Нет, счастье – когда тебя принимают. Мы любим лишь тех, кто принимает нас.

Заколдованный круг: недостатки ребенка мешают мне любить его, но избавиться от этих недостатков можно, только любя его, только принимая его, потому что если ребенок чувствует, что его не принимают, не любят, он уходит от нас, загораживается, спасает свою душу – и тогда хоть делай ему замечания, хоть не делай, хоть борись, хоть не борись, все бесполезно.

Любить – значит принимать человека таким, какой он есть.

Женщина жалуется на мужа (и всего-то полгода, как поженились, немолодые люди, второй брак у каждого): с ним невозможно жить.

– А он вас тоже критикует? – спрашиваю я. Насколько мне известно, моя собеседница отнюдь не лишена недостатков.

– Нет, – говорит она простодушно, – он меня очень любит.

Ей кажется, что он ее любит потому, что она без недостатков... На самом деле он любит потому, что любит – принимает ее такой, какая есть.

Но как же? Как же? – снова слышу я. – Ведь надо же бороться с недостатками детей!

Заколдованный круг. Бороться-то, конечно, можно, но победить их можно лишь любовью. Ведь перед нами не враг, а собственный ребенок.

V. Прошу считать меня человеком. О воспитательной силе желаний

Вечный ремонт

Будет или не будет Страшный суд – еще не ясно, но вечный суд идет. Вечный суд, вечный спор о молодых, о новых поколениях, о младшем мире. Одни буквально проклинают его, говорят о нем с ненавистью, видят в нем лишь разрушителей и захватчиков, другие холодно осуждают, третьи опасаются его, четвертые горячо защищают – и не было начала этому суду, и не будет конца.

Недовольство молодыми – естественная человеческая черта. Десятиклассник говорит о компании восьмиклассников: «Нет, мы были не такими», – он считает, что они были лучше. Свое поколение кажется человеку лучшим, этот возрастной шовинизм иным людям так же трудно преодолеть, как и чувство национального превосходства.

Недостатки своего поколения кажутся милыми, недостатки молодых вызывают раздражение. Мы не хотим понимать, что у каждого поколения своя глупость. Мудрость одна, она вечна, глупость же у новых поколений новая. Но что-то остается от этой новой глупости в вечной мудрости мира – так становится чуточку мудрее и весь мир.

Не освободиться ли нам? Не снять ли с себя судейские мантии? Пока длится вечный суд, пока мы с молодыми судим друг друга, мы враждуем, а люди становятся человечнее

лишь в мире, в борьбе друг с другом они звереют. Не злоупотребляем ли мы словом «борьба»?

Кажется, никто не занимается воспитанием – все перевоспитывают молодых. И вот появляется в педагогических трудах ужасное слово «перевоспитатели», и вот всерьез говорят о научных основах коррекции личности...

Коррекция личности!

Но личность коррекции не поддается. Нет никаких научных основ коррекции личности. Личность можно сломать, подавить, привести к послушанию – такие методы известны, наш XX век сильно потрудился над их усовершенствованием. Но поднять дух молодого человека, но развить его способности, но вовлечь его в общий труд – куда как труднее...

Однажды учитель, немолодой уже человек, вел меня летом по пионерскому лагерю и показывал: «Здесь у нас клуб, здесь столовая...» «А это что такое?!» – проговорил я чуть ли не в ужасе.

Вдоль длинного одноэтажного дома, в котором жили старшие ребята, от угла и до угла был натянут выгоревший плакат: «Долой самоуправление, да здравствует самоуправление!»

– Это? Это они озорничают, – спокойно сказал педагог. – Сема – это я, Семен Ильич. Подростки должны озорничать.

И хоть бы капля тревоги была в его голосе! Я со своим недоумением выглядел, наверное, слегка глуповато. В самом деле – что ж такого? Ребята недовольны своим педагогом и вывесили плакат против него. Только и всего. И мир не рухнул, и крыша дома не обвалилась, и даже авторитет взрослого, как я позже увидел, не пострадал.

Но общее почти повсюду в нашей стране распространенное мнение состоит в том, что если ребенок или подросток озорничает, то надо его быстрее осадить. На самом деле все наоборот. Где нет раскованных – появляются разнузданные. Где нет озорников – вырастают хулиганы. Где нет самоуправления – начинается самоуправство. Если человек с молодых лет бьется о чужую волю, если, куда он ни повернется, всюду стены из «нельзя», то для него вырасти – значит вырваться: вырваться из дома, вырваться из школы, вырваться из пут морали и закона. И вот он освобождается, и теперь для него никаких «нельзя» не остается.

Многие думают, будто формула воспитания выглядит примерно так: «нельзя+воля». Надо внушить детям, что же именно нельзя в этой жизни, и развить их волю, чтобы они этим запретам подчинялись. Если молодой человек совершит нечто противозаконное (например, залезет с товарищами в чужую квартиру), то ему говорят: «Разве ты не знаешь, что воровать нельзя?» «Знаю, – отвечает он, – но у меня слабая воля». Его посылают в тюрьму – зачем? Объяснять, что можно и чего нельзя? Воспитывать волю?

Все это пустое, нелепое, опасное и для детей, и для нас опасное. Все это от нашей привычки к простым, поверхностным решениям. Сломались часы – починить, получил сын плохую отметку – исправить его отношение к школе. Совершил что-то дурное – внушить ему, чтобы знал... А если младший мир не поддается простейшим воздействиям, если он от нашего стремления к ремонту становится еще хуже – то, вместо того чтобы задуматься, мы еще сильнее напираем, еще старательнее перевоспитываем...

Так и вертится этот порочный круг, так и теряем мы веру в наши усилия, начинаем во всех грехах обвинять младших. Вечный суд продолжается.

Балованные дети?

Очень трудно решиться сказать нечто, идущее наперекор общему мнению. Все родители жалуются, что с детьми нет сладу: дети, считается, все вдруг стали избалованными, изнеженными, и даже мальчикам грозит опасность «феминизации», явно ощущается недостаток в «мужском» воспитании. И в это время во всеуслышание заявить, что детей надо баловать? Да за это могут побить!

И все же...

Детей баловать необходимо!

По словарю Ушакова «баловаться – шалить, резвиться, играть, забавляясь и проказничая». Вот это самое – «играть, забавляясь и проказничая» – и должны делать дети в первые 5–6 лет своей жизни, если мы хотим, чтобы они выросли спокойными, уверенными в себе и волевыми людьми.

Прислушаемся к народной речи.

– У, баловень! – с ласковой интонацией.

– Внучка моя, шалунья, баловница! – с нежностью.

– Да что он за непоседа! – с восхищением.

Старуха в псковской деревне жалуется на невестку:

– Недобрая она, детей своих никогда не приласкает, не побалуует... Детей баловать надо!

В крестьянской семье – по крайней мере на Псковщине, где автор специально изучал эту маленькую проблему, – ребенок до пяти лет невыносимое существо. С ним нет никакого сладу: он носится по дому, он может дерзко ответить матери и яростно отбивается, если она попробует его шлепнуть. Он проказничает на каждом шагу – и все ему прощается. Больше того, каждая проказа вызывает восхищение родителей. Проказничает – значит, смышлен, энергичен, счастлив. Когда мать жалуется соседке на то, что сынишка ее бедокурит, она лишь по форме жалуется, а по существу – хвалится. Непослушный, балованный ребенок кажется более естественным, нормальным...

Казалось бы, что из такого воспитания выйдет?

Но у педагогики своя логика – педагогическая. На практике выходит вот что: в немногих местах встретишь таких трудолюбивых, исполнительных и скромных в обращении со взрослыми подростков, как на Псковщине.

Да и в городской, московской жизни я могу насчитать по крайней мере пять детей знакомых, которые, когда их приводили в гости малышами, были просто бедствием для дома (едва спасли от него чашки на столе, он пытался стянуть скатерть на пол; глядь, он уже отвинчивает ручки телевизора); сейчас эти дети стали подростками – и какие славные ребята!

Балованный ребенок – послушный подросток. Педагогическая логика может выглядеть и так.

Тут надо уточнить: что значит «балованный»? Чем балованный? Вниманием, прежде всего – вниманием родителей.

Предоставленный самому себе мальчонка, лишь изредка врывающийся в дом из какого-то своего дворового мира, – это не балованный ребенок. Наоборот, его все гонят, шпыняют и ждут одного: поскорее бы он схватил кусок и убрался с глаз долой. Балованный тот, кому дома очень хорошо, кого все любят. Оттого он и чувствует себя абсолютно уверенным в этом мире, считает, что ему все можно, и ни от кого не ждет зла. Он доверчив, весел и бесхитроу: ему нечего хитрить, он и так получает все, что хочет. Балованные дети редко вырастают жадными людьми.

От этой любви взрослых, от этой незамутненности существования и собираются нравственные силы будущего взрослого человека. Чтобы прожить даже самую обыкновенную жизнь, нужно очень много мужества. Откуда его взять, если не запастись им в детстве? Балованные дети – счастливые дети, а счастливые дети – счастливые взрослые.

Счастливый, ухоженный, «закормленный» ребенок вовсе не становится эгоистом, как иногда думают. Если ребенку «все позволено», если у него радостные отношения с миром, то первое чувство жалости он испытает не по отношению к себе, а по отношению к другим. Ребенок небалованный, воспитанный в строгих правилах, окруженный всевозможными «нельзя!» и «не смей!», с первых лет жизни знакомый с наказаниями, – такой ребенок жалеет прежде всего себя, сосредоточивается на своих бедах и неприятностях, на себе. У него гораздо больше шансов стать эгоистом.

Балованный ребенок – вовсе не значит «капризный ребенок». Наивный детский каприз – отражение изоциренной капризности взрослых. То все играли и тешили малыша, а то вдруг

отец нахмурился: «9 часов, пора спать!» Хочешь не хочешь, плачешь не плачешь, а надо спать! Почему? Кто такой этот «режим», из-за которого все нервничают и сердятся? Малышу это непонятно, для него все это как раз и выглядит непонятным капризом взрослых, с которым можно бороться только тем же средством: капризничать.

Во всех книгах для родителей воспевается строгий режим. Действительно, по режиму жить легче, но кому? Родителям. И кто исследовал, как растут дети, воспитанные в строгом режиме, и как – без него? Не окажется ли при более внимательном рассмотрении, что режим – изобретение не только полезное, но и в чем-то вредное, угнетающее детскую психику? Воспитанному в вольности ребенку труднее будет привыкнуть к школьным порядкам, он доставит больше хлопот учителям. Но кто сказал, что идеал воспитания – бесхлопотное воспитание? И не из этих ли непослушных вырастают самые энергичные и полезные обществу люди? Балованные, никого не боявшиеся в детстве ребята быстрее достигают моральной независимости, которую психологи считают одним из самых важных качеств личности.

Мы так боимся будущего непослушания детей, что приучаем их обуздывать свои желания чуть ли не с первых шагов жизни, еще до того, как ребенок научится эти свои желания ощущать и выражать. Может быть, оттого подчас вырастают дети с очень бедным репертуаром желаний: им все заранее кажется недоступным, невозможным. Так зарождаются безволие, равнодушие к жизни. Мы жадно читаем брошюры о том, как укрепить волю ребенка, но в то самое время, когда воля закладывается, когда она еще слабенький росточек, мы торопимся вырвать эти ростки как сорную траву ради красивого цветка под названием «послушный ребенок». Проходят годы, цветок послушания неминуемо увядает, но безволие остается.

Если ребенок не научится добиваться своего от родителей, где и когда научится он потом добиваться чего-нибудь от кого-нибудь? Если в каждом столкновении с родителями победа остается за отцом или матерью – так ли уж выгодно это? Безжалостно, пользуясь преимуществами возраста и силы, мы отнимаем у ребенка самое сладкое чувство – чувство победы. Всякая мать отдает ребенку лучший кусочек пищи. Но победу в столкновениях, этот лакомый кусочек радости, она стремится захватить себе. А может, в воспитательных целях иногда полезнее уступать нашим детям? Из каждого столкновения малыш выходит побежденным – когда же он научится побеждать?

Доверчивость, любовь, доброта – основания, на которых сами собой выстраиваются и более сложные чувства. Воспитывайте ребенка добром – и он будет ненавидеть зло, когда реально встретится с ним. У него будут силы для ненависти и полная непривычность к злу. Воспитывайте ребенка в ненависти – и вы ничего, кроме ненависти, не воспитаете. Между прочим, только балованный ребенок умеет давать сдачи обидчику, и притом в открытую, а не исподтишка. Балованные дети вырастают более смелыми, ибо просто не знают страха – им нечего было бояться в детстве.

Растить ребенка, балуя его, трудно. Балованный требует глаз да глаз. Но чем легче ребенку в детстве, тем легче будет ему и в жизни, потому что лучше, свободнее разовьются его жизненные силы. И чем труднее родителям, пока их ребенок мал, чем больше вытерпят они его шалостей, тем легче им будет позже, потому что ребенок вырастает самостоятельным. Когда балованные дети становятся взрослыми, они большего хотят – но и большего добиваются в жизни.

Старинная мудрость: «До пяти лет ребенок царь, до пятнадцати – слуга, после пятнадцати – друг». Если родители балуют ребенка в раннем детстве, они смогут строго обращаться с ним в подростковом возрасте, когда ему действительно нужны твердое руководство и дисциплина. Балованного в детстве ребенка в 11–13 лет можно держать очень строго, не боясь сломить его волю. А ведь часто получается наоборот: в детстве ребенка школят, стремятся к абсолютному послушанию, а позже, когда такое послушание необходимо, его уже не могут добиться: и родители устали в этой многолетней борьбе, и дети слишком торопятся выйти из-под надоевшей им (с младенческих лет!) деспотической

власти родителей.

К сожалению, не все родители имеют возможность баловать детей. Но все-таки к этому надо стремиться, проявляя терпение и надеясь на природу. Терпение – вот чего так часто не хватает взрослым.

Один детский доктор, которому молодая мамаша пожаловалась, что у ее ребенка долго не прорезываются зубы, спросил ее:

– А много ли вы видели людей, у которых не выросли бы зубы?

Нам все время кажется, что у наших детей не прорежутся зубы, что они не научатся говорить, потом – читать... Ах, если бы можно было сразу получать готовых взрослых людей, этаких умных и разумных старичков – как легко было бы с ними родителям! И как скучно...

Дети должны пройти, пережить время баловства, неразумности, непослушания – это необходимая стадия развития. Ни в чем нельзя торопиться, даже в стремлении привить им правила морали и дисциплины. Всему свое время, вырастут зубы! Мы встревожены инфантилизмом подростков и юношей – но обжегшись на молоке, стоит ли дуть на воду? Преждевременное развитие детей, сокращение времени их безграничного царства так же тревожно, как и запоздалое нравственное развитие подростков.

А может, эти два явления взаимосвязаны? Природа берет свое, природа не может развиваться быстрее оттого лишь, что человеку вздумалось изобрести телевизор и посадить ребенка перед стеклянной трубкой с картинками.

Скажут, растут же дети в яслях и детских садах, а там у них нет возможности баловаться.

Да, там, где больше двух-трех маленьких детей, баловство опасно: дети, возбуждая друг друга, становятся совершенно неуправляемыми. Оттого в детских учреждениях приходится поддерживать строгую дисциплину, хотя строгости ее подчас переходят границы разумного и необходимого.

Пожалуй, было бы правильнее считать хорошим не тот детский сад, где дети послушны и организованны, а как раз тот, где дети шумят и балуются – и при этом все-таки сохраняется какой-то минимум порядка, необходимого для безопасности ребят. Только минимум!

Впрочем, перед детьми вопрос, можно ли им баловаться, не стоит. Они балуются, не спрашивая нашего разрешения, и потому вырастают здоровыми людьми!

Заботливые дети?

Беззаботное детство и беспечная юность опозитизированы во многих прекрасных стихах, и это естественно: когда мы с высоты возраста, обремененные множеством житейских забот, оглядываемся на первые годы жизни, прежде всего они, годы эти, представляются нам легкими и бесхлопотными – в том-то и состоит их неповторимая прелесть. Правда, при более тщательном размышлении мы вспоминаем, что и в детстве, и в юности были у нас волнения, но теперь они кажутся нам романтическими, и вот – «безмятежная юность...».

А задумаемся, должны ли мы создавать своим детям поэтически беззаботное детство? Или чем больше забот у ребенка, тем лучше? Забота воспитывает? Подавляет? Прибавляет? Отнимает?

Обычная домашняя сцена:

– Коля, сходи за хлебом.

– Сейчас.

– Коля, сходи за хлебом!

– Ну сейчас!

– Коля, сколько раз тебе повторять?!

Коля берет сумку, деньги и отправляется в магазин. Он делает это каждый день, это его «домашняя обязанность», воспетая во всех педагогических книжках («У детей должны быть

постоянные домашние обязанности»), но каждый день хорошо отрепетированная сцена повторяется идеально однообразно: сюжет, интонации, мимика и даже походка сына – специально отработанная походка, которая должна выразить что-то вроде «Как вы мне все надоели», – все неизменно. Если бы на один день мама вышла из роли и не напомнила бы Коле о его «домашней обязанности», он и не подумал бы идти в магазин. Работа ходить в магазин – Колина, забота о Колиной работе – мамина.

А в школьных делах? Реально учиться, то есть ходит в школу и делает уроки, конечно, сын, но кто заботится о том, что пора сесть за уроки, что надо отпрашиваться в школу, иначе опоздание неминуемо? Мама. Это она проявляет настойчивость, заставляет сына кончить школу, потом помогает ему выбрать работу, получить профессию – все она, и именно у нее во всех этих хлопотах и вырабатывается железный характер.

Мы не всегда замечаем, что характер воспитывает не столько работа, реальное действие, сколько забота о работе, собственное стремление выполнить ее.

Когда мы читаем, что школьники построили своими руками стадион или переоборудовали физический кабинет, подождем восхищаться. Труд, разумеется, закаляет человека, дает навыки, но не в этом основная воспитательная ценность его. Главный вопрос: а чья была забота – строить стадион и перестраивать кабинет? Кто планировал, кто просыпался утром с мыслями о предстоящей работе – директор школы? учитель? или сами ребята? Кто заботился, тот и проявлял характер, тот и получил полное удовлетворение, когда работа была закончена, тот, собственно, и воспитывался – и только тот.

Всякая работа воспитывает, но надо четко представлять, кого именно...

Главная трудность состоит в том, что забота – внутреннее, собственное побуждение и потому ее невозможно заменить понуждением какого бы то ни было рода... Можно заставить ребенка делать уроки, но как заставить его заботиться о своих уроках? Заставлять – как раз и значит снимать заботу, и чем больше мы заставляем, тем худшего результата добиваемся, хотя внешне дела могут выглядеть и сносно: ребенок учится...

Привычные и легкие средства воспитания – упрек, попрек, относительно исправно действующие во многих случаях жизни, совершенно не годятся для воспитания заботливости.

При самом несложном наблюдении можно обнаружить, что каждое дело требует вполне определенного объема заботы. И не добавит ли нам – если говорить полушутя – к известным физическим законам сохранения еще один – закон сохранения объема заботы?.. Вся семья не должна с утра до вечера думать, скажем, о том, чтобы пойти в магазин или в прачечную. Необходимый поход этот требует какого-то небольшого и вполне определенного объема заботы.

Если о магазине заботится мама, то сын или дочь не станут заботиться, сколько бы их ни обвиняли в бессердечии. Если мама берет на себя заботу усаживать сына за уроки – она автоматически снимает ее с сына: теперь он и не притронется к учебникам, пока не раздастся строгое мамино напоминание. Работе под названием «домашние уроки», как и всякой другой работе на свете, сопутствует свой, ограниченный объем заботы, и когда родители берут какую-то часть этого объема себе, детская доля заботы ровно на столько же уменьшается. Слишком заботливые родители отнимают у детей все заботы до последней капли, и «беззаботное» детство становится почти несчастьем, хотя бы потому, что изнемогающим родителям трудно удержаться от попреков. В отличие от всех других видов эгоизма жадное присвоение всех забот к тому же еще и наполняет человека сознанием, будто именно он и есть альтруист.

«Да если моему не напомнить про уроки, он сам ни за что не сядет, – говорят обычно. – Вчера меня не было дома, и пожалуйста – весь день пробегал!»

Да потому и пробегал, что привык к понуканиям! Здесь перепутаны причины и следствия. Забота не возникает сразу, в один день, она должна постепенно созреть, и обязательно созреет, если мы наберемся терпения и не будем прерывать тот незаметно протекающий и подчас изнурительно медленный рост заботы, если мы не будем

уподобляться ребенку, который сажает зернышко и потом каждую минуту выкапывает его, чтобы посмотреть: не появился росточек?..

Конечно, если мы хотим вырастить заботу, мы должны подготовиться к тому, что ребенок поначалу пройдет через полосу больших затруднений и неприятностей. Приученный садиться за уроки только под надзором старших и вдруг лишенный этого надзора, он неминуемо нахватает плохих отметок. Но будем верить в сына, в его способность победить трудности, будем терпеливы – и самостоятельная забота непременно появится.

К сожалению, и школа подчас создает у ребят представление, будто учение – это забота родителей, а не детей. Чуть что, по любому поводу – жалоба родителям, запись в дневнике, вызов в школу. Постепенно у ребенка складывается впечатление, будто все его школьные дела – забота чья угодно: учителя, директора, мамы, папы, только не его.

Правильно ли это? Педагогично ли? Не вернее было бы поставить дело так: ты учишься – ты и разбирайся со своими делами и неприятностями, если они возникают, умеи сам справиться с ними. Мы привыкли к тому, что за детьми нужен глаз да глаз. Но контролировать – не значит снимать заботу. Разумный контроль как раз и должен повышать ответственность, а не снижать ее, помогать учиться, а не мешать, как это бывает иногда.

Так в отношении школьных забот, которые ни с кем разделять нельзя. В семейных же делах все по-другому...

Все у меня в отряде шло более или менее нормально, одна беда: уборка территории. Мои одиннадцатилетние мальчишки отчаянно не любили эту работу. Целым отрядом чуть ли не по часу в день, сердясь друг на друга, мы мели и подбирали бумажки, но не работа это была, а мучение. И вдруг я однажды увидел, как Таня Гаврилушкина, вожатая соседнего отряда старших мальчиков, взяла во время мертвого часа метлу и в десять минут без разговоров подмела вокруг домика своего отряда. Одна. Сама. Без ребят. Сначала я ужаснулся: мне было шестнадцать лет, и у меня имелись куда более четкие, чем сейчас, представления о педагогике: «Это же нарушение всех правил! Это же... А воспитание трудолюбия?» Так и шло дело: пока я, сердясь и ссорясь с ребятами, воспитывал в них трудолюбие, Таня потихоньку подметала вокруг своего домика. Но вскоре обнаружилось, что как раз моих-то ребят и не заставишь работать, а Танины были первыми и на колхозном поле, и в саду, и мальчишки ее наперебой стремились снять с нее все заботы. Не она уговаривала их подметать – они упрашивали ее не браться за уборку, они держали домик в изумительной чистоте. Позже я понял, что заставлять ребят работать из отвлеченной идеи воспитания – значит нарушать естественность отношений, вносить в них фальшь, подрывать ту самую педагогику, во имя которой производятся все эти манипуляции. То, что легко и просто делать самому, то и надо делать, не беспокоясь о воспитании. Это стремление взять на себя работу не останется незамеченным, передастся детям.

Вообще в хорошей семье никто никого не воспитывает – все живут дружно, каждый старается взять на себя работы побольше, вот и вся педагогика. Домашнее «бюро услуг» по отношению к детям с годами все больше сворачивает свою деятельность, и все больше расширяется «сфера услуг», которые дети оказывают взрослым. Тут нет никаких проблем, тут сами собой развиваются заботливость и та драгоценная деликатность, которая отличает истинно воспитанного человека: никогда, ни при каких обстоятельствах не доставлять хлопот другим, не вызывать затруднений в их жизни; не требовать заботы о себе и постоянно стремиться облегчать жизнь окружающим.

С заботой такое дело: ее нельзя требовать – ни от детей, ни от кого-нибудь еще. Забота по требованию перестает быть заботой в истинном смысле слова. Заботу можно только проявлять – и ждать, терпеливо, с надеждой и верой ждать, что и дети научатся проявлять ее. Если же, несмотря на всю нашу заботливость, дети оказываются неблагодарными – что ж, значит, мы в чем-то просчитались. Возможно, когда-то не хватило у нас щедрости или терпения и внесли мы в семью меркантильный расчет: «Я из-за тебя ночей недосыпала, а ты...» Вспомним, не было такого дня, такой минуты?

Если мы научимся воспитывать детей, которые в состоянии сами заботиться о своих

школьных и иных делах, проявлять заботу о младших и старших, можно сказать, все или почти все проблемы воспитания будут для нас решены.

Что же касается беззаботного детства и безмятежной юности, то, когда дети вырастут, они будут вспоминать детство и юность именно так: счастливая пора.

За свой счет

Существует несколько общеизвестных максим – предельно обобщенных правил нравственности, которые, когда они становятся убеждениями ребенка и тем более взрослого, помогают определить, как же поступать, сохраняя свободу воли:

- делай что должно – и пусть будет что будет;
- поступай так, чтобы твой поступок мог стать основой всеобщего нравственного закона;
- делай лишь то, чего бы ты хотел, чтобы люди делали для тебя;
- не относись к человеку как к средству для достижения чего-либо;
- помни, что твоя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека.

Я предлагаю в разговорах с подростками пользоваться и такой формулой нравственности: «Добивайся своей цели за свой счет». Прежде всего добивайся своей цели, вырабатывай свою цель, будь энергичен и настойчив!

Конечно, сейчас же найдутся (и уже нашлись) охотники объявить это проповедью индивидуализма: автор призывает добиваться своих целей, а не общих, коллективных. Старый прием: представить всякого, кто думает хоть сколько-нибудь по-другому, чем все, разрушителем морали. На самом деле добиваться чужих целей просто-напросто невозможно. Наши общие, общественные, высокие цели только тогда и оборачиваются правдой в поведении человека, если они правдивы и если становятся целями личными, собственными. Поэтому «добивайся своей цели!» Но... – и в этом «но» водораздел между нравственным и безнравственным. Но лишь за свой счет.

Я с некоторым удивлением обнаружил, что не только цель не оправдывает средства, как уже почти всеми принято теперь считать, но и больше того: качество цели полностью определяется вопросом: «За чей счет?» Желай практически чего угодно, добивайся чего угодно с одним-единственным ограничением: ни одна душа на свете не должна пострадать. Если же для достижения твоей цели придется хоть кого-то потеснить, значит, эта цель не годится. Этой цели для нравственного человека как бы и не существует.

Конечно, хорошо бы оснастить эти размышления десятком наглядных примеров, но я переложу работу над примерами на плечи читателя. При этом надеюсь, что никто не станет спрашивать: «А как же быть с наказанием преступников?» и никто не напишет, что автор оправдывает преступления.

За свой счет! Двигайся по жизни за счет своего ума, своих сил и своих способностей – и только так. И не смей вредить даже самому себе, своему здоровью.

Закон нравственности один и тот же для государств, организаций и личностей: добивайся своих целей не за счет другого, а лишь за свой счет.

Непохожие дети?

Кто из нас хоть раз в жизни не качал сокрушенно головой: «Надо же... у такого уважаемого человека – и такой сын...» Несчастный случай. Таинственная загадка...

Загадки, конечно, нет. Если мы сумеем ответить на вопрос о непохожих детях, то, по-моему, прояснятся многие сегодняшние проблемы воспитания.

Поначалу представляется, что ничего странного в непохожести иных детей на иных родителей нет. Не у всякого же великого отца вырастают величайшие дети. И очевидно, какие-то дети поплоче своих родителей, а какие-то получше, так что на круг все в порядке.

Но такое объяснение редко дает моральное удовлетворение. Вопрос остается вопросом,

и начинаешь думать: а почему, собственно говоря, точкой отсчета надо выбирать нас самих, родителей? Даже самые скромные люди, которым и в голову не придет измерять достоинства людей по себе, – даже они почему-то теряют милую застенчивость, лишь только речь заходит о детях: «Мы были не такими...» А может, все-таки поискать какое-нибудь другое мерило человеческих совершенств помимо нас самих?..

Вероятно, это прозвучит парадоксом, но осмелюсь утверждать, что дети всегда похожи на своих родителей (хотя «похожи» никогда, конечно, не значит «точно такие же»). Только, на беду нашу, они порой (или часто) перенимают именно дурные наши качества, так что мы в испуге отрешиваемся от детей: «Нет, нет! Мы были не такими! Мы не такие! Они не похожи на нас!» Из всех человеческих пороков нам всего нетерпимее наши собственные пороки, когда мы обнаруживаем их в своих собственных детях.

Можно обмануть весь свет и жену в придачу, но детей своих обмануть никому не удастся. Если в семье замутненная нравственная атмосфера, если домашние приобретения имеют не совсем чистый источник, если царит в семье дух стяжательства или карьеризма, если родители не любят людей и беспричинно злобствуют или если они не любят своей работы и открыто, при детях, говорят об этом (и чуть ли не за доблесть считают клясть перед детьми свой труд), то будь ты хоть трижды передовой в своих взглядах на жизнь и в успехах по службе; соверши ты оглушительную карьеру, добейся какого хочешь уважения от сослуживцев, дети все равно не пощадят тебя, нравственная порча так или иначе обнаружится в них и заставит людей удивляться: «Смотри ты... У такого уважаемого человека...»

Дети – ужасные разоблачители. Автобусное предостережение «Осторожно – дети!» стоило бы распространить на всю нашу семейную жизнь.

Нелишне подчеркнуть, что речь идет лишь о нравственности, а вовсе не о том, чтобы дети достигали тех же образовательных и служебных высот, что и родители их. Жизненные раскладки бывают всякие. Но и при всех обстоятельствах у добрых, честных и трудолюбивых людей, я думаю, не могут вырасти злые, бессовестные и ленивые дети. И обратное: если у людей, которые почему-либо считаются дурными, вырастают прекрасные дети – значит, и родители не так уж дурны, как это нам кажется. Дети оправдывают их жизнь, может быть, и не во всем удачно сложившуюся, потому что в детях всегда отражается духовно-нравственный уровень родителей.

Отдаю себе отчет, что иному читателю эти утверждения могут показаться огорчительными и даже обидными и потому слишком категоричными. Можно сильно облегчить себе жизнь, если расставить успокоительные слова «порой», «иногда», «как правило», «в иных случаях». Но зачем же нам успокаивать себя самих? Если твердо установится взгляд, который и в народе всегда принимался за истину, если мы станем без обвиняков, без оговорок и без исключений считать и говорить, что безнравственные дети – не загадка природы, не прихоть случая, не особенность «нынешних» или «современных», то, может, и родители станут больше заботиться о нравственности своих детей, да и дети, подрастая, больше будут беспокоиться о том, как бы своих родителей не предать.

Однако это вовсе не значит, будто мы можем легко отмахнуться от тревоги по поводу «иждивенцев». Дети некоторых мам и пап и вправду разительно отличаются от своих родителей, особенно по части трудолюбия. Но не потому, что вдруг нарушился естественный закон, а потому, что некоторые мамы и папы в некотором же смысле стали не похожи... на самих себя.

В каждое время складывается своя, особая педагогическая ситуация в обществе. Она зависит от многих обстоятельств, но больше всего от того, насколько быстро изменяется общество. Чем быстрее наступают перемены, даже если это перемены к лучшему, тем сложнее воспитывать детей, потому что то педагогическое образование, которое каждый из нас получает в детстве, оказывается недостаточным, если условия нашей взрослой жизни слишком резко отличаются от условий нашего детства.

И неизвестно, что из чего получится, как вести себя с детьми, что разрешать им, а что

запрещать, что хорошо на них скажется, а что плохо: результатов воспитания в этих новых условиях никто еще не видел и поправки внести не может. Только догадки, интуиция, общие соображения... Родители всегда поначалу неопытны, но теперь они неопытны вдвойне: опыт их отцов во многом не годится.

В одном из недавних своих выступлений известный наш педагог отмечает, что за последние десятилетия рост расходов на старшеклассников увеличился в три-четыре раза, что ребята хорошо одеты, что у них появляется «то, что недавно еще было предметами роскоши: магнитофоны, фотоаппараты, очень хорошее спортивное, туристское снаряжение...» И далее: «Все это было бы хорошо, если бы сопровождалось ростом требований к их трудовой деятельности и их личной трудовой отдачей в общественном и семейном хозяйстве. А этого пока что недостает», – отмечает профессор.

На первый взгляд вроде бы и логично. Только логика здесь такая: мы вам – вы нам... Мы вам – хорошее туристское снаряжение, вы за это увеличиваете трудовую отдачу. Словно семья – это завод, где рост производительности труда непременно должен обгонять рост зарплаты. Но дети-то у нас не на сельщине. Мы хотим, чтобы они выросли трудолюбивыми – мы приучаем их к труду, развиваем их интересы и способности, стараемся обогатить их духовный мир, дать им цель в жизни и представление о ценностях жизни. Но не потому, что мы купим им магнитофон! Или уже купили его! Была возможность – купили, не было бы – не купили бы (а трудиться дети все равно должны). Но покупать магнитофон, а потом попрекать им? Разумно ли? Педагогично ли? Не от таких ли попреков рушатся добрые отношения с детьми и вырастают люди, глубоко убежденные в том, что и весь мир держится на принципе «Ты мне – я тебе» или «Мы вам – вы нам».

С детьми нельзя вести счеты! Но мы должны научиться воспитанию в достатке, потому что не сам достаток виноват в том, что дети растут «непохожими» (что за нелепая мысль!), а наша неопытность и неумение достаточно быстро переменяется.

Через одно-два поколения все придет в норму: люди привыкнут к вещам, перестанут обращать на них слишком много внимания, родители будут воспитывать детей примерно в тех же условиях, что и сами они воспитывались, появятся новые традиции и необходимый личный опыт. Но пока что...

Веками и веками можно было растить детей в семье, не читая никаких педагогических книг и не слушая лекций. Мы, по сути, первое поколение родителей, для которого научная педагогическая помощь – острая необходимость.

Бескорыстие. Риск. Терпение

Бескорыстие... Воспитание ребенка – это подвиг бескорыстия, и только у бескорыстных людей вырастают хорошие дети.

Нет, мы не жадные, не гребем под себя, нам ничего не нужно... Но дети растут плохие, потому что мы не замечаем, как в каждом нашем поступке проглядывает родительская корысть.

Мелкое, незаметное педагогическое корыстолюбие – вот что губит наших детей.

Сын плохо ведет себя в троллейбусе, шалит, вертится, громко разговаривает. Я дергаю его, угрожаю ему, я готов шлепнуть его, но не потому, что он ведет себя плохо, а потому, что люди смотрят. Я вовсе не о том волнуюсь, что мальчик мешает другим, – никому он не мешает. Но люди могут плохо подумать обо мне, осудят, скажут: избаловал ребенка, не умеет воспитывать. Я не о мальчике беспокоюсь – о себе. Я хочу, чтобы обо мне хорошо думали, вот в чем моя корысть! И мальчик, не понимая этого, понимает. Он нарочно ведет себя еще хуже.

Сын вырос, я хочу, чтобы он поступил в институт, заставляю его готовиться, умираю, если он получил на экзамене слабую отметку... Мне кажется, будто я забочусь о сыне, о его будущем. На самом деле мне стыдно перед знакомыми, перед соседями и сослуживцами. Я уже представлял себе, как встречу Николая Петровича, он спросит: «Как сын?» «Ничего, –

скажу я скромно, – школу окончил, в институт поступил...» И Николай Петрович посмотрит на меня с уважением.

А теперь что будет? И не ради будущего, не ради сына, а ради малознакомого Николая Петровича я ссорюсь с сыном и при этом произношу высокие слова, невысокую цену которых он понимает.

Но у выросшего сына своя жизнь, он сам по себе человек, а не приложение к моей жизни, не дополнение, не аттестат, не свидетельство. Он чувствует, что мы заботимся не о нем, а о себе.

Лето... Сын перешел в девятый класс, мама с папой собираются на курорт, а сына куда? Отправим-ка его в пионерский лагерь, и путевка, кстати, есть. Но сын отказывается ехать, он пионерский лагерь перерос, у него свои планы на лето. Нет! «Ты лежебока! Ты ничего в жизни не хочешь! Тебе ничего не нужно! У тебя и друзей-то нет! Тебя ничего не интересует!» И так далее, сутками напролет. На самом деле мама с папой хотят поехать на курорт и пожить там спокойно, не беспокоясь о сыне. Он чувствует эту мелкую и вполне, быть может, оправданную корысть. Но слова-то разные к чему?

Мальчик плохо учится, никто его за уроками и не видел. Но вот отца вызывают в школу, и он, вернувшись домой, разражается бранью, кричит: «Что из тебя вырастет?!» Он чуть ли не за ремень хватается. Он оскорблен в своих лучших чувствах и крайне обеспокоен судьбой сына.

А на самом деле он раздражен тем, что его побеспокоили, что ему пришлось пережить несколько неприятных минут в учительской. Покой – вот в чем его корысть. И он обрушивается на сына как будто бы за то, что тот плохо учится. На самом деле – за то, что он был причиной беспокойства.

Денег многим из нас на детей не жалко, мы для детей на все готовы. Но поступиться покоем готовы не все. На покой мы жадны.

Я такой же, как все, я тоже охраняю свой покой, я тоже уверяю себя, что мне необходим покой для работы, но постепенно я начинаю замечать, что все мои претензии к детям сводятся к одному:

– Не мешайте! Не беспокойте меня!

И мне кажется, будто я прав. А на самом деле я просто хочу вырастить детей, ничем не поступаясь, а это невозможно.

Я начинаю это понимать и в каждом конфликте с детьми, подобно детективу или судье, спрашиваю себя:

– А кому это выгодно?

И со вздохом обнаруживаю, что в девяноста случаях из ста я ищу выгоды себе, а не детям, что все мои фразы типа: «А что из него вырастет?», «Забочусь о его будущем», «Но надо же детей воспитывать» – все эти благородные фразы лишь дымовая завеса для собственной корысти.

Риск – вот труднейшее из педагогических понятий. Боюсь, ни в одном учебнике педагогики о риске не говорится.

Не рискуя не проживешь, не рискуя не воспитаешь человека. Воспитание – работа без гарантированного результата, и чем больше будем мы требовать гарантий успеха, тем хуже будет результат.

Мы начинаем закалывать ребенка, но при этом мы можем простудить его, как бы осторожны мы ни были. Так что же – не закалять?

Мы выпускаем ребенка на улицу, но... И вымолвить страшно, что может случиться. Так что же – не выпускать? Всю жизнь за руку водить?

При слове «риск» обычно ставят и прилагательное «разумный», «нормальный», но кто скажет, где они, эти разумные, нормальные пределы?

В знакомой мне семье выросла девочка, ей шестнадцать лет, и она влюбилась, а парень кажется родителям негодным, опасным. С милицией знаком. Что делать?

Скандалить: «Не тот»? Кричать: «Рано тебе влюбляться»? Запирать на замок? И так

нельзя, и этак нельзя, и каждый поступок – риск.

Но если мы воспитываем на фразах: «Ты же знаешь, как я за тебя боюсь», «Ну почему ты обо мне не думаешь?», «Что же, мать волноваться за тебя должна?» – то ничего из этого путного не получается.

Да, мы рискуем, мы боимся за детей, да, сердце наше полно страха: «Где он? Что с ним? Что с ним будет?» – это все естественно, и глупо было бы призывать не бояться. Мы боимся за детей и будем бояться, и не может мать не бояться, но нельзя забывать и о том, что воспитание требует риска, воспитание – дело мужественных людей.

Сколько мужества нужно, чтобы вырастить ребенка, – страшно и подумать!

Вера, надежда, любовь, бескорыстие, риск и терпение! Терпение! Воспитание – это терпение.

В самом деле: понимать, принимать, терпеть – это один узел. Где не хватает терпения – надо бы постараться понять, где не понимаю – постараюсь вытерпеть, и всегда я принимаю ребенка, всегда люблю.

Всегда ли? Вижу родителей с детьми, и кажется, что мама любит ребенка вообще, но в каждую данную минуту она его терпеть не может.

Или есть два вида любви: вообще-любовь и сейчас-любовь?

Читаю: «Если ваш сын опрокинул с трудом приготовленный обед, посчитайте до десяти, прежде чем вы начнете кричать на мальчика или шлепать его». А я не могу не то что до десяти досчитать – и до одного досчитать не успеваю, раздражение охватывает меня. Чувствую, что у меня становится зверское лицо – я вижу его отражение в испуге мальчика.

Но еще меньше способны мы вытерпеть временные трудности с ребенком, те, что пройдут сами собой.

Мальчик медленно растет, меньше всех ростом. И начинается: почему не растет? Да может, не так кормят его? Да в кого он такой маленький? И даже к мальчику с упреком: «Ты почему такой маленький?»

Так задержают мальчишку, что он чуть ли не виноватым себя считает, чуть ли не больным и начинает страдать оттого, что он маленький ростом. Но ведь на свете миллионы низкорослых, а главное – что изменится от наших разговоров? И еще: а если просто потерпеть? Может, он лет в шестнадцать-семнадцать вымахает так, что будет выше отца с матерью. Я знаю много таких случаев и, когда дети огорчаются из-за роста, говорю им уверенно: подожди, вырастешь, я тоже до восьмого класса был третьим от конца в классе, а в начале девятого стал вторым от начала...

Терпения не хватает и потому, что кто-то внушил нам странную, ни на что не похожую педагогическую логику, выраженную во фразе: «Как сегодня, так и всегда».

Мальчик неряшливо ест, но значит ли это, что он и всегда будет неряхой за столом?

Мальчик долго сосет пустышку – а вдруг он и всегда будет ходить с пустышкой во рту? И хотя я своими глазами видал маленького вратаря дворовой футбольной команды с пустышкой во рту, все-таки, согласитесь, это редкость.

Не будет всегда, как сегодня, наступит и другое время, и многое дурное уйдет само собой. Всему свой срок, быстрые, «пулеметные» роды так же опасны, как и слишком затяжные. Не мы устанавливаем темп развития детей, он заложен природой, и у каждого ребенка свой.

Старый, вечный педагогический грех: мы ждем от ребенка все и сейчас. Мы требуем немедленной отдачи от наших усилий, иногда мы даже получаем ее, но при этом и не подозреваем, сколько потеряли. Нам нужно, чтобы ребенок сегодня хорошо учился, мы заставляем его, он учится – но становится зубрилой и ненавидит учение. Нам кажется, что если он сегодня, в третьем классе, плохо учится, то так будет всегда – «как сегодня, так и всегда». Да нет же! Вспомните, сколько историй вокруг: не учился, не учился и вдруг взялся за ум. Поздно? Но лучше поздно, да самому, чем раньше, но из-под палки...

В воспитании, как и в романе, тоже есть всевозможные «вдруг», не учитываемые педагогикой. Девочка ездит в школу на трамвае – и без билета. Сколько ни корили ее, ни

стыдили, ни угрожали контролерами – не берет билеты, и все. Но вдруг первого сентября, в первый день восьмого класса, она почувствовала, что скорей умрет, чем поедет без билета, лучше пешком семь остановок идти, чем без билета. Что на нее подействовало? Те прежние укоры? Или просто – выросла, и то, что прежде было не стыдным, стало стыдным?

Стыд всегда появляется «вдруг». Маленький мальчик тащит из туалета горшок и усаживается на него посреди комнаты, да еще при гостях... Стыд! Позор! Так нельзя! Что из него вырастет! Да не будет он всю жизнь при гостях на горшок садиться, придет день, и вдруг появится стыд.

Но нет терпения у родителей, но не могут они вынести этого позора (на горшке при гостях!) и, вместо того чтобы слегка посмеяться, поднимают крик и шум. Вечер у мальчика испорчен, он объявлен «плохим», «бесстыдником», «непослушным», а это во много раз вреднее, чем то, что сделал мальчик, – сделал от великой своей общительности. Ему скучно сидеть на горшке одному, когда в доме гости и так интересно.

Женщина рассказывает: «Я до пятнадцати лет ложку в кулаке держала. Все вокруг едят как люди, а я – в кулаке. Ну посмеивались надо мной, конечно, а мне нравилось. А в пятнадцать лет в один день увидела, что так некрасиво...» – и нет проблемы!

Разумеется, все эти «вдруг» не сами по себе приходят, идет какая-то незаметная для родителей работа, что-то созревает в ребенке. Семечко ведь тоже лежит-лежит в земле – и вдруг прорастет... Яблоня растет-растет – и вдруг яблоки дала. Но надо же и дождаться!

Каждый ребенок – набор отставаний или опережений (а может быть, и одних только отставаний). Сверяясь с нормой (интересно же!), не будем подгонять своего под эталон, составленный из расхожих слов: «А вот другие дети уже...» Предположим, наш действительно хуже других, отстал и впредь будет отставать. Теперь что? Куда его? Выбросить и завести другого?

Есть суворовские законы – «быстрота и натиск», но есть и законы Кутузова, они лучше подходят к воспитанию. В «Войне и мире» Кутузов говорит Андрею Болконскому:

«– Взять крепость не трудно, трудно кампанию выиграть. А для этого не нужно штурмовать и атаковать, а нужно терпение и время... А верь, голубчик: нет сильнее тех двух воинов, терпение и время; те все сделают...»

VI. Любимые не виноваты. Много ли стоит то, за что мы боремся с детьми

Домашнее серебро в колодце

Одна пятилетняя девочка побросала в колодец все домашнее серебро, потому что ей понравилось, как они там, внизу, булькают, эти ложки и вилки. Впрочем, ее можно и понять, если предположить, что ничто в мире не булькает так мелодично, как серебряная ложка в глубоком колодце. Просто мы с вами никогда не слышали этих божественных звуков: или у нас не было домашнего серебра, или не имелось колодца, или мы в пять лет не были достаточно свободны, для того чтобы побросать фамильное серебро в колодец.

А что бы вы сделали со своей пятилетней дочкой, читатель, если бы она совершила такое злодеяние?

Вероятно, вы дали бы волю своим чувствам. Когда дети творят невесть что, мы обычно взываем к их слабому разуму: «Ну ты подумай, что ты наделал! Должен же у человека быть разум! Ты ведь не маленький!» Когда же мы сами творим что-то со своими детьми, мы забываем о разуме и ведем себя именно как маленькие. Нами руководят чувства и только чувства. Но давайте хоть раз подумаем, что же мы делаем с детьми.

Мы все считаем себя ответственными за воспитание своего ребенка, и это правильно. Мы говорим: «Вырос бы он человеком хорошим, больше мне ничего не надо». Или так мы говорим: «Был бы он счастлив, больше мне ничего не надо». Не многих из нас беспокоит то

обстоятельство, что эти две цели не всегда совместимы.

Как бы то ни было, в голове каждого из родителей живут Идеальный Мальчик и Идеальная Девочка, по образу и подобию которых мы и стараемся воспитать своих детей. Откуда взялись эти образы и годятся ли они для воспитания, мы не знаем. Но они есть. И чем жестче они очерчены, тем труднее воспитывать, потому что мы живого мальчика стараемся подогнать под идеального. У одних людей это получается как бы само собой, у других – с трудом и слезами (детскими и родительскими) – это зависит от жизненных обстоятельств, от природных педагогических способностей и от пластичности детских характеров. Бывают податливые дети, бывают неподатливые – природу со счетов не сбросить.

Многие родители, если не все, представляют себе воспитание так, словно мы запускаем в жизнь-космос ракету с заданной траекторией, определяемой Идеальным Мальчиком и Идеальной Девочкой, живущими в наших головах.

Когда космическая ракета уклоняется от траектории, ее, ракету, подвергают коррекции и направляют по избранному пути. Так и про детей говорят: «Наставить на путь истинный». О плохом сыне говорят, что он «сбил с пути», что он «беспутный», «непутевый». Представление о воспитании как наставлении на путь закрепилось даже в языке.

И оно в общем-то правильно, это представление; но есть одна тонкость, которую мы обычно не принимаем в расчет. Мы забываем, что у ракеты, кроме траектории, есть еще и двигатель, и в нем-то кроются многие причины отклонения от траектории. Ракета – это двигатель и траектория. Ребенок – тем более.

Мы же, воспитывая ребенка, заботимся главным образом о траектории, о поведении и гораздо меньше – о двигателе, о внутреннем мире, о сердце ребенка. Но точно так же, как коррекцией траектории невозможно исправить поломки в ракетном двигателе, так и поправками видимого поведения не обогатить детское сердце. Это сравнение сильно хромает, потому что душа ребенка и его поведение гораздо больше связаны, чем двигатель и траектория ракеты, однако в принципе все то же, и, общаясь с ребенком, всегда полезно думать: на что мы влияем – на двигатель или на траекторию? На поведение или на сердце? Часто бывает, что в зависимости от нашего выбора мы производим два прямо противоположных действия. С одной точки зрения, девочку, выбросившую ложки в колодец, надо наказать, чтобы впредь ей было неповадно; с другой – надо приласкать ее, пожалеть, чтобы она увидела милосердие, великодушие, щедрость, способность прощать. В реальном случае с серебром и колодцем родители именно так и поступили – пожалели девочку, когда увидели, что она сама испугалась того, что наделала, пожалели, приласкали и тем страшно поразили ее. Сильное великодушие производит такое же шоковое действие, как и сильное наказание. Но результаты противоположны.

Никто не научит вас, как привести живого ребенка к образу Идеального Мальчика, живущего в вашей голове. Но если в семье неприятности с ребенком, то скорее всего надо перевоспитывать не реального мальчика, а Идеального – того, который поселился в голове родителей. Именно попытки приспособить живого к идеальному (часто ложноидеальному) ведут к насилию над ребенком, к войне с ним. А война с детьми, как уже не раз говорилось, – это всегда война безвыигрышная.

Итак, дело обстоит следующим образом. С ребенком можно обращаться или миром, или войной. Что мы выбираем?

Мир? Миром мы или добьемся желаемого поведения, или не добьемся.

Война? Войной мы ни за что желаемого не получим. Даже если ребенок будет у нас «как шелковый», все равно – не детством же кончается его жизнь, не вечно же он будет домашним военнопленным, вырвется и он на свободу – тут уж он покажет...

Мир – или выигрыш, или проигрыш. Война – только проигрыш.

Даже самый азартный игрок не ставит на заведомо битую карту. Из всех людей на свете это делают одни только родители – в безумной надежде выиграть.

Домашняя окопная война

Врач из детского санатория рассказывает:

– Дети стали какие-то издерганные. И читают меньше, и фантазии у них меньше... На днях мама приехала к десятилетнему сыну, а он топает на нее ногой и кричит: «Теперь я буду диктовать условия!»

Домашняя окопная война – не счесть семей, где она идет с самого рождения ребенка. На этом фронте, проходящем через все континенты и страны, жертв не сосчитать, а перемирия не предвидится.

Задумаемся, из-за чего же, собственно, идет война под крышами самых мирных с виду домов. Родителям кажется, будто справедливость на их стороне, ведь они хотят своим детям только добра. Словом, война за хорошие отметки в школе и за своевременное возвращение домой – война священная. Как же иначе? А что, спросят, вы предлагаете? Разве вы не знаете, что бывает с подростками, когда они вечерами шляются по улицам?

Да, конечно, бывает всякое. Но постараемся понять истинную причину постоянных столкновений с детьми: в нашем доме идет борьба за власть. Власть, а не что-нибудь другое чаще всего служит яблоком раздора между детьми и родителями.

Это выражение – «борьба за власть» заимствовано из книги английского философа и педагога Джона Локка, посвященной воспитанию. Написанная в конце XVII века, отчасти спорная, она тем не менее содержит глубокие и свежие – сегодня тоже свежие – мысли о домашнем воспитании. Вот Локк-то и бросает мимоходом мысль о том, что ни в коем случае нельзя допускать войны за власть между родителями и детьми. Как ее избежать – другой вопрос, войны вообще легче начинаются, чем кончаются, а домашние войны не исключение из этого правила. Но нужна хотя бы воля к миру. Поймем, что в домашней войне, как в ядерной, победителей быть не может. Во всяком случае, родители победить не могут, потому что поражение детей – всегда поражение родителей.

Родители часто держатся за власть как за жизнь. Далеко не все обладают характером, необходимым для утверждения власти, и умом, позволяющим пользоваться этой властью с осторожностью, но почти все завидуют властным родителям, у которых «дети как дети». Собственные дети не потому плохи для них, что совершают проступки, и даже не потому, что не слушаются, а потому, что их непослушание кажется унижительным: что же я за человек, если меня даже собственные дети не слушаются? С другой стороны, и дети, почувствовав, что ускользающая власть очень дорога родителям, начинают пользоваться этим открытием, сознательно и расчетливо наносят болезненные уколы нашему самолюбию. Взаимная враждебность становится общим фоном семейных отношений, и тут уж о воспитании нечего и думать. Без взаимного доверия нет воспитания, одна видимость.

Между тем в наших педагогических способностях есть и другие возможности, кроме прямой силы, и властный воспитатель – не единственный педагогический идеал. Наша бытовая педагогика исходит из того, что есть одно «надо» на всех, но результаты воспитания зависят от суммы нескольких характеров (в том числе и детских), и кто, кроме нас самих, может сообразить, что годится нам, а что не годится? Может быть, это очень удобно, если я умею властвовать над ребенком, а он подчиняется мне беспрекословно; но что же делать, если я не способен командовать и подчинять, если у меня другой характер? Авторитарный идеал воспитания без реальной возможности воплотить его еще опаснее, чем само авторитарное воспитание.

Наш деловой мир устроен, в общем-то, на принципах соподчинения. В производстве это необходимо, но в воспитании просматриваются и другие принципы. Кроме соподчинения (раздел власти) можно указать на сообщничество (раздел добычи), сотруничество (раздел забот) и сотворчество – единение.

Сообщничество как принцип воспитания довольно заметно в наши дни. Смысл его понятен: родители стараются урвать от мира побольше, а добыча делится между членами семьи. Известно, чем кончаются такие дележки в воровских шайках – смертельной войной между сообщниками.

И вот уже девочка-восьмиклассница пишет в редакцию жалобу на мать: та купила себе новую шубу, а дочери не купила. В семьях, основанных на принципах сообщничества, родители за все платят – за школьные отметки, за детские услуги, и скоро правило «ты – мне, я – тебе» начинает царствовать безраздельно. Так и появляются юные диктаторы: «Теперь я буду диктовать условия».

Сотрудничество – наиболее доступный и успешный принцип воспитания. Заметим, что в корне этого слова – труд, совместный труд в семье. Добиться сотрудничества с детьми нелегко, но оно всегда возникает там, где родители стремятся не к власти, а к мирному сосуществованию, к совместной работе с детьми. Только не надо торопиться, не надо ожидать, что дети тут же и непременно станут помощниками в семейных делах.

Что же касается сотворчества, то оно пока что доступно не всем. Это очень трудно – чтобы в семье царило радостное творческое напряжение, объединяющее всех. Но сотворчество – это счастье.

Насилие от бессилия

«Боже, молю за всех нас, даруй каждому из нас долгую жизнь и крепкое-крепкое здоровье... Огради нас от зол и напастей, стихийных бедствий и всевозможных несчастных случаев; спаси нас от насилия как организованного и официального, так и стихийного, неупорядоченного», – молится героиня повести Э. Доктору «Жизнь поэтов».

Да и нам впору молиться – уголовная хроника, которую стали регулярно печатать, не может не вызвать тревогу. И главное – все молодые, молодые, молодые...

Когда насилие применяется для дурных целей, когда оно откровенно преступно, простить его нельзя, но понять можно. Для преступных целей – преступные средства.

Труднее сыскать корни «неупорядоченного» насилия. Нельзя же, в самом деле, объяснять всемирное ожесточение молодежи одним только влиянием кинофильмов или видеть причину в том, что некоторые плохие родители учат своих маленьких детей давать сдачу обидчикам в детском саду.

Истоки преступного насилия – в насилии повседневном, привычном как воздух. Корни ничем не оправданного, бессовестного насилия – в насилии оправдываемом, в насилии с чистой совестью. Незаметная трещинка в нашей общей совести приводит к мировому злу.

Эту мысль с поразительной сжатостью выразил в «Докторе Живаго» Борис Пастернак. В годы революции, говорит один из героев этого романа, во имя жалости была выработана «вспомогательная безжалостность».

Тех людей мы не вправе судить, и тем более осуждать. Они все пострадали от своей находки, от этой всеобщей вспомогательной, то есть всецело оправдываемой, безжалостности. На их нравственное сознание давила ответственность нечеловеческой тяжести, ее никто не мог вынести – одни погибли, другие стали как нелюди.

Хозяйственную разруху той поры описывали не раз, но нам и не понять ужаса морального землетрясения, губившего людей хуже, чем голод, холод, вражеские пули. Что случилось тогда с нравственностью? Коллективное прозрение на этот счет еще не наступило, и люди, вскидываясь, просыпаются поодиночке. То в одной статье, то в другой прочитаешь, что, оказывается, никакая цель не оправдывает дурные средства. Эту истину, давно известную, многие сами с изумлением открывают для себя. Но пока еще очень мало людей, способных остановить экологически опасный завод, если он важен для промышленности. Ни в школе, ни тем более в жизни не учили нас первому закону нравственности, который состоит в том, что человек обязан отказываться даже от праведной цели, если для ее достижения придется прибегнуть к губительным для кого-нибудь средствам.

Отказ от цели? Этого нам еще долго не понять. Мы воспитаны на «Марше энтузиастов»: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...» Какая мораль выживет рядом с этой философией убийственной всепобедности?

И уж тем более кажется нам пустой максима о целях и средствах, когда речь заходит о

младшем мире. Мы почти все уверены в том, что насилие и принуждение совершенно необходимы для воспитания детей – в их интересах! Это представление живет с древнейших времен, во всех старых законах закреплено, так что западную цивилизацию можно назвать цивилизацией узаконенного насилия над детьми, «вспомогательной безжалостности» к ним. Однако безжалостность всегда убивает жалость, а вместе с нею и другие начальные человеческие чувства в детях – сострадание, милосердие, великодушие. «Весь мир насилия» возрождается каждый день почти в каждой семье, и нужны особые усилия, чтобы понять, отчего же все-таки свет не без добрых людей.

Мы сердимся на молодежную музыку, но послушай тот тяжелый педагогический рок, который звучит в иной семье с утра до вечера: «Стой, я кому сказала!», «Иди сюда!», «Ешь!», «Спи!» – и металлический аккомпанемент из выражений, однообразно начинающихся с угрожающего «а то»: «а то в кино не пойдешь», «а то милиционер придет», «а то хуже будет», «а то ты у меня узнаешь». Тысячи всяких «а то» сыплются на голову ребенка, настойчиво приучая его добиваться своих целей не иначе как насилием и угрозами. Семейный очаг становится школой насилия, мы сами создаем грубый мир, и потом хоть вой, хоть плачь, хоть молись...

В идеале воспитание должно отвечать, кроме всего прочего, двум условиям:

- а) оно должно быть воспитанием без насилия;
- б) результатом воспитания должен быть человек, способный противостоять насилию, включая насилие конформизма.

Но увы! Едва ли не девять читателей из десяти скажут, что эти две цели несовместимы, ибо мы сами не представляем себе воспитания без принуждения, мы сами – разносчики этой заразы, бациллоносители насилия. И не только те, кто пренебрегает родительским долгом и не воспитывает детей, но и любящие, воспитывающие, заботящиеся...

Но что, но какая сила может противостоять насилию в воспитании?

Пора же наконец всем понять – и защитникам наказаний тоже, – что если не осталось средств наказывать, то воспитание по формуле «потребуй и накажи» становится не просто антигуманным, каким оно было всегда, но и бессильным, бессмысленным. Говорить сегодня педагогу в семье или в школе: «потребуй и накажи» – совершенно равнозначно совету разбежаться и посильнее удариться лбом о стену. Не пробили? Ударьтесь посильнее.

Именно это мы и видим в школах – разбитые, окровавленные лбы. Учитель не «применяет наказание», как советуют в книгах, а взрывается, кричит, бунтует – против детей бунтует и против всей этой жизни.

Киевский врач и педагог Василий Кольченко определяет новое явление так: «Насилие от бессилия». Совершенно точно. Насилие от бессилия мы видим сегодня и в политике, и в педагогике, на улице и в магазине.

Есть единственная альтернатива бессильному насилию в воспитании детей: сотрудничество, стремление к сотрудничеству, воспитание в сотрудничестве.

Опаснее, чем курение

Минздрав предупреждает, что курение опасно для нашего здоровья. Есть и другие опасности, о которых мы знаем и без постоянного напоминания, например, сердечнососудистые заболевания, грипп, СПИД.

Но никто не предупреждает, как опасны для нашего здоровья и особенно для воспитания детей наших раздражение и раздражительность.

Между тем раздражение, быть может, опаснее никотина. И распространен этот порок шире, и последствия его страшнее. Курят не все, но многие ли могут сказать о себе, что они вовсе лишены раздражительности?

Признаюсь: я взялся рассуждать на тему, о которой ничего не читал. Я никогда не встречал книги, статьи или брошюры о вреде раздражения для воспитания детей. Именно поэтому – от незнания – я и позволю себе выдвинуть гипотезу о том, что такое раздражение.

Раздражение – такая же неспецифическая реакция, как и стресс, но возникает оно в случаях, прямо противоположных стрессовым ситуациям.

Поясню это на простом примере.

Если в джунглях на вашу тропинку выйдет тигр, вы можете испытать любые чувства – от смертельного страха до прилива отваги, – все что угодно, только не раздражение. Тигры не раздражают. Они вызывают стресс.

Но если вы пришли усталый с работы, а трехлетний мальчик не переставая бьет в глухой барабан, вы испытываете раздражение.

Одним и тем же способом, раздражением, мы реагируем на самые разные явления. Что в них общее?

Стресс – отрицательная реакция на то, что сильнее нас.

Раздражение – отрицательная реакция на то, что слабее нас.

Подчиненные раздражают начальника, начальник раздражает подчиненных лишь в том случае, если он не только глуп, но и слаб. Раздражают слабые, жалкие, презираемые.

Но больше всех страдают от раздражения дети.

Наши дети нас раздражают? Мы ничего не можем поделать с собой? Поймем этот сигнал как приближение катастрофы. Через некоторое время в наших отношениях с детьми все будет плохо, и мы будем выискивать самые фантастические причины педагогической неудачи. В действительности же мы проиграли в тот день, когда почувствовали раздражение.

Раздражение подобно курению, иногда оно приносит опасное удовлетворение. Во всяком случае, можно говорить о привычке раздражаться.

Каждый из нас видал людей страшно раздражительных по отношению к младшим по должности, но тихих и спокойных в общении с начальством. Стресса избежать волевым усилием нельзя, раздражение же вовсе не обязательно – хотя некоторые болезни, например повышенное кровяное давление, вызывают особую раздражительность.

Распустившись и привыкнув по каждому поводу раздражаться, мы не замечаем той брезгливой интонации, с которой мы обращаемся к детям. Педагогика на этом кончается. Мы все делаем будто бы правильно: учим ребенка, приучаем его к труду и аккуратности – все правильно, лишь одна деталь, о которой не говорится, повторяю, в педагогических книгах: все, что мы делаем, сопровождается раздражительными интонациями. Значит, все во вред.

Недавно я видел в электричке, как мама заставляла десятилетнего мальчика читать книгу вслух. Книга о летчиках, написана суховато, много трудных слов. Мальчик не мог их выговорить, спотыкался. И каждая ошибка вызывала у мамы приступ раздражения: «Ты как читаешь? Погляди, что там написано!»

Хуже всего, что мальчик ничем не отвечал на это раздражение. Он привык. Он подрастет немного и будет точно так же раздражительно разговаривать с родителями, и не позавидуешь его подчиненным, если таковые будут у него когда-нибудь. Что делает мама, из лучших побуждений заставляя сына именно так читать книгу? Она совершает проступок по отношению к мальчику и к миру. Она выдаст миру дурного человека.

Если спросить эту женщину, любит ли она своего сына, она, конечно же, скажет, что любит. Но это неправда. Любовь и ненависть порой совмещаются, любовь и раздражение – никогда и ни за что. «Юпитер, ты сердишься? Значит, ты не прав». Юпитер, ты раздражаешься? Значит, ты не любишь.

Любимые не раздражают. Один знакомый мне человек в ответ на вопрос, любит ли он жену, ответил, что не знает, но, в отличие от других женщин, она никогда не раздражает его. Что бы она ни делала – ему нравится, ему покойно. Может быть, это необходимое условие любви?

Родительское раздражение воспринимается ребенком именно так: «Меня не любят». Раздражаясь, мы иногда приобретаем власть над ребенком – он начинает бояться нас и нашего внезапного истерического крика; но педагогическую власть мы теряем, и порой безвозвратно.

Я не знаю таких исследований, но если бы их провели, то наверняка оказалось бы, что

все убегающие из дому дети бегут именно от раздражительных, вечно раздраженных родителей.

Всегда ли надо подавлять в себе раздражение или, наоборот, это опасно? Много пишут о том, что в японских фирмах делают куклы, похожие на руководителей, чтобы вымещать на них злость. Может, оно и так – но лишь в системе «начальник-подчиненный». В системе «мать-ребенок» никакая разрядка невозможна. Надо заставить себя не раздражаться. И, принимая на учение в институт будущих учителей, хорошо бы проверять, не раздражают ли их дети?

Раздраженные родители?

Я давно его знаю, своего товарища, – это умный, образованный и хорошо воспитанный человек. Он работает в конструкторском бюро, где книги о семейных делах передают из рук в руки и зачитывают до дыр – чтобы быть «на уровне». Мой товарищ тоже читает эти книги, когда доходит его очередь, и всегда говорит: «Вот правильно, и я так же думаю». Но, рассказывает он, по утрам приходится собирать пятилетнего сына в детский сад, а тот все делает, конечно же, медленно, отвлекается. И умный мой товарищ... Думаете, он кричит на ребенка? Нет, он не способен кричать. Сердится? Нет, он не способен и сердиться на сына.

Он раздражается.

В его голосе появляются торопливые интонации, он в эти минуты меньше любит своего ребенка, чуть резче обычного берет мальчика за руку. Раздражение почти незаметно, но оно отравляет утро, и отец, отведя ребенка в детский сад, уходит на работу с чувством вины. Контакт с сыном нарушен.

Раздражение – это, пожалуй, самое мелочное из всех наших чувств; а раздражительность – признак глубокой, иногда тайной мелочности характера. Раздражительность возможна только там, где есть уверенность в безнаказанности. Малейшее подозрение об опасности, о возможности ответного применения силы мгновенно снимает раздражение – человек успокаивается или, наоборот, разъяряется, но слово «раздражение» перестает отвечать состоянию его чувств.

Известно, что при стрессе выделяются определенные гормоны, но что, скажите, происходит с нами при раздражении? Думается, ничего хорошего. При стрессах одни люди действуют хуже, чем обычно, другие – лучше. В раздражении все решительно действует хуже собственных стандартов поведения. Стресс подавляет одни чувства и обостряет другие, раздражение же, по-моему, вытесняет или по крайней мере обедняет все наши эмоции, как положительные, так и отрицательные; это всеобщий суррогат чувств. И чем беднее человек эмоционально, тем он раздражительнее.

Если с таких позиций понимать раздражительность, то станет многое понятно в отношениях детей и родителей. Заметим сразу: дети никогда не раздражаются из-за взрослых! Они могут быть раздражительны в детской среде, где есть сильные, слабые и равные, но по отношению к взрослым дети бывают лишь капризны, а не раздражительны.

Почему?

Да потому, что дети всегда слабее взрослых. Раздражение – свойство сильного, это капризы людей взрослых, и, подобно тому как родители пишут письма в редакции: «Посоветуйте, что нам делать с капризными детьми?», дети, в свою очередь, могли бы писать по тем же адресам: «Что нам делать с раздражительными родителями?» Но едва иной ребенок становится взрослее, вступает в переходный возраст, он тут же начинает сам раздражаться, причем с такой иногда силой, что кажется, будто раздражительность – первая из взрослых доблестей.

Это он набирает силу, наш ребенок! А пользоваться ею пока не умеет.

Раздражительность потому еще так свойственна подросткам, что это прежде всего болезнь справедливости, поломка чувства справедливости. Раздражение похоже на гнев, но это почти всегда гнев несправедливый! И в других человеческих чувствах бывает мало здравого

смысла, и ярость бывает слепой, и любовь – глупой; вообще, думается, чувства и здравый смысл лежат в разных, лишь иногда пересекающихся плоскостях. Но раздраженный человек всегда чувствует себя правым, вот в чем беда! «У сильного всегда бессильный виноват!» Немногие считают себя самыми умными людьми на свете, право же на раздражение каждый признает только за одним человеком – за собой. Раздражительность – болезнь людей, всегда и во всем правых. У подростка же чувство справедливости, обращенное не на себя, а на мир, сильно обострено, и так как мир обычно не отвечает высоким, но абстрактным требованиям подростка, то вот и раздражение. «Да, – мог бы сказать подросток, – я очень плохой, я еще слаб, я лишь вступаю в этот мир, я в нем новичок; но вы-то, взрослые, сильные люди, постоянно попрекающие меня, вы-то, живущие в твердом, устоявшемся мире, – вы почему не идеальны?» Острая несправедливость – глубокая черта подростка, страстно стремящегося к справедливости. Отсюда и его раздражительность...

К знакомой учительнице явилась однажды вечером, после работы, комиссия по письменной жалобе соседки, живущей этажом ниже. Соседка писала, что у нее над головой целый день топают...

Ну кто бы, вы думали, топает? Кошка.

– Но ведь все-таки у меня кошка, а не слон! – изумилась учительница.

– Как знать? Может быть, вы держите в квартире кота в сапогах? – мрачно пошутил один из членов комиссии, и по предъявлении обыкновенной босой кошки средних размеров жалобу закрыли.

Но если раздражает даже кошка на верхнем этаже, то как же раздражают дети – чужие и свои!

Почему раздражают нас дети?

Потому что не отвечают они порой нашим представлениям о замечательном ребенке, который по заслугам должен быть послан такому прекрасному человеку, как я. Ходит грязный, не умеет вести себя за столом, бездельничает, плохо учится!.. Ленивый, медлительный, неаккуратный ребенок, глаза бы на него не смотрели!

И потому еще раздражают они нас, что мешают. Я устал, а он шумит. Я хочу посидеть в тишине, а он включает телевизор. Я люблю порядок, а он все раскидал.

И потому, что он, видите ли, не слушается! Я ему сколько раз говорил, чтобы он вовремя приходил домой, – нет, бегает где-то допоздна. Не то меня раздражает, что он поздно приходит и мать волнуется, а то, что я сто раз ему говорил! Значит, мое слово ничего не стоит в моем доме?! Может, и я ничего не значу?

Нетрудно заметить, что все эти наши претензии несправедливы – недаром они вызывают именно раздражение, а не гнев и не злость. Ребенок и не может быть идеальным существом, а если он плохо воспитан, как нам кажется, то скорее всего виноваты в этом мы сами – именно потому, что воспитывали его в раздражении. Надо ли говорить, что раздражение на сто процентов лишает наши воспитательные действия силы! Я могу влиять на ребенка только в той степени, в какой я справедлив. Раздражение же, как и всякая несправедливость, вызывает отталкивание от моих слов и моего примера. Воспитывать в раздражении – все равно что включить в машине полный газ и одновременно нажать на все тормоза. Но в жизни, но в отношении к детям иные родители не знают другого состояния...

Обычно говорят, что раздражение надо сдерживать – сосчитать до десяти или даже до ста, прежде чем сделаешь ребенку замечание. Кто не слышал таких советов! И каждый обещал держать себя в руках.

Увы, дело обстоит сложнее. Раздражение – первый признак уходящей, погибающей любви. Пока человек любит, его ничто не раздражает в любимом. Как только любовь уходит, начинает раздражать все. Классический литературный пример – привычка Каренина дергать себя за ухо, так раздражавшая его жену Анну. Теперь уже и в газетных статьях пишут про «уши Каренина», которые послужили причиной развода...

Присмотритесь внимательнее – не слишком ли многое раздражает вас в вашем ребенке? Не значит ли это, что вы перестаете его любить? И если вам кажется, что вы правы,

что ваш ребенок невыносим, то тем хуже обстоят дела, потому что стойкое чувство правоты – первый и верный симптом пустой раздражительности, несправедливого гнева.

Нет, здесь не призыв к олимпийскому спокойствию, наоборот! Только когда поймешь особое место раздражительности среди других наших чувств, поймешь, что можно сердиться на ребенка, можно огорчаться, можно злиться, можно и гневаться – все не во вред! Но нельзя проявлять суррогатное чувство мелочного раздражения. Если постепенно, потихоньку учить подростка различать свои чувства, разделять злость и раздражение (а это не так уж трудно!), то можно вырастить воспитанного человека.

Спору нет: когда закипает в душе раздражение, сдержаться трудно. Но попробуйте задать себе два коротких вопроса: «Чем виноват перед тобой ребенок?» и «Любишь ли ты его?». Обычно при слове «любовь» раздражение стихает. Можно, однако, заметить, что привычка (а это привычка!) к раздражению убивает, подтачивает любовь...

Бегу в метро, мне нужно разменять в автомате 20 копеек на пятаки. Передо мной старый человек, и у него упала монетка, он нагнулся, долго ищет ее, загоразивая автомат так, что я не могу и помочь ему. Чувствую укол раздражительности в груди – да что этот старик там возится? И сейчас же заставляю себя подумать: «А чем он виноват?»

Никто из нас не раздражается против самого себя (хотя, бывает, мы и обижаемся на себя, и сердимся, и гневаемся). Это говорит о том, что раздражение вполне можно победить, а раз так – это признак распушенности. Сознаться: иной раз нам просто не хочется успокаиваться, снимать раздражение, нам почему-то выгодно не снимать его, выгодно, чтобы нас немножко боялись.

Приведу в заключение отрывок из воспоминаний Джона Голсуорси, в которых он рассказывает о своем старшем друге, известном писателе Дж. Конраде. «Он, – пишет Голсуорси, – не скупился на проявления доброжелательного интереса. В его письмах – а я получил их около трехсот – каждая фраза явственно говорит о его желании, чтобы я работал как можно лучше. В них много строгих критических оценок, но никогда не чувствуется раздражения и нет недостатка в поощрении и похвалах».

Вот формула успешного воспитания: доброжелательный интерес; стремление к тому, чтобы ваш воспитанник работал как можно лучше, строгая и критичная оценка его работы; поощрение и похвала. И ни малейшего раздражения!

Можно привести эту формулу в сокращенном виде: строгость плюс похвала минус раздражение.

Дурное влияние?

«Не хочу плохо отзываться о своей матери, но она просто сволочь. Она портит мне ребенка», – услышал я в электричке в обычных разговорах о политике и воспитании детей – о чем еще разговаривать в дороге?

Чем и как именно портят детей наши бабушки, тещи, свекрови и жены, давно известно: они детей балуют. Вечные жалобы: «Это все она, это жена избаловала сына, я сколько раз говорил ей!»

В этих жалобах интересно убеждение, разделяемое многими людьми: «У меня такой хороший ребенок, но кто-то портит его...»

Не знаю, как насчет бабушки, о которой ее дочка не хочет плохо отзываться, но ведь и в самом деле мы не одни воспитываем своих детей. Если представить себе ребенка как некое возделываемое нами поле, то ведь много народу, кроме нас, родителей, рассеивает на этом поле семена добра и зла, полезные злаки и сорняки. Так, во всяком случае, нам кажется: одни влияют на ребенка хорошо, другие плохо. Учитель в школе, желая описать плохое поведение ученика, обычно вставляет в характеристику дежурную фразу: «Дурно влияет на товарищей». Тут содержится намек на необходимость изоляции, да и родители, со своей стороны, пишут: «Просим оградить наших детей от...»

Что поделаешь? В каждом школьном классе, в каждом дворе есть кое-кто, плохо

вливающий на наших детей, и выражения «дурное общество», «плохая компания» не сегодня появились. Мамы всего мира сердятся на своих детей: «Андрей! Сколько раз тебе повторять? Не водись с Сергеем, он плохо влияет на тебя, он из плохой семьи!» А мама Сергея бранит сына за то, что он дружит с Андреем, который, конечно же, плохо влияет на него, потому что из дурной семьи.

– А как бы вы поступили? – спросила меня одна мама после того, как выгнала, а если говорить прямо, то спустила с лестницы товарищей своей дочки-десятиклассницы. – Легко говорить, – продолжала мама в возмущении, – легко писать, что мы должны быть терпеливы и хорошо относиться к друзьям своих детей, но видели бы вы, как они себя ведут, во что они превратили дом!

Что правда – то правда. Писать о воспитании многих детей гораздо легче, чем воспитывать одного ребенка, и я понимаю, как трудно сдержаться маме, если ее сын дружит с одноклассником, который во всеуслышание заявляет:

– Я уроков никогда не делал, не делаю и делать не буду, я школу ненавижу!

Никакого терпения не хватит, и бедная мама приказывает сыну:

– Чтобы я больше этого твоего товарища не видела, слышишь? Я запрещаю тебе дружить с ним, слышишь?

Не могу бранить маму и объяснять ей, что она не права. Не знаю, права она или не права, ибо никому не дано наперед знать, из какой школьной дружбы что получится, и никто не может правильно оценить чужое влияние. Ведь всякое влияние, кроме того, что оно хорошее или плохое, еще может быть бедным или богатым, и там, где говорят о влиянии, всегда есть двое, две души – кто может знать, что получится при соприкосновении двух детских душ?

Заметим лишь, что, как бы мы ни старались оградить наших детей, все равно до них дойдут и грязные слова, и грязные истории, все равно они увидят грубых людей, бесчестье и несправедливость. От этого никуда не денешься. Критическая точка всякого воспитания – столкновение ребенка или подростка с грубым миром, который, как нам кажется, губит плоды тяжелых наших воспитательных усилий и трудов. Мы сердимся, мы оглядываемся в поисках кого-нибудь, на кого можно излить свой гнев – на товарищей сына, на школу, на телевидение и кино, на рок-музыку...

Что ж, предположим, что мир есть сплошное зло и дурно влияет на детей – пусть так. Согласимся и с тем, что мы с вами не можем в один день изменить этот мир и не можем оградить ребенка от его влияния. Что тогда?

Тогда у нас есть следующие три возможности.

Первая. Мы можем постоянно показывать сыну, как ужасен этот мир, как плохи и бесстыдны люди, сколько среди них обманщиков, бездельников, воругов, как плохи наши законы и сколько вокруг беззакония. В этом случае, полагаем мы, сын будет все знать, никто его не обманет и он никогда не испытает разочарования.

Вторая. Мы можем стараться оберегать детскую душу, не говорить о людях дурное, показывать: все хорошо в этом лучшем из миров, он прекрасен, как в песне.

Третья. Не чернить мир и не представлять его в розовом свете, и вообще делать упор не на слова и объяснения, а больше заботиться о том домашнем мире, в котором живет ребенок. Ведь в его душе мир не делится на семейный и, скажем, школьный. Всякое добро, которое ребенок видит дома, – это добро мира. Постараемся, чтобы домашний мир был добрым и честным, чтобы добро и совесть правили в нем, и тогда ребенок, вырастая, сумеет противостоять тому дурному, что есть в дурных влияниях, тогда он будет обогащаться от каждого влияния – это так, я это видел много раз.

Ну а если и дома плохо? Если мать, теща, свекровь, жена дурно влияют на сына? Не хочу плохо отзываться о них, но противодействием может быть лишь одно: не борьба с родными, а собственное доброе влияние на детей.

Слово «милосердие» старо как мир, но в наш современный язык оно вошло совсем недавно, вошло как новое, обновленное слово, как потерянная и вдруг найденная величайшая драгоценность. И если бы сегодня составляли частотный словарь русского языка, то слово «милосердие» заняло бы, возможно, одно из первых мест по частоте употребления.

Но что оно значит, это слово, это понятие? И главное, как воспитывать милосердие в детях? Можно ли и нужно ли воспитывать милосердными детей в наш трудный и все еще недобрый век?

Многие родители боятся воспитывать детей добрыми и милосердными. Им кажется, что, когда дети вырастут, им будет трудно, они не сумеют дать сдачи. Но опыт показывает, что добрым и милосердным легче жить, потому что их все любят. А злоба сжигает сердце, злобный человек чаще болеет и раньше умирает. Кроме того, подумайте: каково будет его семье, каково будет жене и детям? Эстафета добра и зла бесконечна, и в вашем доме на смену злым детям могут прийти злые внуки. Хорошо ли вам тогда будет?

Вот несколько идей и предложений для родителей, которые хотели бы, чтобы их детям было доступно милосердие.

Милосердие – это милость сердца. Милость, любовь, нежность, мягкость. Немилосердный – жестокий, ожесточенный, ожесточившийся, способный принести боль, не чувствующий боли другого, не замечающий ее, пренебрегающий ею.

Чужая боль, чужое несчастье, чужая потеря, чужое падение – вот на что обращено милосердие.

Итак, вопрос в том, как научить ребенка чувствовать чужую боль – это во-первых, и как научить его страдать от чужой боли. То есть со-страдать. Милосердие – это сострадание. По самому смыслу слова оно имеет дело лишь с бедой, с несчастьем, с трагедией. Об этих явлениях человеческой жизни педагогика предпочитает умалчивать, и потому-то слово «милосердие» выпадает из педагогического, родительского лексикона.

В этом одна из причин растущей жестокости наших детей.

Посмотрите, о каких страшных фактах насилия сообщают газеты, сколько вандализма видим мы вокруг себя. Все, что можно сломать и разбить, – все сломано и разбито, всюду, где можно написать похабное слово, – оно написано. Иногда кажется, будто растет какое-то особо жестокое поколение. Это, конечно, не так, но будем внимательными. Каждый из нас, родив ребенка, должен привести его в мир добрым и милосердным.

Некоторые родители, начитавшись педагогических книг, полагают, что надо создавать специальные, особые ситуации, в которых и воспитывать необходимые чувства. Но это не так. Милосердие – естественное чувство, его невозможно вызвать нарочитой ситуацией. Его невозможно вызвать и упреками: «Ну почему ты такой злой? Ну как ты можешь? Ну неужели у тебя нет сердца?» Если бы к милосердию можно было приучать, как к мытью рук, – человечество было бы в тысячу раз добрее. Но в том-то и трудность, что милосердие не воспитывается нашими привычными приемами – наградами и наказаниями, упреками и похвалами. Оно даже не воспитывается примером! Кто не видел 17–18-летних девиц, которых, кажется, ничем не проймешь, которым, кажется, все человеческое чуждо, а ведь и у них дома добрые мамы, ведь они слышали, что есть на свете жалость.

Ни угрозой, ни наказанием, ни наградой, ни даже примером милосердие не воспитывается. А как же?

Считается, что милосердие воспитывается любовью к животным. Наверное, это так. Соприкосновение с живым рождает живые чувства. Но заметим, что собаку или кошку жалеть легче, чем человека, потому что собака и кошка, как правило, не приносят зла, не обижают хозяина, не предадут его, а с человеком случается всякое.

Не приходится учить детей любить тех, кто любит их и хорошо к ним относится. Но как научить любить всякого? Чувствовать всякого? Как все-таки научить его ощущать боль живого?

– Оно живое, значит, ему может быть больно, – постоянно исподволь, не прекращая усилий, внушайте ребенку эту мысль. Все живое – болит, все живое чувствует боль. Живым только и можно назвать то, что чувствует боль. И того, кто чувствует боль. Все, что не чувствует боли, – камень, мертвый камень. Человек, не чувствующий боли – не человек, а мертвец, камень. «И ты живой, – говорите ребенку, – потому что ты чувствуешь боль, и не только тогда, когда у тебя болит, но и тогда, когда больно другому». Учите детей: свою боль терпи, от чужой боли умирай.

Правильно ли, что милосердные дети растут только у милосердных родителей?

Мы часто немилосердны друг к другу, не прощаем ни малейшей оплошности. Надо менять отношения между взрослыми, и тогда будут меняться отношения между детьми, будет меняться их отношение к жизни.

Но пока отношения еще не изменились, что – положение безнадежно? Ничего не выйдет? Нет, вспомните, ведь даже в самых жестоких условиях и обстоятельствах совершались милосердные поступки. Иногда сын отца-алкоголика навсегда, на всю жизнь зарекается от спиртного. Это происходит вопреки воспитанию, вопреки примеру. Но, пожалуй, не стоит уповать на случай.

Подумав, мы должны будем признать, что есть один и только один способ учить милосердию – быть милостивым к ребенку. Милость, милосердие к ребенку означает прощение, пощаду. Но не всепрощение.

Всепрощение – это безразличие, в безразличном прощении нет момента страдания, все прощают своим детям лишь небрежные в воспитании родители. Милостивые, милосердные родители страдают, когда их ребенок совершает что-то дурное, и вот это-то страдание, и только оно, может породить чувство ответного страдания у ребенка.

Это вовсе не значит, что он сразу станет отличником в домашнем поведении, быть может, он завтра же причинит вам новое горе, но будьте терпеливы, ребенок должен видеть, что любящее терпение родителей может быть бесконечным, что родители не способны ожесточиться. Тогда он вырастает в убеждении, что ожесточение, озлобление – это грех, это несовместимо с человечностью.

«Не ожесточайся, не озлобляйся ни при каких обстоятельствах», – этому мы будем учить ребенка с тех пор, как только он начнет понимать нас.

Жизнь наша трудна, многие живут в тесноте, многим приходится бороться буквально за кусок хлеба. Эти условия сами порождают злобу и зависть. Ребенок часто бывает свидетелем злых домашних скандалов. В маленьком сердце рождается желание мести, оно отвердевает, становится недоступным человеческим чувствам. Было бы наивно призывать к миру немирный дом. Или учить родителей не скандалить в присутствии детей. Но все-таки помните о детях. И после самых жестоких сцен старайтесь успокоить ребенка, размягчить его, утешить, пожалеть. Чтобы он не подумал, что до него никому нет дела и что все люди жестоки.

Вот это опаснее всего: если ребенку станет казаться, что жестоки все, что это норма жизни. Такой ребенок думает: «Я плохой – но и все плохие», или того страшнее: «Я хороший, а все плохие».

Если все плохие – то некого и жалеть, и милосердие становится излишним.

Внушайте детям, что милосердие – это не слабость, а сила, что милосердие – это чувство сильных людей, способных прийти на помощь.

Нас много лет учили «не унижать человека жалостью», но ведь это не Горький сказал, это сказал его герой, выбитый из жизни и теряющий человеческое лицо. Жалость не унижает, а возвышает человека – и того, кто жалеет, и того, кого жалеют. Если меня жалеют – значит, я чего-то еще стою. Значит, у меня еще есть надежда. Особенно важно пожалеть ребенка, когда он перед всеми провинится, совершит что-то ужасное, такое, что от него все отвернутся. Пусть его покарает закон и суд, пусть от него отвернутся товарищи, но мать и отец все равно должны быть милосердными к нему. Помните, как у Пушкина: «И милость к падшим призывал!» Падший – погибший в глазах общества, нарушивший закон, преступник.

Декабристы были преступниками с точки зрения государства, Пушкин призывал быть милостивыми к ним. Милосердие не может распространяться только на отличников производства, только на добропорядочных. Все живое – болит, все живое заслуживает милосердия.

Но вот еще один, может быть, и главный источник милосердия в сердце ребенка – книги. И доброе кино. У нас совсем не стало книг, над которыми можно поплакать, и на пальцах одной руки пересчитаешь фильмы, вызывающие добрые слезы у детей. Но все-таки ищите такие книги и такие фильмы. Читайте с детьми вслух Диккенса, на его книгах учились милосердию целые поколения. Читайте с ними «Овод», книги Короленко, Андерсена, Экзюпери, книгу А.Приставкина «Ночевала тучка золотая».

Детские слезы... Это бывают слезы обиды, горечи; есть дети, которые плачут по каждому поводу, неприятно слезливы, у них глаза на мокром месте. Но ведь есть и святые детские слезы – слезы сочувствия к другому человеку. Дорожите такими слезами.

Мы понимаем, что наши советы – самого общего характера, что ничего в них нового и необычного нет. Но если мы привлекли ваше внимание к воспитанию милосердия, если вы хотя бы задумались о том, как трудно воспитывать его и как важно воспитывать его, то наша цель хоть в малой степени достигнута.

Три модели воспитания – привычные, но негодные

Три самые привычные модели воспитания подсказывает страсть к воспитанию; назовем их условно «правила движения», «сад-огород» и «кнут и пряник».

Модель «правила движения». Нам кажется, будто детей воспитывают точно так же, как обучают их правилам уличного движения. Будто ребенок должен выучить некий свод правил – вот и все! Если ребенок ведет себя плохо, значит, взрослые, ответственные за его воспитание, не объяснили ему, как надо себя вести, поленились, проявили нерадивость. Если бы они, не жалея сил, объясняли детям, и особенно подросткам, как надо себя вести, то все было бы хорошо. Так и предлагают: надо ввести в школах урок морали. А когда подростки совершают что-нибудь дурное, то говорят: куда же школа смотрит? Почему им в школе не объяснили, как надо себя вести? Надо было, например, объяснить подросткам, что нехорошо угонять чужую машину даже с невинной вроде бы целью покататься.

Но отчего одни люди, и в руках не державшие Уголовный кодекс, не нарушают закона, а другие, вызубрив все статьи кодекса наизусть, то и дело попадают за решетку? И разве есть на свете хоть один ребенок, который не знал бы, что не только машину – и самокат чужой брать нехорошо?

Много лет назад в Москве, в городском суде на Каланчевке, разбиралось дело молодого человека лет двадцати, убившего свою жену – и не в припадке ярости, а холодно, расчетливо убил он, чтобы доказать, что он сильный. Он был умен, образован, с хорошими манерами. И мама его тихо говорила на суде:

– Гена, ну что ты наделал? Я же тебя учила только хорошему! Ну скажи им, что мы с отцом учили тебя только хорошему!

Гена молчал.

Я помню эту скромную женщину, и не было никакого сомнения в том, что она и вправду учила сына только хорошему. Да ведь и все мы учим хорошему, разве не так? Редко кто внушает детям дурные мысли. Но дети вырастают хорошими детьми не потому, что мы их учим хорошему, а дурными – не потому, что учим дурному, а по другим причинам, которые мы отчего-то и знать не хотим, безоговорочно веря в силу своего слова: «Ну я же тебе сказал! Ну я же тебе говорил! Ну сколько раз тебе говорить, сколько раз тебе повторять! Ну что же ты – русского языка не понимаешь?»

У одного литературного героя с детства висела перед глазами пропись: «Не лги, послушай старшим и носи добродетель в сердце». А вырос Чичиков.

Вера в магическую силу своего собственного слова идет с тех пор, когда вся жизнь

человека складывалась как система подчинений. Мы видим, что многие родители, как и раньше, учат своих детей и поучают; нам кажется – и у нас должно получаться. Но мы не замечаем, что в тех, удачных, семьях действуют и еще какие-то силы, которых у нас нет. Не на одном лишь «я сказал!» держится там воспитание.

Модель «правила движения», вера в магическую силу поучений, нотаций, правил сильно подводит нас.

Вторая модель, «сад-огород», основана на всеобщем, я бы сказал, заблуждении, будто мы, родители или какие-то другие воспитатели, можем обходиться с ребенком, как с грядкой – выпалывать сорняки-недостатки в его душе; или как с деревом – прививать ему отдельные положительные качества. Но ребенок не грядка и не дерево, он существо одушевленное, он не поддается этим процедурам и манипуляциям. Я много раз видел родителей, которые борются с недостатками своих детей, но ни разу не слышал, чтобы эта борьба увенчалась успехом – если только дети не выросли и недостатки не исчезли под влиянием других каких-то причин (вот их-то и надо бы заметить).

Знакомый журналист еще двадцать пять лет назад жаловался на десятилетнего сынишку – не убирает в своей комнате, неряхой растет! И вот встречаю: «Как дела? Как сын?» «Да беда с ним, – нахмурившись, сказал знакомый. – Неряхой растет, в комнате не убирает...» Потом оказалось, что сыну-то уже тридцать пять, он кандидат наук, автор нескольких изобретений, специалист в новой и сложной отрасли техники... А отец все воюет! Все борется с недостатком! Двадцать пять лет борется и не устает, потому что уверен, что это его педагогический долг – искоренение недостатков. В.А. Сухомлинский говорил в таких случаях, что воспитание идет «по ложному пути». «Пороки, – писал он, – искореняются сами по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств».

Установим: выпалывание недостатков – занятие бессмысленное, не дающее результатов, и чем более категорично об этом будет заявлено, тем больше пользы родителям, потому что, к сожалению, очень многие родители глубоко уверены, что воспитывать ребенка – это значит не что другое, как бороться с его недостатками, и когда говоришь, что не надо с ними бороться, они в изумлении спрашивают:

– А как же тогда воспитывать? А что же тогда делать? Терпеть?

Модели «правила движения» и «сад-огород» особенно опасны тем, что мы, следуя им из лучших побуждений, постоянно ссоримся с детьми, разрушаем контакты – и вся наша воспитательная работа становится безнадежным занятием. При этом мы не понимаем, отчего же так случилось.

Наконец, о модели «кнул и пряник». Вот, кажется, без чего нельзя, вот самое естественное: за добрый поступок наградить, за дурной – наказать, поругать, пожурить. Как иначе? На этом мир держится.

Но мир не держится на штрафах и наградах, это нам лишь кажется. Мир устроен принципиально другим образом.

Жизнь представляет собой непрерывную цепь задач и выборов, целей и средств. Неудачные выборы действительно влекут за собой неприятные, а то и просто тяжелые последствия; но за благонравие вовсе не причитается воздаяние, а за дурным поступком вовсе не всегда следует возмездие, потому что жизнь, бывает, и ошибается в распределении наград и штрафов. Кроме социальной справедливости или несправедливости есть еще и беды, утраты, несчастья, болезни, и они выпадают отнюдь не тем, кто их заслужил, кто «сам виноват». В счастье есть и элемент случайности. Бывает у нас и нечистая совесть, и когда приходит беда, мы готовы принять ее как нечто заслуженное, как наказание; мы связываем прегрешения с наступившей бедой, нам кажется, что между ними есть связь, что беда пришла в наказание, что кто-то наказывает нас, как в детстве родители наказывали за проступки.

С первых дней жизни воспитывая ребенка поощрениями и наказаниями, то есть

пытаясь воздействовать на него напрямую, мы сильно облегчаем себе работу воспитания, но одновременно мы внедряем в сознание ребенка образ вселенского кнута и пряника и подрываем его веру в справедливость.

Но разве справедливость не состоит в награде за добро и наказании за дурные поступки?

Конечно, нет. Если бы это было так, то воспитание и вообще было бы невозможно, потому что выросший сын очень скоро обнаруживал бы, что не всегда выпадает награда за добро и следует наказание за дурные поступки. Мы никогда не смогли бы внушить детям любовь к людям и веру в правду.

Но справедливость – не в расплатах и мщениях, мир не торжище, не базар и не рынок, мир, скорее, похож на мастерскую. Мир не торговля, не обмен: «Я сделаю добро – и мне кто-нибудь сделает». А если не сделает, тогда что?

Тогда я стану злым? Нет, человек в своей душе не купец, а творец. Мы любим, мы стараемся совершать добрые поступки, мы трудимся, мы наслаждаемся жизнью потому, что она сама есть творчество, она носит проблемный, а не обменный характер.

Справедливость мира – в его творчестве, проблемности, в нашей деятельности и борьбе. Пока я живу, есть и возможность действовать, стремиться к счастью, вот в чем справедливость. И мы, целиком полагаясь на внутренние силы ребенка, верим в них, растим человека, который не нуждается в страхе, регулирует свою жизнь, исходя из внутренних своих побуждений, ведет себя как человек не потому, что он чего-то боится, а потому, что он действительно человек, нравственное и духовное существо. Или мы этого ничего не признаем, в ребенка нашего не верим, в свою нравственную силу не верим и действуем по модели «кнут и пряник».

Воспитывать по модели «кнут и пряник» относительно легко; такое воспитание нельзя не признать действенным, особенно если проводить его неуклонно. Но оно опасно для будущего детей. Может вырасти человек, который при первой же серьезной неудаче, при первой же беде возденет руки и возропшет: «За что?!» И потеряет веру в правду, веру в жизнь, в любовь и совесть. И тогда окажется, что его воспитывали безнравственным. И тут уж настанет наша очередь воздеть руки и воскликнуть: «За что? За что нам такое наказание, за какие грехи?»

Мы все воспитаны по привычным моделям, никуда от них не уйти. Мы тоже будем воздействовать на детей, воспитывать их в дурном смысле слова, мы тоже люди, и значит, в нас тоже кипит страсть к воспитанию. Мы непременно будем и поучать детей, и приучать их, не имея на то силы и времени, и поощрять, и наказывать; но...

Мы можем изменить взгляд на ребенка, свое представление о нем, Образ Ребенка, и у нас постепенно выработается другое, новое, лучшее отношение к нему. Это единственный шанс для слабого, неспособного, несовершеннолетнего воспитателя.

Каждое утро повторяю как молитву, взываю к тому лучшему, что есть во мне: «Мне послан ребенок; это дорогой мой гость; я благодарен ему за то, что он есть. Он так же призван к жизни, как и я, это нас объединяет – мы живые люди. Он такой же, как и я, он – человек, и не будущий человек, а сегодняшней, и потому он другой, как и все люди; я его принимаю, как всякого другого человека. Я принимаю ребенка... Я принимаю его, я охраняю его детство, я понимаю, терплю, принимаю, прощаю. Я не применяю силу к нему, не угнетаю его своей силой, потому что я его люблю. Я люблю его, и я благодарен ему за то, что он есть, и за то, что я могу его любить, и тем самым я возвышаюсь в духе своем».

Если бы не было этих чудесных гостей на земле – детей, то мир погиб бы не от старости, нет, еще прежде – от бездуховности своей.

В сущности, как мало нужно для хорошего воспитания! Надо лишь понять, что нет двух отношений к ребенку, человеческого и педагогического. Есть одно, одно и только одно: человеческое.

VII. Дети и заповеди. Главный вопрос педагогики – верим ли мы в правду

Что есть правда?

Название этой заметки ужаснет иного читателя, и самое легкое его обвинение в адрес автора будет обвинение в гордыне.

Это кто же на свете знает, что такое правда?

Я. Я знаю. Я обязан знать это, как всякий человек, у которого есть дети, который воспитывает детей. Воспитывать без понятия о правде невозможно. Правда – соль воспитания.

В педагогике давно, со времен Коменского, введен принцип природосообразности: воспитательные меры, воспитательная система должны отвечать физиологической и психологической природе ребенка, против природы не пойдешь. Но ведь кроме естественной природы у ребенка есть природа социальная, и ее суть – правда, выработанная человечеством за тысячелетия его развития.

Рядом с принципом природосообразности должен быть и принцип правдосообразности: воспитательные меры должны отвечать правде. Кто не знает, кто не чувствует правды, кто не стремится душой к правде, тот не может хорошо воспитать детей, и нет исключения из этого довольно сурового закона.

Известная детская формула хорошего учителя: «Строгий, но справедливый». Тут интересно «но» – лучше бы учитель был не строгим, а добрым человеком; однако дети готовы простить даже и недостаток доброты в пользу справедливости. За справедливость прощают все, это человеческое качество номер один.

Дети могут жить в беде, без ухода, полуголодными и грязными, но без справедливости они буквально задыхаются. Если же вокруг них царит неправда, их внутренний мир перестраивается так, чтобы он отвечал обстоятельствам и справедливость – иногда в самом извращенном виде – восстанавливалась. Так и появляются преступные души. С детьми, которые приладились душой к несправедливому миру, никак не договориться, и воспитывать их очень трудно.

Хотите вырастить честного человека? Хотите вырастить порядочного? Не говорите ему о правде, не изобличайте его во лжи, поступайте щепетильно, справедливо по отношению к нему, и все будет хорошо. Справедливость – поступок по правде, с-правдой. Поступая справедливо, мы не торгуемся с детьми: «Ах, ты так со мной? Тогда и я так». Мы соотносимся не с детским поведением, а с правдой.

Но что же все-таки правда?

Обратим внимание на языковую тонкость, имеющую не только филологическое, но и философское значение: слово «истина» имеет множественное число (у Пушкина: «Тьма низких истин»), а слово «правда» не имеет его. Истин – бесконечное множество, тьма, а правда одна, одна и только одна. Это потому, что истины относятся ко всему на свете, а правда – лишь к человеку. «Скажите, который час?» – мы хотим знать истину. «Скажите мне правду, который час?» – мы обращаемся к человеку, который может сказать правду, но может и обмануть. Правда всегда относится к человеку, правда – это о человеке. Человек, сказано, – мера всех вещей. Правда – мера человека вообще, цена его, достоинство. В подлинной правде – возвышение человеческого достоинства. Правда в том, что человек велик. Когда люди добиваются правды, это значит, что они хотят быть людьми и чувствовать себя людьми. Любое унижение человеческого достоинства – и ложь, и зло одновременно.

Следовательно, дело обстоит, на мой взгляд, следующим образом. В нашей общей духовной действительности есть идеальная правда. Она существует вне меня, вне вас, она общая и одна на всех. Поступая по правде, мы поступаем справедливо, мы претворяем идеальную правду в реальную справедливость.

Правда есть без нас, за справедливость приходится бороться. Смысл жизни в самом

общем виде и состоит в том, что человек превращает идеальную правду в идеальную справедливость. Когда мы, воспитывая детей, поступаем с ними по правде, то есть справедливо, идеальная правда становится содержанием совести ребенка. Он постепенно становится совестливым человеком, и с ним можно иметь дело. Воспитывать бессовестного нельзя, не получается.

В известном монологе Сатина из пьесы Горького «На дне» есть слова о том, что правда – Бог свободного человека. Это очень важное и точное соединение слов: правда и свобода неразрывны, свободы без правды нет.

Таким образом, главный вопрос педагогики таков: верят ли воспитатели в правду? Если верят – дети вырастут совестливыми, справедливыми, порядочными людьми. Если не верят – ничего детям не поможет, воспитание без правды невозможно. Воспитание должно быть правдосообразным.

Все на свете

Что говорить детям? Пожалуй, важнее вопроса нет. Вот наша жизнь, вот что мы о ней знаем, вот что мы о ней недавно узнали, вот что мы о ней думаем, пишем и говорим между собой.

Но что говорить детям?

Сиюминутная, свежая правда злободневна, зла. Она содержит в себе элемент уничтожения, она отрицает вчерашнюю правду. А все, что содержит в себе зло, даже и необходимое, то, может быть, и правда, но не та она, чтобы поднять ею ребенка.

Рассказывайте детям о вечной правде.

Вот три истины, которые, если их исподволь, но постоянно внушать ребенку, могут стать ему внутренней поддержкой на всю жизнь.

Говорите детям: все на свете или правда, или неправда. И очень важно, говорите им, что же перед тобой, что же то, что ты сам делаешь: правда это или неправда. Дети лгут по тысяче причин, некоторым детям просто нравится врать – не стоит пугаться и каждый раз уличать ребенка во лжи. Афоризм Козьмы Прутков «Единожды солгав, кто тебе поверит?» к детям не относится. Дети, бывает, лгут постоянно, их вранье – детская правда. Изобличая или, того хуже, подозревая ребенка во лжи, мы внушаем ему, что он лжец, – он и становится лжецом навсегда. Лучше сделать вид, что мы верим сыну, считаем его за правдивого человека: но не упустим случая заметить: «Все на свете или правда, или неправда, середины не бывает. Полуправда – ложь. Думай сам».

Люди творят с правдой что хотят, они порой лгут так чудовищно, что беспардонная их ложь становится похожей на правду. И все мы знаем, как страшны оправданная ложь и оболганная правда. «Тем более, – говорим мы вырастающим детям, – тем более все на свете подлежит проверке на правду».

Не станем вдаваться в споры, всегда ли надо говорить правду и бывает ли ложь во спасение. Правда и неправда часто идут рядом, и все-таки они никогда не смешиваются. Все на свете или правда, или неправда...

И еще говорите детям: все на свете или добро, или зло.

Есть масса охотников распространяться на тему о том, что никто не знает, в чем добро и в чем зло, о том, что добро и зло относительно: что для одних добро, то для других зло. И со всех сторон уверяют, что нехорошо быть прямолинейным и все делить на чистое и нечистое – надо, мол, быть объективным.

Зло всегда ищет оправдания, а первое оправдание зла – смешение его с добром. У Шекспира в «Макбете» ведьмы поют хором нечто вроде гимна, который в переводе Бориса Пастернака звучит так:

Зло есть добро, добро есть зло,

Летим, вскочив на помело!

Если человеку кажется, будто добро и зло смешаны и перемешаны, будто не имеет значения, добро перед вами или зло, будто все это отвлеченное философствование; если ему так кажется, пусть оглянется вокруг – в каком-то из углов притаилось его личное помело, и оно пахнет серой. Пусть садится на него верхом и летит куда-нибудь подальше от детей, пока он не загубил их. Вспомним сказки: в них добро никогда не смешивается со злом. Потому что все на свете или добро, или зло, и между ними есть граница. Эту границу можно назвать словом «правда».

Доказать логически существование границы между добром и злом нельзя, это, если хотите, единственная аксиома воспитания. На ней выстраивается вся педагогика, и кто не верит в границу между добром и злом, тому не помогут ни «техника общения», ни ученые советы по воспитанию детей. Смените основной постулат, и получится другая педагогика – злая, злобная и злоторная.

Воспитание, как и всякое вмешательство в чужую жизнь (а что иное воспитание, если не вмешательство в чужую жизнь с благими намерениями?), бывает иной раз очень опасным именно потому, что родители творят сегодняшнее зло, оправдывая его будущим добром, которое будто бы произрастет из нынешнего зла. Но зло есть зло, оно порождает одно лишь зло, ничего больше. Охотники спорить найдут множество казусов, чтобы доказать обратное, но казусы есть казусы, а зло есть зло.

И наконец, главное – говорите детям: все на свете или красиво, или некрасиво. Все: человек, слово, поступок, вещь, машина. На свете нет ничего, не имеющего отношения к красоте. В красоте добро и правда, красоты без добра и правды не бывает; потому и говорится, что мир будет спасен красотой. Не любовью, не совестью, а красотой, в которой любовь, совесть и гармония.

Эти три истины – о правде, добре и красоте – важны тем, что порождают множество вопросов (что добро? что правда? что красота?). Но человек, постоянно помнящий эти вечные и неразрешимые вопросы, стремится к правде, добру и красоте; следовательно, у него есть дух, он духовный человек. То есть тот, кто придет на смену хомо сапиенс – человеку разумному.

На смену человеку разумному придет или робот обыкновенный, или человек духовный.

Главное слово – заступник

«Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками... И, разобщенные, они умирали в белой колымской пустыне – от голода, холода, многочасовой работы, побоев и болезней. Они сразу выучились не заступаться друг за друга. К этому и стремилось начальство», – пишет в одном из своих потрясающих душу рассказов Варлам Шаламов («Последний бой майора Пугачева»).

«Они выучились не заступаться друг за друга...»

Вот фраза, заключающая в себе, хоть и в отрицательной форме, важный моральный трактат. Она подводит нас к главному нравственному понятию, которое почему-то никогда не встречается в наших разговорах о вечных истинах. Главного слова нет!

Это слово – заступник.

Кто человек человеку? На этот вопрос отвечали по-разному. Говорили, что человек человеку – волк, человек человеку – друг (а также товарищ и брат). Когда-то я читал в записках старого русского писателя Алексея Ремизова, что человек человеку – бревно.

Оглядевшись вокруг и кое-что припомнив, согласишься: кто – волк, кто – друг, а кто и вправду бревно. Полное равнодушие.

Но если в одном слове выразить оптимистическое представление о человеке (а лишь такие представления годятся для воспитания младшего мира), то следовало бы сказать так: человек человеку – заступник. Кормилец, поилец, надежда и заступник.

Более того, человек лишь в той степени человек, в которой он способен заступиться за кого-то или за что-то. В заступничестве соединяются сила и нравственность.

Я читал однажды дневник погибшего в автокатастрофе 18-летнего юноши, с которым произошла среди других и такая история: лет в шестнадцать он шел по улице вечером, и на его глазах трое тащили девушку в темный двор. Он прошел мимо. Произошла странность: главное, что помешало ему заступиться, было немодное в ту пору длинное пальто. Он казался себе безобразным в этом пальто, он не мог броситься на помощь в таком глупом виде. Подростки... Но юноша не мог пережить позора. Он чуть не покончил с собой, он переменял всю свою жизнь, он бросил школу и пошел работать бетонщиком на завод. Как и многие юноши, он хотел стать человеком, а быть человеком для него означало быть способным заступиться.

Когда власти прежних времен хотели убить души, они доводили людей до такого состояния, что те переставали заступаться даже за родных и близких. Это самый надежный способ убийства личности. «К этому и стремилось начальство»... Это одна из самых страшных жестокостей тридцатых годов.

В 1949 году мой товарищ, с которым я полгода сидел рядом на лекциях, однажды не пришел в университет. Не было его и на второй день, и на третий, тогда я позвонил ему домой. Мама его, плача, сказала, что его арестовали. Что же я сделал?

Ничего. Я не спросил маму, за что. Я был как айтматовский манкурт, которого пыткой заставили забыть, кто он, чтобы обратиться в рабство. Меня и многих из нас заставляли забывать, кто же те люди, что возле нас, и тем порабощали. Заступничество каралось едва ли не жестче, чем, скажем, заговор против государства, потому что заговоры были фиктивными, а заступничество, пусть и редкое, было реальным.

«Не заступайся! Не смей заступаться!» – шипели на людей...

Но ведь и сегодня в школе первоклашкам внушают: «А ты почему вмешиваешься? Кто тебя просил? Тоже мне, адвокат нашелся! Без тебя разберемся!» У нас пока что первый кнут не доносчику, а заступнику.

Словом, молчи, когда твоего товарища бранят и обвиняют. Без тебя обойдутся и разберутся. С этого «без тебя» и начинается подавление хозяина в человеке, и вскоре он и сам себе не хозяин. Дозу за дозой вводят иные учителя убивающий личность наркотик: «Все будет без тебя», пока человек не начинает жить без себя, от самого себя отчуждается. Тогда он берется за реальные наркотики. Почти все школьные конфликты приводят к поиску зачинщика (то есть поощрению предательства) и подавлению заступников.

Из всех культов, которые необходимы обществу (культ Родины, культ нравственности, культ порядочности; общество без культов – это общество без культуры), на одно из первых мест стоило бы поставить культ заступничества. Будем хвалить наших детей за малейшее заступничество с их стороны, будем возвышать героев-заступников. Ведь и святым люди молятся – заступись! Заступники – святые.

Ваш ребенок – Дон Кихот?

Позволю себе полстранички воспоминаний. Двадцать лет назад я написал пьесу «Печальный однолюб». Там рассказывалось о хорошем учителе, прототипом которого был известный педагог из Донецка Виктор Федорович Шаталов.

Спектакль был поставлен во многих театрах и на телевидении, и в Москве шел пятнадцать лет, и каждый раз артист Геннадий Печников, игравший главного героя, произносил свой монолог о Дон Кихотах:

– В Москве, я видел на афишах, в пяти театрах – спектакли про Дон Кихота. Пьесы, балет и даже мюзикл. Будьте Дон Кихотами! Будьте Дон Кихотами! Большая нужда в Дон Кихотах... Хорошо ли это? Ну ладно, я стану Дон Кихотом. И меня тут же распнут на крыльях ветряной мельницы, как положено.

«Не-ет, Верочка, – говорил учитель Лунев-Шаталов влюбленной в него молодой

учительнице, – мне нельзя быть Дон Кихотом! Я не имею права пострадать! Не имею права ходить в обиженных, жаловаться на непонимание, намекать на то, что ничего у нас не сделаешь, вызывать сочувствие... Я не имею права быть неудачником. Пусть неудачник плачет! Но где-нибудь в стороне, подальше от школы...»

Но вот недавно телевидение показывало талантливый многосерийный спектакль о Дон Кихоте, и снова я стал думать о том, хорошо ли это – быть Дон Кихотом? Хорошо ли призывать людей к донкихотству? Хорошо ли то время, которое нуждается не только в героях, но и в сверхгероях, на них надеется?..

«Будьте Дон Кихотами» – это от доброго сердца или от дурной жизни, от страшного отчаяния?

Заострим вопрос: хотели бы вы, чтобы ваш ребенок вырос Дон Кихотом?

Какая-нибудь тетя самых строгих правил зайдетя от такого кощунства. Как же! Чистая нравственность! Защитник вдов и сирот! Благодетельство! Отвага! Бескорыстие!

Такие люди нам нужны, таких людей не хватает, повывелись. Что будет без Дон Кихотов?

Но каждый раз, пока шел телеспектакль, как включишь телевизор, много вечеров подряд все бьют нашего героя да колошматят. И что-то, знаете ли, не хочется такой судьбы ни моим детям, ни вашим.

Пожалуй, мой дядька из пьесы был прав – он защищал детей от философии неудачника, он хотел научить их побеждать – что плохого?

Но он и сам был Дон Кихотом, вот в чем дело.

Нельзя звать людей на подвиг, подвиг можно совершать лишь самому. В давней песне было: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой» – это в мирное-то время! Если в мирное время приказывают гражданам становиться героями, это не очень хорошо.

Пишу это – но с осторожностью. Нравственные вопросы так трудны! Однако именно эти, самые трудные, двойственные вопросы и воспитывают нравственность. «Не лги», «не воруй» – на этом высокие чувства не воспитаешь, главный секрет – в сложном, неочевидном, когда ум ничего сказать не может и, само собою, вступает сердце.

Четырнадцатилетняя славная девочка сердится на родителей:

– Вы сами христосики и из меня хотите христосика сделать, а я не буду им! Я буду злой!

Родители в ужасе. Что за чудовище они вырастили? Что за дети пошли? Но проходит время, девочка едет в гости в дальнюю страну, где очень дешевый жемчуг, и привозит по нитке чуть ли не всем девочкам в классе. Подруги в смятении: «Ты знаешь, сколько стоит такая нить?» «Ну и что? – беспечно отвечает девочка. – Мне же они почти даром достались».

Как это ни странно, многие родители хотели бы видеть своих детей позлее, жалуются на их доброту: «Теперь знаете, какие времена? Что-о вы! Люди та-акие стали! Пропадешь!»

Я часто встречал родителей, которые полностью отвергают воспитание доброты и любви на том основании, что этот мир – не для добрых людей. Никаких Дон Кихотов в моем доме!

Тут-то и зарыта педагогическая собака. Спустя годы она оживает в выросших детях, начинает лаять и рычать, а мы в ужасе: откуда это?

Ладно, пусть наш ребенок не будет Дон Кихотом. Но пусть в нем хоть что-нибудь будет от милого Рыцаря печального образа. В постоянных победителях есть что-то отвратительное.

О целомудренности в отношениях

Сегодня требуют открывать детям всю подноготную жизни, и никак иначе. Я понимаю, что детям надо говорить всю правду. Что с детьми надо разговаривать в открытую. Что чем раньше дети узнают правду, тем более честными людьми они будут. Что – и так далее...

Но вопреки всем очевидным фактам и доказательствам я старомодно думаю, что в разговорах с детьми надо соблюдать какое-то целомудрие. Не все, о чем пишут в книжках, может быть предметом разговора отца с десятилетней девочкой и даже с шестнадцатилетним сыном. Книжка – книжкой, а общение есть общение, оно задевает души.

Да, между детьми и родителями должны быть контакт, взаимопонимание, близость – но должно быть и расстояние. Мама с дочкой – друзья, но не подружки. Дети должны – так я думаю – понимать, о чем и с кем можно разговаривать, это приучает их соблюдать какие-то границы. Иначе – полная распушенность. Иначе родители детей – матом, а чуть позже и дети родителей – матом, и тогда родители хватаются за голову и кричат, что нынешнее поколение никуда не годится и никого не уважает.

Условности? Да, условности. Недавно я стал корить девятиклассника, который курил. «Как же, – говорю, – ты дома? Ты и при родителях куришь?» «А при родителях мне даже и не хочется», – засмеялся он, удивившись моему предположению, будто можно курить при родителях.

«Условности», «обман», «лицемерие» – какими только словами не назовут этот взгляд на воспитание иные из читателей, и со смущением признаюсь, я и сам не могу объяснить его теоретически. Это просто мое убеждение.

Я убежден, что если мальчик подрался или даже его побили в школе, он не должен торопиться сообщать об этом родителям. Он не должен бежать к ним со всякой своей неприятностью. Он не должен рассказывать им все о своей подростковой жизни, во многих случаях неприглядной. И само это бережение родителей своих, своего рода забота о них и создает позже определенность и твердость характера.

Осторожно, капкан!

Не думай, не желай и не смей – три кита, на которых держалось прежнее воспитание. Теперь его по капле выдавливают из себя с тем, чтобы... Чтобы передать детям?

Воспитание обузданием и самообузданием действует, пока есть необходимый для таких механизмов страх, пока неподчинение коллективу грозит большими неприятностями. Но страх уходит, основой жизни становятся самостоятельность, самодеятельность, саморегуляция. И в частной, личной, трудовой жизни человек все больше начинает действовать на свой риск и страх – оценим это поразительное по психологической точности народное выражение: свой риск и страх. Не кто-то рискует, а ты. Не внушенный кем-то страх, а свой, вызванный внутренними побуждениями.

Быть может, это одна из самых больших перемен, которые происходят сейчас, – риск принимается как естественное для человека состояние и поведение. Новое мышление меняет сознание и мировоззрение. Свой риск и страх меняют волевою сферу.

Однако что же это все значит на практике? Как воспитывать теперь детей? Что им говорить? К чему подталкивать? О чем предупреждать?

Прежнее массовое воспитание в общем-то внушало молодому человеку: «Делай как все, будь как все». Сегодня оно не то что не годится – оно становится опасным для детей. В иных случаях правило «делай как все», внушенное с детства, и боязнь отличиться от других могут привести к тому, что подросток будет втянут в банду, станет алкоголиком, а то и наркоманом. Для подростка «все» – это не вообще все абстрактно-прекрасные люди, а реальная компания, в которую он вынужден вступать за неимением другой. Чаще всего у него нет выбора и точит изнутри: «Будь как все, ты что – лучше других?»

Но может быть, лучше так говорить детям: «Не будь как все, никому не подчиняйся, никому не подражай, у тебя свой ум должен быть» – так?

Тоже страшно. Человек один быть не может, он ищет, к кому прислониться, к кому прилепиться, кому подчиниться – многим своя воля кажется лишней тяжестью, а поиск своего пути – утомительным занятием.

Воспитание всегда трудно, воспитание же для жизни на свой риск и страх в тысячу раз

труднее, чем привычное воспитание уздой – обузданием и самообузданием. Предприятие, созданное на свой риск и страх, может разориться; человек, действуя на свой риск и страх, может оказаться на краю гибели. Здесь таится опасность, но именно эта неизбежная опасность и воспитывает. Многие неудачи воспитания объясняются тем, что родители старались действовать наверняка, избежать риска. Но воспитание без риска силы не имеет.

Однако если самостоятельность резко возрастает, то надо внушать ребенку некоторые правила безопасности, о которых прежде не говорили.

Вот одно из них. Мы по старой привычке говорим, что в мире нет безвыходных ситуаций. Но это не так, это не отвечает действительности. Будем объяснять вырастающим детям, что на свете есть капканы – есть ситуации, из которых почти невозможно выкарабкаться. Следовательно, надо быть весьма осмотрительным, не попасть в капкан – потом будет поздно.

Одним из таких капканов стали наркотики. Наркомания практически неизлечима, жизнь наркомана становится сплошным мучением – и что же делать тогда? К кому обратиться? Несчастные люди пишут в газету, ищут докторов, пытаются пересилить себя – но это редко удается.

Есть один и только один способ борьбы с капканами: быть осмотрительными, не попадаться. Говорите детям: действуйте самостоятельно, не страшитесь риска, не бойтесь жизни, ничего не бойтесь. Но помните о капканах – обходите их стороной.

Сколько у нас заповедей?

Как, по-вашему, читатель, если дети не получают религиозного воспитания, должны ли они знать какие-нибудь заповеди? Или пусть сами доходят до вечных истин? Кто дойдет, кто не дойдет – но зато сам не дойдет?

«Заповедь» – трудное слово для современного человека. Давным-давно шел на наших экранах французский фильм «Дьявол и десять заповедей», состоявший из отдельных веселых новелл. Моя знакомая, работавшая в то время в ФРГ, приехав ненадолго в Москву, позвала меня посмотреть фильм. Я удивился – что ж ей у нас смотреть, наверняка что-нибудь вырезано. Но мы все-таки пошли, и когда сеанс кончился, она сказала: «Я так и думала. У вас здесь вырезали одну новеллу, а у нас там – другую». Здесь боролись с эротикой, там – с богохульством. Но и та сторона, и эта проявили одинаковую готовность кроить заповеди по своему усмотрению: десять их, девять или пять – какая разница?

В нашем общественном сознании заповеди и вообще моральные правила какого бы то ни было рода сильно опорочены. Многие годы каждую осень во всех газетах писали о «первой заповеди хлебороба». В иные времена эта первая заповедь практически означала следующее: отдай весь хлеб государству, а сам хоть пухни от голода. Потом произошел конфуз с «моральным кодексом строителя коммунизма», собранием напыщенных и плохо отредактированных фраз. Когда этот кодекс был провозглашен, теоретики писали, что вот-де библейские заповеди – в отрицательной форме («не убей», «не укради»), а у нас лучше, у нас – в положительной. Напечатанные или нарисованные на красной фанере, под стеклом или просто в деревянных рамках, лучшие в мире тексты кодекса были развешаны по всей стране.

Сейчас и не вспомнить, что же там было написано. Подумать только, как быстро забываются идеологические химеры! Три миллиона мальчиков и девочек ежегодно изучали «Законы юных пионеров», своего рода заповеди для детей. Но любые заповеди работают лишь тогда, когда их знают. Пионерские же законы выучить невозможно, их не знает никто, они и не рассчитаны на то, чтобы их учили, знали, чтобы ими руководствовались. Но самое вредное, что только может быть в воспитании, – это бездействующий закон.

Идея беззакония, идея открытого и ненаказуемого пренебрежения объявленным законом прочно внедряется в сознание и подсознание наших детей – и подчас навсегда.

Развратив детские головы, спохватываются и начинают жалкую правовую пропаганду – вяло или пылко уговаривают подростков уважать законы, проводят конференции и

симпозиумы по так называемому правовому воспитанию и громко бранят детей за то, что у них, нынешних, нет и тени уважения к законам.

Это стало, кажется, общей схемой современного воспитания – сначала детскую душу развращают до последних пределов, вытапывают способности и все оригинальное, словно формалином заливают детские стремления любить, верить, надеяться, а потом хватаются за голову, начинают осуждать детей и перевоспитывать их.

Сейчас, когда стали наконец понимать значение общечеловеческих, вечных истин, все находятся в тайном недоумении – а в чем, собственно, они состоят, эти истины? Обычно прибегают к формуле «Не укради, не убей и так далее». Вот это смутное «и так далее» практически составляет содержание всей нашей сегодняшней этики. Но попробуйте воспитайте душу ребенка, имея за своей душой жалкое «и так далее» и ничего больше!

14-летняя девочка, дочь «простых рабочих», пишет о себе: «Я вижу, что вокруг меня люди исповедуют только два закона: “хочешь жить – умей вертеться” и “ты – мне, я – тебе”». Вот вам и моральный кодекс, и десять заповедей...

Но любопытно: в этих двух житейских законах, ужасных в глазах девочки, на самом деле ничего страшного нет. Любой нынешний предприниматель скажет, что в них – вся его деятельность. Девочку мучат не сами заповеди делового человека, а расхождение между тем, чему учат в школе, и тем, чему учит жизнь.

Не могу не привести и заключительные строчки из этого письма: «А в душе я все еще верю. Верю в принца, в любовь, в счастье. И может быть, найдется человек, который сможет меня переубедить, только я лично не очень-то в это верю. И только не надо говорить прописных истин о моей духовной бедности. Духовно я богатая, но, видя жизнь вокруг, я иначе думать не могу».

Какие у нас дети растут, в каком большом долгу мы перед ними! Мы обязаны – вместе с ними – устроить такую «жизнь вокруг», чтобы из нее, а не из текстов на красной фанере впитывали они заповеди действительно человеческой жизни, всюду одни: в книге, в школе, в действительности.

Но все-таки, в чем они состоят, эти заповеди?..

Залог вечной жизни

Дети и смерть... Мы все озабочены тем, как объяснить детям зачатие и рождение человека, на эту тему написаны тома, особенно на иностранных языках. Но как объяснить смерть? Дети о смерти спрашивают редко, но не спрашивают – не значит не думают.

Один человек рассказывал мне, что когда ему было пять лет, у них в коммунальной квартире умер сосед. Утром началось беганье, хлопоты, а мальчика отгоняли: «Иди, иди, это тебя не касается». Но из обрывков разговоров он понял, что сосед умер во сне, лежа на спине, и что люди всегда – так понял мальчик – умирают на спине.

Во сне? На спине? Значит, заснув, можно и не проснуться, если случайно окажешься на спине? В течение долгого времени мальчик боялся засыпать и особенно боялся он хоть на мгновение оказаться на спине.

Быть может, одна из особенностей современного ребенка (в отличие от детей прежних времен) состоит в том, что с появлением телевидения дети то и дело видят на экранах смерть, и главным образом – насильственную. Если в руках героя стреляющий автомат, то по десять душ в минуту отлетает на глазах ребенка-зрителя. Отработаны картинные формы смерти: убитые падают, соревнуясь в акробатической ловкости: кто красивее выгнется, кто выше подпрыгнет, прежде чем помереть.

Что смерть в кино становится нестрашной – это ладно, в конце концов, это ведь не настоящая, игровая смерть, дети и сами так же картинно падают в играх. Хуже, что конец человеческой жизни подается нефилософично. Зрители воспринимают смерть без мысли о смерти. Изображение смерти на экране само по себе не опасно, не безнравственно, как и рассказ о чувственной любви.

Безнравственно другое: что герой умирает, а зрителю его не жаль. В этом случае убивают не героя, а зрителя – убивают какие-то его чувства. Есть оборот речи: «Он умер, оплакиваемый родными». Если некому было рыдать, нанимали плакальщиц. Но нельзя, чтобы человек умирал – в жизни, в книге, на сцене или на экране – и никто не плакал бы, никто не грустил. Комедию, не вызывающую смеха, осуждают. Но не должна ли быть осуждена трагедия, не вызывающая высокой печали, очищающей душу?

Прежде я считал, что маленьких, например десятилетних, детей не надо водить на похороны близких. Мне было жалко детей. Всегда хочется огородить их от несчастья, от вида несчастья – это желание так естественно. Но однажды мне сказали, что я не прав, что дети должны вместе со взрослыми переживать все. В. Сухомлинский тоже писал, что дети должны видеть смерть – тогда они начинают больше ценить жизнь. Когда Василий Александрович умер, то недлинную дорогу от школы до сельского кладбища усыпали цветами, и по ним за гробом учителя шли его ученики-первоклашки – так рассказывают. Сухомлинский говорил детям, что человек не умирает, что он и после смерти продолжает жить. Каким образом – он не объяснял, да дети и не требуют, как правило, таких объяснений.

Но даже в нерелигиозных семьях не стоит, на мой взгляд, говорить детям, что бессмертия нет. Тем более что мы и сами очень мало знаем о смерти и о посмертном существовании человека.

Для себя я нашел такое объяснение для разговоров с детьми о смерти и бессмертии. Человеческий дух, говорю я, – это стремление к правде, добру и красоте. Это не личное стремление человека, оно одно на всех, для всего человечества. Человек умирает, но дух его – его стремление к высшему и бесконечному – остается в других, в человечестве, и так человек вечно живет в других. Не только в памяти близких живет он, но и в душах, в духе, в стремлении всех людей к вечному.

Быть или казаться?

Кого уважают и любят люди? Мать говорит о сыне: «Мой на хорошей работе. – И обязательно прибавит: – Его там уважают».

Любовь людей – самый точный признак высоких качеств человека. Силой или хитростью любви не добьешься. Когда мама тревожится за сына, просит совета, то сначала спрашиваешь ее: «А товарищи его любят?» – «В общем, да». – «Не тревожьтесь, – говорим, – за мальчика, значит, с ним все в порядке». И наоборот: у школьника невероятные успехи, он отличник, чемпион, лауреат, а товарищи его недолюбливают. Будем настороже: что-то не так с мальчиком!

Бывают дети – нелюдимы, очень застенчивые или очень требовательные в дружбе, они живут без друзей и страдают от этого. И все равно к ним относятся хорошо, хоть и не ходят с ними в обнимку. Не числом друзей измеряется любовь к мальчику или девочке, и не успехами она определяется, а чем-то другим. Чем же?

Наш маленький подросток и впервые выходит во двор, «в люди» (или мы отдали его в ясли, или в детский сад – все равно). И сразу вместо привычной домашней морали «послушный – непослушный», «хороший – плохой» он попадает под действие нового для него морального кодекса, выраженного... в детских дразнилках. Забавные, насмешливые, озорные, они меняются со временем, но смысл их всегда один и тот же.

Дома ребенку лучший кусок, а здесь, во дворе, делись со всеми, иначе – «жадина-говядина!» Дома радуются, что ребенок хорошо ест и быстро поправляется, а здесь – «толстый, жирный, поезд пассажирный!» Дома, когда заплакал, утешают, а здесь – «плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин!» Дома кутают, боятся простудить, а здесь, если появишься одетым не по сезону, сразу – «зима – лето попугай!» Дома говорят: «Дружи с этой девочкой, она такая хорошая», а во дворе за эту дружбу еще и «тили-тили-тесто» схватишь. Всегда найдется за что дразнить, ну хотя бы за то, что тебя зовут Колей: «Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй». Нет готовой дразнилки – придумают!

Но заметим, самые маленькие дети не дразнят друг друга за слабость и трусость – пока еще быть слабым не зазорно, пока еще все слабые! Да и споры не драками решаются, потому что неподалеку мама или кто-то из взрослых, и всегда могут дети спрятаться дома, отдохнуть от этой суровой жизни. А потому – горе мальчику, если его и дома встречают бранью и насмешками, упреками за грязное пальто или мокрые ноги! Он не выдерживает двойной осады, ожесточается. Дом для ребенка должен быть местом, где можно отсидеться. Даже в играх дети устраивают «домики» и всевозможные «чур-чура» – им нужен, по-моему, отдых не от беганья, а от действия неумолимых и чересчур тяжелых для детской души правил. У детей еще мало нервных сил, и первый моральный кодекс они принимают как лекарство – небольшими дозами. Поэтому детям нужна строгость двора, но нужна и домашняя пощада.

С возрастом, когда начальная школа морали («не жадничай», «не плачь» и т. д.) пройдена, дворовый кодекс ужесточается, расширяется. Наказанием теперь служит не безобидная дразнилка, а кличка, презрительное словцо, прозвище: «маменькин сынок», «ябеда», «бессовестная», «слабак», «тихоня», «трус», «ворюга» – кодекс приближается к взрослому. Трехлетний взял Вовино ведерко, семилетний украл Вовин пистолет.

И тут-то на первый план выходит главное требование к человеку, маленькому или взрослому. О том, что оно главное, можно судить по огромному количеству и разнообразию устойчивых сочетаний; на одну тему, с одним и тем же значением – их, наверное, в десять раз больше, чем всех других дразнилок и прозвищ, вместе взятых.

Сперва, при переходе из начальной школы морали в среднюю, это еще по-прежнему дразнилка: «Воображала, хвост поджала!» А потом – «не задавайся», «не зазнавайся», «не заносись», «не выставляйся», «не выпендривайся», «не ставь из себя», «не корчи из себя» до относительно нового – «не возникай!» Это требование «не ставь из себя», если перевести его в положительную форму, означает: будь таким, какой ты есть! Не старайся казаться лучше, сильнее, умнее! Будь самим собой!

Да, от основания мира и до наших дней любят и уважают только тех, кто умеет быть естественным. Умеет быть умным, сильным, храбрым, добрым, лучшим в играх и в труде – именно быть, а не казаться таким! И всегда, сколько мир стоял, люди презирали тех, кто претендует на что-то, кто несет в самом себе неправду. Будь человеком, а не выгляди как человек, не подделывайся под человека, не притворяйся человеком! Именно за полное непритворство любят маленьких детей, и «устаами младенца глаголет истина».

Дети особенно чутки на правду, у них меньше, чем у взрослых, нужды с неправдой мириться, и они наказывают, гонят, презирают и обижают всякого, кто пытается «ставить из себя». Они вовсе не завистливы, они умеют гордиться своим товарищем – отличником, чемпионом и лауреатом, они обожают его, при одном условии: если это действительно отличник и чемпион. Всякий избыток похвалы или славы над действительной ценой человека оборачивается, как и у взрослых, насмешкой над ним. Вашего ребенка обижают товарищи? Подождите негодовать! Почти наверняка ваш ребенок, незаметно для себя, своим отношением к товарищам обижает их! Он чуть-чуть гордится тем, чем гордиться не стоит, считает себя чуть лучше кого-то, хоть он и не лучше, он называет себя сильным, не будучи таковым, или умным, хотя нет у него способностей. А дети признают только правду! Его и будут обижать, вашего сына, и никто не защитит его, и вовсе не злы его сверстники, а это мы сами виноваты в его бедах – это мы побуждали его казаться лучше, чем он есть.

Родители учат детей «давать сдачи», говорят: «Умей постоять за себя», записывают младенцев в секции самбо. Но на сильного всегда найдется и посильнее, на храброго в драках – и похрабрее, на умного – и поумнее, на самбиста – каратист... Никто в этом мире не защищен, кроме открытого человека, который есть то, что он есть! Что ж, пусть он не всегда ведет себя активно – это зависит от темперамента! Но он несет в себе правду, он сам и есть правда, и его никогда не обидят.

Думаю, только то воспитание прочно, которое приучает ребенка быть самим собой: только тот человек прочно стоит на ногах, который не боится быть самим собой. У него лучшая защита – внутренняя цельность и любовь людей.

С середины прошлого века, когда появились нашумевшие статьи замечательного хирурга и педагога Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», «Быть и казаться», проблема неестественности постоянно занимает умы воспитателей и публицистов. Со временем проблема обостряется, и сегодня, пожалуй, нет книги, герой которой не был бы занят мучительным поиском самого себя. И все тоскуют по цельности, по естественности.

Вырастить цельного человека трудно. Для этого нам приходится полностью исключить из воспитания страх и принуждение, потому что всякое принуждение – это принуждение казаться: мы заставляем ребенка делать нечто такое, что не отвечает его сущности, иначе его не пришлось бы принуждать. Мальчика-радиолобителя не требуется заставлять сидеть за приемником. И не надо принуждать к рисованию девочку-художницу, и не приходится заставлять убирать квартиру девочку-аккуратистку...

Быть цельным человеком – значит не иметь страха перед людьми, перед их мнением, перед возможными укорами, насмешками и дразнилками. Не бояться выглядеть глупым, слабым, отстающим, подчиненным, не бояться быть хуже всех! Это трудно, потому что условия соревнования неравные: других-то детей приучают порой казаться, выглядеть... Наш ребенок, если мы приучим его к бесхитростности, возможно, будет выглядеть хуже всех. Выдержит ли он? А главное, выдержим ли мы? Какие-то годы, особенно в школе, наш мальчик будет словно третий сын в сказках, словно Иванушка-дурачок: никаких претензий, и вроде все невпопад делает и над ним смеются, а он всех жалеет, помогает, и ничего для себя не надо – не глуп ли?

Но как в сказках Иванушка-дурачок всех побеждает и женится на царской дочери, так и в обычной жизни наш мальчик, который все время отставал, у которого все время были приключения, который и учился-то хуже всех, и речью развитой не обладал, и талантами не блистал, неуклюж был, неотесан – именно этот мальчик рано или поздно станет замечательным человеком, и все его полюбят, и все будут говорить: «Пооди ж ты!»

Для воспитания цельного человека нужно не бояться детских неудач и самому не стремиться выглядеть папой-отличником и мамой-хорошистикой. Вот что труднее всего! Косятся соседи, бранят в школе, да и страшновато: а вдруг так и останется невеждой и невежей? И похвастаться нечем! Ты сам-то видишь, что в доме растет хороший мальчик, ты чувствуешь это, ты любишь его – да уж очень велик порой напор со стороны: «Отчего он у вас «здрасьте» сказать забывает? Как?! Он у вас не читает книг? Двойки получает?!»

Спору нет, хорошо растить без принуждения детей, которые сами по себе отличники; а если вот такой – двойки да прогулы? И нередко отлетают от нас благие наши намерения, лопаются терпение...

Все дети видят перед собой не только хорошие примеры, но и дурные; следовательно, у всех могут появиться и дурные желания. Традиционное воспитание зорко следит за такими желаниями и подавляет их, приучает ребенка и самому подавлять их; человека, умеющего подавлять свои дурные желания, называют воспитанным. По-моему, это неверно. Дурные желания все равно когда-нибудь да проявятся. Если же у ребенка теплый дом, если он не знал в своем доме принуждения, не испытал страха и ненависти, то у него и не появятся дурные желания, и нечего ему подавлять! По-моему, все или почти все дурные наклонности мы культивируем сами – именно тем, что с рождения учим ребенка казаться вежливым, когда он еще не испытывает благодарности, учим сдерживаться, когда у него еще нет ни воли, ни понимания обстоятельств, и требуем массы вещей, которые ему не по силам, да еще гордимся, когда подобное воспитание идет успешно!

К тому же ведь не мы одни, зловредные родители, учим казаться! Тот же двор с его дразнилками заставляет ребенка: «Будь как все, будь как все, будь как все!» Если мальчик не получает поддержки дома, где же, скажите, он возьмет силы, чтобы противостоять этому требованию?

Нет, мы не станем внушать ему «не будь как все» и тем более уверять его, что он лучше других или лучше всех. Мы постараемся просто растить ребенка без страха, окружать теплом. Его учат добру – и он становится добрым, и начинает понимать, что добром,

простотой, естественностью и справедливостью он все победит и от всего защитится.

Одна из самых тяжелых проблем воспитания – «дурная компания». Кардинально эта проблема решается только в системе воспитания цельного человека. Мальчик, не знающий страха, связанный душой с родителями, умеет противостоять любому дурному влиянию, да так, что родители и не узнают об этом влиянии, не успевают разволноваться. И наоборот, мальчик, которого приучили казаться, обязательно отыщет себе дурную компанию и дурных товарищей.

Но полного курса науки «шито-крыто» он еще не прошел, прятаться, как Варвара, не умеет, родители смотрят зорко, мальчик попадает то на курении, то еще на чем-то, и начинается: «Помогите! Спасите! Сын связался с уличными мальчишками!» А родители этих уличных мальчишек точно так же про нашего сына говорят.

Если мы научили сына казаться, то никогда не можем быть спокойны за него. Каким бы благополучным он ни выглядел, все равно рано или поздно может преподнести нам сюрприз, да такой, что за голову схватимся: «Мой мальчик?! Никогда не поверю! Он такой тихий! Такой вежливый! Он мухи не обидит!»

Вот и выбирай. Учить ребенка казаться – плохо. Учить быть – трудно и страшно... Что вам больше по душе?

Мне – второе!

Ключи от счастья детского

Десятилетний мальчик, неумеха и двоечник, две недели болел и не ходил в школу. Когда он вернулся в класс, его учительница обрадовалась: «Как хорошо! Нам тебя не хватало, ты нам нужен». Небрежным тоном, как бы между прочим, не поступаясь мужской гордостью, он сказал дома: «Я очень нужен в классе». «Чем же?» – спросила мама. «Я ключ приношу».

Неумеха этот еще и копуша: он постоянно опаздывал. Но однажды воспитательница группы продленного дня, закончив занятия, дала мальчику ключ и сказала: «Утром придешь первый и откроешь класс». И он стал приходить первым.

Психологи выделяют важные духовные потребности: потребность в самореализации, в самоактуализации, потребность в достижении, потребность в смысле жизни. Но что-то не встречалась статья о потребности в необходимости. Человеку нужно быть нужным. Пусть в классе не будет ни одного отвергнутого, отторженного. Даже самый мешающий ученик не должен чувствовать, что он только мешает, что он лишний, что от него с радостью избавились бы. Человек держится на плаву до тех пор, пока он чувствует себя нужным. В прошлом веке был слой людей, которых называют лишними – у них не было поприща, они не могли приложить свои способности. Сейчас появились люди, не лишние для общества, но чувствующие себя ненужными. Им не дали ключа – от класса, от дома, от собственной души.

На беду нашу иногда случается, что воспитание наше приходит к полному краху: «Мой совсем отбил от рук». Мы ищем причины: почему? Как случилось? В какой день началось отпадение сына от семьи, от родителей?

Одной схемы на все случаи нет, но вот, пожалуй, самая распространенная: сын или дочь в какое-то время перестали нам нравиться, и мы отвернулись от них. Дети почувствовали себя ненужными – с этого все и началось, дальше процесс отпадения идет очень быстро.

Детям часто кажется, что они не нужны, мешают родителям. Они фантазируют: «Может быть, я не родной их сын?» Они находят подтверждения: «Я им мешаю. Без меня им было лучше».

Будем внимательны! Мы можем и не заметить, как дали ребенку повод для горьких фантазий.

Ребенок нужен нам, но не как игрушка, не только потому, что мы отвечаем за него, но

просто – нужен, как нужен любящий любящему. Наши постоянные: «Отойди! Не вмешивайся! Не мешай! Займись своим делом» – могут сыграть с нами злую шутку. Ребенок должен знать, что он любим.

Но бывает обратное: ребенок нужен нам, а мы ему – не нужны. Хуже того: никто ему не нужен.

Это и называется эгоизмом. Эгоист – человек, которому никто не нужен.

Как избежать этой опасности? Как пробудить и развить потребность ребенка в человеке? Нет в семейном воспитании более трудных вопросов, потому что нет таких приемов, методов, способов, ибо мы касаемся самых тонких сфер личности.

Но может быть, учительница маленького мальчика, которая дала ему ключ, хоть чуть-чуть приоткрывает эту тайну воспитания? Чтобы ребенок почувствовал себя нужным, надо одарить – именно одарить! – его хоть какой-то ответственностью. Ну, как говорится, «если не ты, то кто же?». Опоздает человек, не принесет ключи – урок задержится.

Человек, который знает чувство ответственности, – человек. Вот два ключа от счастья детского: «Я нужен», «Вы мне нужны».

Примечания

I. Воспитывать? Просто любить?

Тайны детской любви // Новое время. 1989. № 37.

Выбирая между воспитанием-да и воспитанием-нет // Новое время. 1990. № 1 («Какой хлеб вкуснее?»).

А что, если быть поосторожнее к себе? // Неделя. 1971. № 2 («Воспитание... родителей?»).

Когда сердце обманывает // Неделя. 1985. № 15 («Просто любовь?»).

Высокие цели и... подручные средства // Семья и школа. 1987. № 6 («Цели и средства»).

II. Душа не поддается управлению

Кое-что о святых // Новое время. 1990. № 50.

Воспитание без воспитания // Новое время. 1989. № 14.

«Не учите меня жить!» // Неделя. 1982. № 44.

Уровень справедливости // Новое время. 1990. № 41.

Все начинается с веры // Семья и школа. 1987. № 4.

III. Очевидное – неочевидное

Воспитание духа // Новое время. 1989. № 3.

До свадьбы заживет // Новое время. 1989. № 41.

Воспитание доверием // Неделя. 1980. № 23 («Воспитанные дети. Статья вторая»).

Воспитание общением // Неделя. 1980. № 22 («Воспитанные дети. Статья первая»).

Воспитание похвалой // Неделя. 1980. № 24 («Воспитанные дети. Статья третья»).

Парадоксы воспитательных ситуаций // Семья и школа. 1987. № 5 («Свет за дверью»).

IV. Сердечный слух

Настроенность на волну детства // Новое время. 1988. № 40 («Последний классик»).

Вежливые дети? // Неделя. 1978. № 32.

Чуткие дети? // Неделя. 1986. № 17 («Мой мальчик лучше меня»).

Щедрые дети? // Неделя. 1980. № 46.

Желание понять // Новое время. 1989. № 31.

Узел отношений // Семья и школа. 1987. № 8 («Счастье – когда тебя принимают»).

V. Прошу считать меня человеком

Вечный ремонт // Новое время. 1988. № 30.
 Балованные дети? // Неделя. 1970. № 9.
 Заботливые дети? // Неделя. 1974. № 37.
 За свой счет // Новое время. 1989. № 18.
 Непохожие дети? // Литературная газета. 1978 г., 22 февраля. № 8 («Непохожие?»).
 Бескорыстие. Риск. Терпение // Семья и школа. 1987. № 10.

VI. Любимые не виноваты

Домашнее серебро в колодце // Новое время. 1989. № 22.
 Домашняя окопная война // Новое время. 1989. № 17.
 Насилие от бессилия // Новое время. 1988. № 33 («Носители насилия»).
 Опаснее, чем курение // Новое время. 1989. № 13 («Минздрав не предупреждает, но...»)
 Раздраженные родители? // Неделя. 1984. № 17.
 Дурное влияние? // Новое время. 1990. № 15 («Испорченные дети?»).
 Трактат о милосердии // Учительская газета. 1988 г. 31 декабря.
 Три модели воспитания – привычные, но негодные // Семья и школа. 1987 г., № 12 («Я охраняю детство»).

Дети и заповеди

Что есть правда? // Новое время. 1989. № 24.
 Все на свете // Новое время. 1989. № 4.
 Главное слово – заступник // Новое время. 1989. № 35.
 Ваш ребенок – Дон Кихот? // Новое время. 1990. № 11.
 О целомудренности в отношениях // Новое время. 1989. № 48 («Когда мы прыгали через канаву»)
 Осторожно, капкан! // Новое время. 1990. № 13.
 Сколько у нас заповедей? // Новое время. 1988. № 51 («Дети и заповеди»)
 Залог вечной жизни // Новое время. 1989. № 33.
 Быть или казаться? // Неделя. 1983. № 7.
 Ключи от счастья детского // Учительская газета. 1988 г., 1 января.